

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
И ДЕЙСТВИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МОСКВА

1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Сборник статей)

Ответственный редактор
проф. Ю.С. Новопашин

Москва
1991

Редактория: к.и.н. О.Н.Майорова
к.и.н. В.В.Мирошников
д.ф.н. Ю.С.Новопашин (отв. редактор)

ISBN 5-201-00722-8

(С) Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории отношений наших стран существуют различные страницы. Многие из них нерадостные. Польша обрела государственную независимость в ХХ веке практически за два десятилетия до начала самой кровопролитной из войн. И этот недолгий период характеризовался весьма напряжутыми отношениями с революционной Россией, в начале которого столкновение 1920 г., а в конце — практически новый вооруженный раздел Польши между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом.

Вторая мировая война, в ходе которой СССР и Польша принесли на алтарь победы наибольшее количество жертв, все-таки остается во многом неисследованной. До сих пор уточняется цифра людских потерь, изучается целесообразность тех или иных операций, особенно неудачных. Работы ученых-исследователей и поисковиков-общественников еще немало. Если говорить о стратегической, батальной стороне войны, можно, конечно, констатировать известную прорисованность картины. Но если обратиться к стороне, запечатлевшей человеческие судьбы, она в значительной своей части до сих пор представляет собой лишь белый холст, на котором кроме отдельных штрихов ничего пока не видно. Десятки, сотни тысяч тел павших советских воинов до сих пор не погребены или неизвестны места их захоронения. Под одним только Новгородом, в "долине смерти" лежат, незахороненные, четверть миллиона наших бойцов... То есть за помпезным фасадом всемирно-исторической победы по существу замалчивается ее мученическая, неимоверно тяжелая, отрешная цена. Многое непростительно забыто, многое сознательно "не вспоминается". От сталинской оценки всех попавших в плен как врагов берет свое начало тенденция игнорирования этой проблемы, присущая советской официальной исторической науке по сей день.

В сборнике в контексте осмыслиения отношений между СССР и Польшей в годы второй мировой войны затрагивается наименее изученный и наиболее болезненный комплекс вопросов, связанных с положением советских военнопленных на польских землях; представлены различные аспекты указанной проблемы - правовой, политический, военный, моральный.

Большинство публикуемых статей, особенно авторов из Польской Республики, весьма фактографичны; взаимно дополняя друг друга, они вносят много новых элементов в воссоздание картины мученичества и героизма на польских землях. И здесь уместно, видимо, обратить внимание на то, что в нашей стране лозунг "никто не забыт, ничто не забыто" очень далек от реализации. Более того, поиски иногда ведут мародеры, часто - непрофессионалы, что сплошь и рядом вопреки предполагаемому приносит эффект пренебрежительности и даже аморальности. Польские же учёные-историки дают в своих статьях пример высоко профессионального и нравственного подхода к вопросам мартирологии советских военнопленных. Бережность, стремление раскрыть больше имен, деталей, эпизодов борьбы, огромное человеческое сострадание - отличительные черты польского подхода к этой проблеме.

В аспекте истории польско-советских отношений такие страницы, как помощь советским военнопленным, боевое взаимодействие польских и советских партизан, защита советскими партизанскими отрядами польского населения от репрессий и бесчинств оккупантов и их прихвостней, к сожалению, в настоящее время нередко отходят на второй план, затеняются материалами о гнусных, преступных акциях сталинско-бериевского руководства "первой страны социализма" - расправа в 1940 г. с пленными польскими офицерами, священнослужителями, другими представителями интеллигенции, содержавшимися в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД, депортации сотен тысяч поляков в отдаленные районы СССР и т.д. Засывать последнее нельзя, но и осложнен-

ся положение считать нормальным тоже нельзя. Ведь лишь немногие польские граждане, оказавшие помочь советским военнопленным и партизанам, как-то отмечены. А большинство таких людей, несомненно, достойных не только нашей благодарной памяти, но и высоких советских наград, в поле зрения официальных властей СССР так никогда и не попадали. Это невнимание советской военной и гражданской бюрократии к данной проблематике во многом способствовало, кстати сказать, нынешней волне пренебрежительности и вандализма по отношению к памятникам братства по оружию.

Стимулом к изданию сборника послужила советско-польская научная конференция, состоявшаяся летом 1989 г. в Институте славяноведения и balkанистики АН СССР. Материалы сборника, раскрывая ряд новых эпизодов и имен, вырабатывая новую трактовку данной проблематики, представляют собой шаг в направлении ее комплексного и всестороннего изучения, для чего необходима более широкая и углубленная постановка вопросов и доступ к советским и иностранным архивам.

Авторский коллектив составили следующие польские и советские исследователи: проф. Я. Гмитрук – директор Института крестьянского движения Главного комитета Польской крестьянской партии; проф. А. Доброньский из Белостокского университета; проф. В. Гура и проф. Р. Назаревич – специалисты по политической истории современной Польши; доктора исторических наук Ф. Г. Зуев и В. С. Парсаданова – ведущие научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР; проф. И. С. Яжборовская – ведущий научный сотрудник Института проблем рабочего движения и политологии АН СССР.

И.С. ЯВРОВСКАЯ

"БЕЛЫЕ ПЯТНА" В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Конференция советских и польских ученых, посвященная неразработанным или слабо изучавшимся до сих пор аспектам взаимодействия двух народов в борьбе с гитлеровским фашизмом, - знамение времени. Она вносит важный вклад в устранение так называемых "белых пятен" в истории советско-польских отношений, в укрепление конструктивных основ этих отношений. Польша - западный сосед Советского Союза, крупное государство, без которого не решаются дела в Европе. Равноправные и взаимовыгодные связи с ней отвечают коренным национальным интересам обоих государств, имеют для них фундаментальное значение. В условиях гласности и плюрализма мнений все большую роль начинают играть проблемы исторического прошлого, современного состояния, а также перспектив советско-польских отношений. Наше время - время повышенной поисковой активности, роста стремления критически переосмыслить, глубоко и трезво оценить эти проблемы, с позиций нового мышления сформулировать свое отношение к ним.

За прошедшие семь с лишним десятилетий советско-польские связи складывались по-разному. Были в них и светлые, и темные стороны. Мы теперь ясно видим, что оценка причин этого явления не может быть одноланевой. Сталинские деформации, которые поразили многие стороны внутренней жизни Советского государства, не обошли и область внешней политики. Со всей очевидностью они проявились в сфере советско-польских отношений, наложив на них довольно мрачный отпечаток. Необходимость очиститься от сталинского наследства диктует совместный придиличный пересмотр проблематики "белых пятен", восстановление всей правды и о трудных моментах в русско-польских и советско-польских связях, и об игнорировавшихся по разным причинам светлых

страницах в истории этих связей, ибо в летописи сотрудничества двух народов было немало и такого, что, по словам Э.А.Шеварднадзе, "окрашено в цвета добра, благородства, бескорыстия, мужества, геройства"¹.

В общественном сознании обоих народов рост взаимного интереса в связи с процессами демократизации последних лет идет весьма специфическими путями: в нем органически переплетаются история и современность. Это четко прослеживается в материалах польских социологических обследований второй половины 80-х годов. Польский Центр по изучению общественного мнения специально занимался представлениями поляков об СССР и советско-польских отношениях. По его данным, с симпатией к Советскому Союзу относились в этот период более 60% поляков. Это, конечно, благоприятный показатель, непосредственно связанный с перестройкой в СССР, с надеждами польского населения на развитие процессов демократизации в нашей стране и обновления советско-польских отношений на партнерской основе. Особенно большой рост симпатий к СССР имел место после заключения Декларации о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, подписанной М.С.Горбачевым и В.Ярузельским 21 апреля 1987 г. Число поляков, позитивно оценивавших состояние советско-польских отношений, выросло с 62,7% в октябре 1986 г. до 75,3% в октябре 1987 г. В феврале 1988 г. был отмечен спад до 58,6%. После визита М.С.Горбачева в Польшу наметилась новая тенденция подъема (в октябре 1988 г. - 63,9%). При этом почти 2/3 обследованных указывают как на плюсы, так и на минусы в этих отношениях, подчеркивают необходимость их дальнейшего изменения в духе гласности и партнерства². Положительно оценивая развитие советско-польских отношений, большинство (66%) не считало его уровень достаточным и подчеркивало необходимость дальнейших изменений в духе большей открытости и искренности. Главным плюсом в этом направлении 30% опрошенных сочли обнародование ряда данных из области "белых пятен", увелечение правдивости информации об истории и сегодняш-

нем дне двух народов и их отношениях. Это явление расценивалось как единственный путь к укреплению доверия и расширению сотрудничества.

В граѓе "Что изменилось и что должно измениться?" преобладали ответы с требованием "полного выяснения" трудных вопросов, полноты информации, последовательности в раскрытии "белых пятен" в истории двусторонних отношений. Всеобщее внимание привлек пункт, предлагавший оценить происходящие изменения и желательность углубления процесса выяснения "отношения поляков к русским и русских к полякам", "отношения Горбачева и советских властей к Польше и полякам". Вот наиболее типичные ответы: "Мы – самые ближайшие соседи и должны укреплять взаимоотношения, доверять друг другу"; "историческая правда – ее выяснение, совершенствование сотрудничества и его расширение, чтобы было больше общего – обмена, совместного развития, а не так, чтобы каждый был сам по себе"; "больше искренности, подлинного интереса и меньше формальной пропаганды".

Вот как поляки определили изменения в советско-польских отношениях:

"Увеличивается гласность, правдивость информации. Есть намерение раскрыть белые пятна".

"Начинают говорить о многих вещах, которые были запретной темой".

"Больше говорят правды о войне, жизни поляков, депортированных в Россию во времена Сталина".

"Открытие тайн новейшей истории, напоминание о том, что было нечто такое, как Катынь, и об этом говорится громко".

"Ликвидация белых пятен, улучшение взаимопонимания, потому что и у них, и у нас идет перестройка".

"Много говорится о поляках, живущих там, о белых пятнах в истории; иным, более позитивным является отношение большинства польского общества к СССР".

"Наше общество сейчас больше доверяет советскому обществу после перемен, которые имеют там место".

А вот какие изменения представлялись полякам желательными и необходимыми:

"Вслед за увеличением интереса двух государств друг к другу должно возрасти доверие, в частности путем выяснения белых пятен в истории. Это повлияло бы на отношение общественности двух стран". "Полное выяснение так называемыхстыдливых, до сих пор замалчиваемых вопросов".

"Нужно объяснить обществу, какие отношения существовали между Польшей и СССР с момента возникновения II Речи Посполитой".

"Нужна последовательность в выяснении вопросов новейшей истории (союзнический пакт СССР с Третим рейхом, Катынь, депортации)".

"Все вопросы нужно выяснить до конца: о преступлениях Сталина, его действиях в отношении поляков нужно сказать все".

"Оба государства должны быть достойны доверия, открыты друг другу".

Приведенный материал – ярчайшее свидетельство того, сколь велика острота и актуальность проблемы ликвидации "белых пятен" в истории советско-польских отношений и сколь своевременны меры по решению этой проблемы, предпринятые в годы перестройки. Принципы сотрудничества в этой области обсуждались неоднократно. Велись поиски наиболее действенных форм решения этих вопросов. На польской земле родился замысел составления и подписания Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, которая и была подписана в 42-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Польшей. Она стала развитием и конкретизацией Договора по целому комплексу важных вопросов. Ее наполнение конкретными предложениями по расчистке негативов исторического прошлого, ликвидации "белых пятен", преодолению имевших исторические корни препятствий, развитию отношений в духе последовательного взаимного уважения равноправия, суверенитета, в духе подлинной искренности

и доверия исходило от советской стороны.

Декларация создавала базу и условия для достижения нового качества советско-польского сотрудничества, знаменовала возможности складывания принципиально нового отношения к этому сотрудничеству, формирования представлений о нем в стиле нового мышления, в соответствии с требованиями времени. Она содержала прямое обращение к ученым обеих стран, апеллировала к их чувству долга и ответственности. В ней говорилось: "Вековые связи Польши и России требуют глубокой оценки. Все эпизоды, в том числе драматические, должны получить объективное и четкое истолкование..."³. С этой целью была создана совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, в которую с советской и польской стороны вошли видные специалисты по соответствующим проблемам. В мае 1987 г. она определила круг проблем так называемых "белых пятен" в хронологических рамках 1917-1945 гг. Началась интенсивная работа, в которой научная экспертиза строилась на поисковых исследованиях, тщательном изучении разнообразных аспектов выявленных вопросов.

Создание комиссии очертило для ученых широкое поле исследований, открыло перспективу целостного изучения истории советско-польских отношений. Для начала она включила в план своей работы 7-10 тем. Решение той или иной проблемы с неизбежностью влекло за собой выявление новых вопросов и тем. Научный поиск охватил более 25 объектов и направлений – как экспертиз по конкретным вопросам, так и совместных коллективных монографических разработок. К участию в пленарных заседаниях и в работе отдельных рабочих групп стали привлекаться все более широкие круги специалистов. К изучению проблематики "белых пятен" в советско-польских отношениях подключилась общественность, прессы и публицисты (особенно в Польше, но и советские журналисты внесли немалый вклад в это благородное дело).

Работа развернулась по двум основным направлениям. Одно из них - это стремление разорвать порочный круг ущербных стереотипов декларативной, нередко бессодержательной пропаганды дружбы и революционных традиций, искоренить чисто лозунговый подход к ним, обогатить науку и общественное сознание глубокими, интересными исследованиями и очерками, живо и убедительно воссоздающими, отражающими подлинные интересы и ценности из области двусторонних отношений.

На основании проработок комиссии 5 мая 1988 г. в Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос об увековечении в СССР памяти польских прогрессивных деятелей, внесших вклад в революционное движение, развитие науки и культуры, укрепление советско-польских отношений. Было подчеркнуто, что "вместе с увековечением в Польше памяти передовых людей России и Советского Союза эта мера является новым шагом, показывающим широту взаимодействия обеих стран..."⁴. Соответствующие мероприятия были проведены в ряде союзных республик.

Развернулось изучение слабо разработанных проблем боевого взаимодействия и содружества в годы второй мировой войны, совместной борьбы советских и польских партизан, участия советских людей в польском движении сопротивления, помощи польского населения советским военнопленным, оказавшимся на территории Польши. В этой проблематике было немало "белых пятен", прямого замалчивания многих героических страниц сотрудничества из-за внедрявшегося в годы сталинщины негативного отношения ко всем тем, кто "находился на оккупированной территории", кто был в плену. Эти люди подвергались разного рода репрессиям, самая память о них старательно вытравлялась из общественного сознания. Польские ученые выступили с инициативой прояснения наших "белых пятен" в этой области: они давно изучают этот вопрос, собирают материалы, ведут опросы населения, ищут и приводят в порядок захоронения советских

людей. Более того, обследованы архивы ФРГ, выяснены судьбы многих тысяч жертв гитлеровского террора. И вот в этом смысле настоящая конференция представляется нужным шагом в организации совместной разработки указанного комплекса проблем. Усилия ученых должны способствовать привлечению внимания наших государственных и общественных организаций к столь важному для советских людей вопросу, к реализации заповеди: "Никто не забыт и ничто не забыто". В этом деле мы очень рассчитываем на помощь наших польских коллег.

Бажной также для советских исследователей выступает задача преодоления последствий сталинизма в вопросе о польском революционном движении, репрессированном советской охранкой. История жизни и деятельности польских революционеров в 20-30-е годы, особенно после распуска Коммунистической партии Польши, замалчивалась или фальсифицировалась. Ученые СССР, т.е. страны, руководство которой было инициатором этого распуска, обязаны участвовать в восстановлении добréй памяти о польских революционерах, их светлых имен, лучших традиций. Это будет вкладом в поиск и расширение различных форм сотрудничества, тесно увязающих прошлое, настоящее и будущее советско-польских отношений.

Указанное направление - не единственное, конечно, в деятельности ученых двух стран по выявлению "болевых точек" в истории двусторонних отношений и совместной выработке последовательно научных, открытых и честных позиций по трудным, замалчивавшимся или фальсифицировавшимся аспектам этих отношений. В большинстве таких случаев источники были в течение многих десятилетий недоступны, освещение или не проводилось вовсе, или было избирательным, отрывочным и неполным, а в ряде случаев и просто фальсифицированным.

Разнообразные аспекты такого рода совместной деятельности неоднократно затрагивались в ходе встреч и бесед советского и польского руководства, в том числе во время

визита на высшем уровне в Польшу в июле 1988 г. В послесловии к публикации материалов о встрече с представителями польской интеллигенции 14 июля 1988 г. М.С.Горбачев подчеркнул, что восстановление исторической правды без прочерков и изъятий необходимо для того, чтобы во взаимоотношениях советского и польского народов господствовали искренность, доверие, взаимное уважение. Он ориентировал на то, чтобы добиваться ясности в опоре на документы и факты, подходить к истории честно и ответственно, чтобы обращение к прошлому было серьезным и компетентным. А это "требует мужества – не закрывать глаза на истинные причины тех или иных событий. Это требует умения смотреть правде в глаза: горька она или сладка, льстит ли она национальному самолюбию или повергает в стыд"⁵.

Оценки М.С.Горбачева, данные в выступлениях во время визита и в послесловии к публикации материалов о встрече с представителями польской интеллигенции, продвили вперед дело восстановления истины по проблемам, остававшимся "белыми пятнами" в истории советско-польских отношений. Становится очевидным, что многие из них – это мрачные, тягостные эпизоды прошлого, основные "болевые точки" двусторонних отношений, которые непосредственно связаны с главными узлами сталинской репрессивно-террористической политики, в т.ч. и внешней. Обнажились самые острые проблемы, в эпицентре пересмотра которых оказалась деятельность комиссии. Назрело принятие ряда принципиальных решений, уже не терпящих отлагательства.

Оценки, формулируемые с позиций нового мышления, приходят в столкновение с идеологическими клише, со старыми схемами, порожденными упрощенным вульгарно-классовым подходом, последствиями войны 1920 г., сталинскими деформациями 30–40-х годов. Как говорится, время разбрасывать камни и время собирать их. Принципиальное изменение тональности исследований, без заскорузлых предубеждений и озлобленности, предполагает глубокий, всесторонний анализ представлений прошлого, очистку, освобождение их от большевис-

тского примитивизма. Таким примитивным, странным для современного восприятия, резко противоречащим нынешнему масштабному видению международных отношений является когда-то весьма распространенный тезис, трактующий Польшу как якобы главного противника СССР в межвоенный период, основное воплощение угрозы со стороны капиталистического окружения, ведущую силу "борьбы за ликвидацию Советского Союза" (правда, считалось, что за ней стояла Англия). Польше инкриминировалось тяготение к блоку с Гитлером, даже заключение такого блока и т.п. Из такого рода утверждений монтировался идеологический трафарет, питавший недоброжелательность и враждебность, нежелание искать общий язык, настойчиво налаживать отношения добрососедства. На долгие годы утвердилась негативная оценка государств, воссозданных в 1918-ом и последующих годах не в качестве социалистических, преобладало определение советско-польской войны 1920 г. как "третьего похода Антанты", роли Польши как "санитарного кордона" и т.д. Советские военные историки много лет тратили силы на споры вокруг операций упомянутой войны, которые еще более запутывались и осложнялись разными позициями Сталина и Тухачевского по вопросу причин сокрушительных поражений Красной Армии под Варшавой и Львовом и их виновниках.

При серьезном, трезвом рассмотрении ряда определяющих аспектов истории советско-польских отношений многие расхожие представления оказываются весьма односторонними, отнюдь не подтверждавшимися научным анализом как польских, так и советских позиций. Справедливо заметил по этому поводу в интервью заместитель начальника одного из управлений МИД СССР В.М.Суходрев: "Раньше мы хорошо умели заявлять узлы в международных делах, но не умели их развязывать, не умели... учитывать позицию другой стороны"⁶. Неотъемлемым свойством советской политики был идеологический напор, а зачастую и просто блеф, а вот опыта и реализма хватало далеко не всегда. В советско-польских от-

ношениях образовалось много негативных настроений, тяжелым грузом давивших на эти отношения, на историческое сознание общества. Стремление сохранить или оживить прежние схемы, опираться на них и сегодня ведет в тупик. Нежелание людей, склонных к раздуванию конфликтов, подойти к проблеме "белых пятен" с позиций нового мышления, намерение продолжать идеологический натиск с прежних позиций "прищучивания", некритического подхода к собственному историческому прошлому и раскручивания взаимных претензий чреваты недопустимым обострением отношений.

С 1986 по 1989 гг. совместными усилиями ученых двух стран по ряду вопросов была выработана общая позиция, по другим – платформы весьма сблизились. Значительно более глубокой извешенной стала оценка советской исторической наукой восстановления государственной независимости Польши в 1918 г. В истории каждого народа есть такие события, которые имеют переломный, судьбоносный характер и остаются в памяти многих поколений. Для поляков таким событием крупнейшего масштаба и огромного значения, событием желанным и долгожданным, оказавшим решающее воздействие на всю их историю, на все развитие страны в межвоенный и послевоенный периоды, стало воссоздание государственности. В Советском Союзе II ноября 1989 г. была торжественно отмечена эта юбилейная дата как дань глубокого уважения к вековым освободительным усилиям польского народа, его свободолюбию и жизнестойкости.

Реализации целей освободительной борьбы поляков способствовали передовые демократические силы трех разделивших Польшу в ХVIII веке государств, силы, безоговорочно признававшие за польским народом право на самоопределение. Воссоздание польского государства пришлося на важный исторический рубеж обновления мира, на открывшуюся на пороге новейшего времени новую гигантскую полосу исторического развития. Это была колоссальная встряска, великая ломка, вызванная крайней остротой и бурным разрешением на- зревших общественных противоречий.

Налаживание отношений между Советской Россией и Польской республикой оказалось в это переломное время очень непростым процессом. Мирный договор был заключен между ними лишь в 1921 г., и этому предшествовало, увы, военное столкновение. Как подчеркнул В.Ярузельский, "обстоятельства этой войны, такие, как захват польскими уланами Киева, ответный поход Красной Армии на Варшаву, привели к пагубным последствиям, резко негативно отразились на дальнейших польско-советских отношениях. Затормозился процесс преодоления пережитков прошлого и сближения наших народов"⁷.

Комиссия советских и польских ученых обратилась к выяснению сложных вопросов войны 1920 г. Совместно было установлено, что поход Пилсудского на Киев – агрессия, хотя, на что указывали польские историки, формально ее как бы оправдывал договор с Петлюрой. Нельзя отрицать противоречивость формирования и советской внешнеполитической линии. Народный комиссариат иностранных дел декларировал принцип уважения права польского народа на самоопределение и существование суверенного национального государства. В то же время вера в близость мировой революции, крах Версальской системы и в другие коминтерновские постулаты наложила отпечаток на процесс становления советско-польских отношений, на ход войны 1920 г. В польском историческом сознании, среди польских историков превалирует именно эта сторона, т.е. оценка войны основывается на концепции столкновения взаимоисключающих тенденций: с одной стороны, закономерного стремления Польши к оформлению своих территорий и границ, а с другой – намерения Советской власти распространить социалистическую революцию на эту страну и всю Европу, пренебрегая правом польского народа на самостоятельное государственное существование.

В ходе работы комиссии польские ученые согласились с обоснованностью предложения советских историков рассматривать войну 1920 г. в контексте складывавшихся в 1917–1921 гг. советско-польских отношений, тщательнее изучать

позиции обеих сторон, сопоставлять их логику. Например, если красноармейцы продвигались по захваченной территории под лозунгом помочь "братьям по классу" и с надеждой на мировую революцию, то широкие слои польского народа, в т.ч. и трудящиеся, оценивали это продвижение иначе. Находясь в процессе воссоздания независимого государства и национального обновления, продолжая объединять свои земли на западе, то есть решая общенациональные задачи, этот народ воспринимал войну как необходимое средство защиты недавно обретенной суверенности, как борьбу за восстановление исторической справедливости. Это и вызвало отмеченный Лениным массовый патриотический порыв поляков, рост противодействия со стороны населения наступлению Красной Армии. Эти явления вызывали горечь, недоумение ее бойцов и командиров, попытки объяснить такой поворот событий лишь антисоветской пропагандой правящих классов, поисками Антанты. Тогда и распространились клише "панская Польша", "третий поход Антанты", а термин "белополяки" был распространен на весь польский народ.

Деятельность комиссии, проведенные при ее активном участии конференции и рабочие встречи, ряд новых публикаций убедительно показали, что нужно решительнее отказываться от большевистско-сталинских стереотипов, сопоставить и верифицировать различные трактовки причин войны – ненужной бойни, стоившей обеим сторонам десятков тысяч жертв и омрачившей на многие десятилетия отношения двух народов-соседей. И пора перестать отождествлять решение военно-стратегических задач с проведением в жизнь принципов пролетарского интернационализма. Время избавляться от взаимных предубеждений. Кстати, это одна из главных идей показывавшегося по Центральному телевидению совместного советско-польского художественного фильма "Красный цвет панпоротника". При восстановлении исторической правды в этом вопросе необходимо во всем объеме учитывать также право на самоопределение и национальные интересы украинского, белорусского и литовского народов, прошедших с

конца ХХ века большой путь своего цивилизационного развития и создавших собственные национально-государственные образования.

Усилиями ученых двух стран удалось достичь существенных результатов в выяснении обстоятельств распуска Коммунистической партии Польши в 1938 г. Как известно, Сталин не ограничился репрессиями против польских коммунистов, начатыми еще на рубеже 30-х годов и коснувшимися практически всех тех из них, кто находился в СССР, а также и всего вызванного в Москву актива, включая руководителей этой партии. Установлено, что распуск КПП был предопределен ходом политических событий и логикой поведения тогдашнего советского руководства. КПП создавала немалые сложности для реализации линии этого руководства в Коминтерне. Польские коммунисти быстрее других поняли, что в странах Европы наступил откат революционной волны, и поставили под сомнение курс на форсирование революционного процесса. Им принадлежала постановка вопроса о предоставлении коммунистическим партиям большей самостоятельности в Коминтерне. Одной из главных причин гонений на польских коммунистов, находившихся в СССР, было то, что они выступали против массовой ликвидации старых партийных кадров, создавали проблемы для организаторов фальсифицированных процессов, опровергали решения различных заменявших суды репрессивных органов.

Тerrorистическая политика советского руководства в отношении КПП и ее кадров - вопиющее нарушение принципов международного сотрудничества революционных партий. Итоговый вывод исследования проблемы: "Факты и документы показывают, что массовые репрессии против польских коммунистов, распуск КПП были инспирированы Сталиным и осуществлены по его настоянию. Коммунистическая партия Польши была одной из самых боевых, авторитетных партий Коминтерна... Борясь за коренные интересы рабочего класса, народных масс Польши, она была революционно-интернационалистской партией, последовательно пропагандировала и отстаивала идеи дружбы

польского и советского народов"⁸.

Таким образом, только через три с лишним десятилетия после снятия необоснованных обвинений с КПП в 1956 г. политическая конъюнктура в СССР позволила приступить к выяснению причин и обстоятельств ее распуска, дать им наконец соответствующую оценку. Не только в Польше, но и в СССР появились возможности для дальнейшего выяснения исторической правды, восстановления позитивного наследия польского революционного рабочего движения⁹. Этот, весьма, правда, запоздалый, "прогресс" ознаменовался даже тем, что Центральный партийный архив при ЦК КПСС передал польским архивистам материалы многих фондов польских революционных организаций. Если учесть, с каким трудом открывают для исследователей свои фонды подобные архивы, то надо считать такую передачу "большим событием".

Комиссия советских и польских ученых по истории отношений между двумя странами много сделала для изучения проблем кануна и начала второй мировой войны. Промежуточным этапом выяснения проблем 1939 г., имеющих судьбоносное значение для прежних и нынешнего поколений, для развития международного сотрудничества, в частности двусторонних советско-польских связей, стали подготовка и опубликование в газете "Правда" соответствующего документа. Был выяснен ряд сложных вопросов, интерес к которым не иссякает в мировой историографии, поставлены проблемы оценки советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г., секретных приложений к ним. Советские историки вернулись к оценке войны Польши против Германии как носившей с самого начала справедливый, освободительный характер, сформированной в свое время в первом томе "Истории Великой Отечественной войны". Председатель советской части комиссии академик Г.Л.Смирнов подтвердил это и дал резко критическую оценку ряда оскорбительных для польского народа и несовместимых с международным правом заявлений В.М.Молотова в 1939 г. Были признаны неправомерными, ошибочными заявления Советского правительства от 17 сентября 1939 г. о

том, что Польское государство перестало существовать, его утверждение, что якобы к тому моменту Польское правительство покинуло территорию своей страны.

В цикле мероприятий, связанных с 50-летием начала второй мировой войны, следует отметить продолжающий основные линии работы комиссии и развивающий их "круглый стол" Института славяноведения и балканстики АН СССР "Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы", который прошел 25 мая 1989 г. при участии большой группы авторитетных советских специалистов и материалы которого были оперативно изданы¹⁰.

Проведено исследование проблемы массовых депортаций населения с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940-1941 гг. Выяснены объем, характер, направления перемещения польского населения, его темпы и методы. "Это одно из многих тягчайших преступлений сталинского режима", - пишет в журнале "Новая и новейшая история" В.С. Парсаданова. Польские ученые оценили ее публикацию как ощутимый сдвиг и отметили, что 98% из числа опрошенных бывших депортированных сохранили в памяти дружеское, полное сочувствия отношение к ним советского населения.

В течение трех последних лет было очень много сделано для выяснения судеб польских интернированных, в основном военнослужащих, размещенных в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. В Польше существует множество публикаций, которые содержат богатые материалы, проливающие свет на эту проблему. Огромную работу провели польские члены комиссии. Ими был проделан анализ "Сообщения специальной государственной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу интернированных польских офицеров", опубликованного в "Прайде" 26 января 1944 г. Они подвергли весьма аргументированной критике заключение комиссии академика Бурденко, остановив внимание на вопросах сроков расстрелов, количества жертв, состава комиссии, содержания показаний свидетелей, существования и размещения

особых лагерей и т.д.¹².

Советские ученые вели поисковую работу в архивах. Изучение группой специалистов материалов фонда комиссии Бурденко не добавило аргументов в пользу заключения этой комиссии. Это обследование фондов, проделанное В.Парсадановой, Ю.Зоря и Н.Лебедевой, помогло установить истинное время и подлинных виновников злодействия – Сталина и его подручных Берия и Меркулова. Однако далеко не все "белые пятна" в этом вопросе заполнены окончательными ответами. Предстоит еще много работы, в частности в районе захоронений жертв Старобельского лагеря, допуск в этот район польских коллег и т.д.

Ряд крупных проблем, требующих совместного рассмотрения, пока только назван, по другим продолжение пока явно недостаточно. К ним относятся проблемы Варшавского восстания I августа – 2 октября 1944 г., взаимоотношения Советской Армии с Армией Крайовой, другими польскими военными и политическими организациями, "процесс 16-ти", депортации заключительного периода второй мировой войны и первых послевоенных лет и др.

Как подчеркнуто в Декларации М.С.Горбачева и В.Ярузельского от 13 апреля 1990 г., "важно довести до конца работу по восстановлению исторической правды о трудных моментах в русско-польских и советско-польских отношениях, всемерно способствовать развертыванию конструктивного советско-польского диалога на всех уровнях, с широким участием представителей общественности, науки и культуры"¹³.

Советская общественность с пониманием относится к этим задачам. Расширяется круг участников двусторонней комиссии на академической и вузовской основе. Важную роль в этом сыграло Всесоюзное совещание историков-полонистов "Актуальные задачи изучения Польши, русско-польских и советско-польских отношений", проведенное в Институте славяноведения и балканистики в январе 1989 г. Ученые СССР все шире включаются в расчистку негативных наслойений прошлого, наносивших и наносящих вред добрососедским отношениям.

двух народов и государств, в поиски путей конструктивного разрешения тех проблем, которые требуют долгой и сложной работы, сопряженной с тщательными научными исследованиями, а нередко и с принятием необходимых политических решений. Различные подразделения научных учреждений и вузов вносят в свои планы соответствующие выводы комиссии корректиды, учитывают эти выводы в лекционных курсах и учебниках.

Проблематика "белых пятен" привлекла внимание творческих работников, деятелей науки и культуры. Отчетливо осознается проблема тщательного учета "болевых точек" как в польском общественном сознании, так и в сознании народов СССР, связанных с историей советско-польских отношений и их современным развитием, которое требует взаимо понимания и доверия между людьми, открытости и честности, укрепления взаимного уважения.

Примечания

1. Правда. 1989. 26 октября.

2. Наиболее позитивно относились к СССР, к состоянию советско-польских отношений люди в возрасте от 46 лет, хуже - молодежь, студенты и вообще учащиеся различных категорий. В первом случае оказывается опыт войны, освобождения страны, социального продвижения трудящихся, во втором - особо сильное воздействие кризисной ситуации в стране, кризисных явлений в общественном сознании. Более добровое отношение к СССР демонстрируют женщины, опережая мужчин на пару процентов; по критерию социальной структуры больше процентов набирают служащие; наличие перемен в советско-польских отношениях зорче всего определяет интеллигенция, и она же настойчивее выступала за их дальнейшее совершенствование. Среди неквалифицированных рабочих, наибольший процент как симпатизирующих, так и настроенных негативно. Крестьяне также определяют позиции весьма четко: как по позитивным, так и по негативным оценкам они опережают молодежь. Безразличных среди них значительно меньше, чем в других социо-профессиональных группах, наиболее дружественное отношение продемонстрировало население городов среднего размера - с числом жителей от 51 до 200 тысяч. На втором месте города поменьше.

3. Визит в Советский Союз Первого секретаря ЦК ПОП, Председателя Государственного совета ПНР Войцеха Ярузельского 21-22 апреля 1987 г. Документы и материалы. М., 1987. С. 10.

4. Правда. 1988. 6 мая.

5. Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М.С.Горбачева с представителями польской ин-

- тэллигенции. М., 1988, с.74.
6. Огонек, 1989, № 10, с.24.
  7. Коммунист, 1987, № II, с.63.
  8. Вопросы истории КПСС, 1988, № I2, с.55.
  9. СМ.: Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989.
  10. СМ.: Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.
  - II. Новая и новейшая история, 1989, № 2, с.44;
  - См. также: Reportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR 1939-1945. Warszawa, 1989.
  12. Zbrodnia katyńska. Z prac polskiej części wspólnej Komisji Partyjnych Historyków Polski i ZSRR. Warszawa, 1990.
  13. Правда, 1990, 15 апреля.

АДАМ ДОБРОНЬСКИЙ
СОВЕТСКИЕ ПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ
ПОЛЬШИ (1941-1945)

Идет процесс обогащения памяти наших народов темами, ранее запретными, обойденными вниманием или недооценившимиися. В словари не только историков вошли такие определения, как "белые пятна", "искажения", "манипуляции". Иногда даже этими терминами злоупотребляют, предлагаая версии, действительно новые, но правде не соответствующие, подчиненные решению пропагандистских задач. Впрочем, классических "белых пятен" не так уж много, а больше пятен других цветов, связанных с тенденциозностью официального подхода, не желающего касаться "неприятных" тем, и т.п. Среди таких тем, едва затронутых, несмотря на приближающуюся 50-летнюю годовщину начала советско-германской войны, остается и проблема советских пленных. И буду говорить о ней применительно к событиям, происходившим на землях, которые в настоящее время входят в состав польского государства. Это печально, но в течение десятилетий на кладбища советских пленных не ступала нога официальных делегаций СССР, за исключением групп ветеранов.

Что мы знаем о пленных 1941-1945 гг. и что нужно еще тщательно исследовать? Думается, внимание надо сосредоточить прежде всего на следующем.

I. Политические и правовые аспекты

Многократно писалось о германских распоряжениях, касавшихся военнослужащих, рассматривалась их принципиальная сторона. Инструкции и приказы, особенно изданные в вооруженных силах и органах безопасности гитлеровского Рейха, коренным образом отличаются от духа и буквы текстов женевской конвенции от 27 января 1929 г. Первым, кто немало внимания уделил правовым аспектам этой проблемы, был доцент Шимон Датнер, автор публикации "О преступлениях Вермахта против военнослужащих...", изданной в 1961 и 1964 гг.,

а в СССР (перевод на русский язык) в 1963 г.¹. Исследователи сходятся во мнении, что пересыльные лагеря (Дурхган-голагер) для советских пленных представляли собой лагеря селекции, а остальные – лагеря уничтожения, особенно в первый год их существования. В Польше, однако, в применении ко вторым название "концентрационные лагеря" не применяется.

Необходим углубленный анализ деятельности оккупационных гражданских властей по отношению к некоторым национальным группам военнопленных, анализ предпосылок, целей и результатов разного подхода к части пленных с Украины, некоторых республик Средней Азии и прибалтийских республик. Было бы упрощением утверждать, что все советские пленные представляли собой сплоченный монолит, хотя и не следует преувеличивать существовавшие различия. Оккупанты же старались по понятным причинам эти различия усиливать. Вербовали в лагерях стукачей, практиковали подслушивание и скрытое наблюдение, применяли широкую гамму провокационных методов. Из рассказов гражданских лиц известно, что в начальной фазе войны некоторые в Советском Союзе ожидали немцев в качестве избавителей от сталинского террора. Встречались ли такие настроения в армии?

С предателями в лагерях начали борьбу группы "патриотов" и коммунистов, что особенно сильно подчеркивают авторы воспоминаний, изданных ранее в СССР². Так, маршал К.С. Тимошенко написал в предисловии к упомянутой книге Ш.Датнера о стремлении пленных к борьбе с немцами, так как "война продолжалась в Отчизне". И действительно, подобные настроения были характерны для советских военнослужащих, взятых в плен, однако – как я могу судить – не для всех. После осознания ужаса своего положения немало оказывалось и таких, кто искал спасения любой ценой, даже ценой сотрудничества с врагом, по крайней мере, до момента обретения свободы. Прогрессировавшее истощение организма могло способствовать и, конечно, способствовало атрофированию мышления категориями гражданственности

и появления в качестве определяющей мысли о биологическом выживании.

Дальнейших исследований требует и отношение властей СССР к рассматриваемой проблеме, особенно позиция, занятая И.Сталиным и его ближайшим окружением. Могло ли признание собственных солдат в пленах за людей, на которых распространяется забота Советского государства, улучшить их положение, по крайней мере, до уровня статуса польских членных, не говоря о пленных армий западных стран?³ Даже для обоснования отрицательного ответа на этот вопрос нужны аргументы. Была ли какая-нибудь дискуссия на эту тему во время войны, например, в советских военных кругах? Проведен ли под этим углом зрения анализ документов в архивах СССР? Не могу удержаться еще от замечания, относящегося к польским военнопленным. Пережили войну офицеры, находившиеся в немецких лагерях; но вот тем из них, кто был взят Красной Армией и сидел в советских лагерях, повезло гораздо меньше – более десяти тысяч погибло. Может быть это и свидетельствует о позиции большевистских правителей, определявших политику относительно пленных.

2. Дислокация лагерей, их внешний вид и организация

Достаточно хорошо известно расположение нескольких десятков лагерей и подлагерей военнопленных на польских землях, даты их открытия и ликвидации, подчиненность, частично даже состав персонала, охранных служб⁴. Трудности создает проблема определения сети рабочих команд и лагерей специального назначения, разнородных краткосрочных "решений" и их авторства, командиров низших уровней. Больше всего лагерей возникло на восточных земляхнышней Польши, в тилах фронта в начальной фазе войны. Именно здесь проводятся интенсивные исследования и публикуются материалы. К сожалению, польские учёные не смогли, по существу, заняться лагерями, которые были расположены в отошедших к СССР местностях, принадлежавших перед сентябрём

1939 г. второй Речи Посполитой.

Итак, на территории Любельщины в 1941–1944 гг. существовало 32 лагеря советских военнопленных. В них находилось 350–400 тыс. человек, из которых около 250 тыс. погибло. В радомском дистрикте лагеря военнопленных приняли не менее 90 тыс. бывших военнослужащих СССР; свою смерть здесь нашло порядка 75–80 тыс. На Белосточизне всего прошло через лагеря до 300 тыс. пленных, а погибло – 116 тыс. И наконец, на Жешовщине в лагерях военнопленных умерло около 95 тыс. бывших советских солдат⁵. Эти цифры, вероятно, в некоторых случаях могут быть уточнены, но лишь в деталях, которые их общего значения, установленного довольно точно, изменить никак не смогут.

Бывает, правда, что тот или иной исследователь не отваживается дать даже предполагаемое число пленных, находившихся в отдельные периоды в лагерях, как и число жертв. Есть также значительные расхождения в подсчетах, вполне устранимые, как представляется, если использовать, помимо прочих методов, сопоставление данных, которыми располагают польские и советские историки. В нашей литературе общее количество советских военнопленных, которые погибли в нацистских лагерях, располагавшихся на польской территории, оценивается цифрами от примерно 800 тыс. до более одного миллиона. Но эти данные неточны. Наверняка на польских землях в нынешних границах республики погибло примерно на одну треть больше военнослужащих СССР, чем тех советских солдат, которые освобождали нашу страну в 1944–1945 гг. И еще одно сравнение: этих бывших военнослужащих СССР было в упомянутых лагерях столько же, сколько насчитывала в сентябре 1939 г. вся польская армия.

Относительно богатый комплекс имеющихся описаний освобождает меня от необходимости рассказывать в деталях о том, как выглядели лагеря военнопленных и об их внутренней организации. Начальное место изолирования было, как правило, в зданиях старых казарм, неработающих фабрик, складов, школ. Быстрый наплыв пленных привел к тому, что

выбирались также открытые территории, которые огораживались рядами колючей проволоки, а под углом устанавливались, как правило, деревянные сторожевые вышки ("аисты"), с прожекторами и пулеметами. Если протяженность стороны с колючей проволокой была большой, посередине размещали также деревянные сторожевые будки, а входные ворота дополнитель но укрепляли. С внешней стороны оборудованного таким образом лагеря оставалось место для патрульных тропинок. Территория вокруг лагеря по возможности очищалась от всего, чтобы затруднить для заключенных контакты с гражданским населением и побеги, а в городах вдоль улиц возводились заборы или стены. В больших лагерях рядами колючей проволоки территория разделялась на сектора, в которых были сгруппированы узники по категориям, национальностям. Особенно тщательно изолировались и наблюдались "нежелательные", т.е. офицеры, комиссари, члены партии и комсомола, евреи. Существовали, как правило, выделенные дисциплинарные секторы с еще более строгим режимом, предназначенный для лиц, которые предпринимали попытки побегов или какого-либо сопротивления распоряжениям лагерных властей.

Это все важные аспекты, помогающие понять характер функционирования внутренних подотделов, принципы изолирования некоторых групп, трудности в установлении советскими военнопленными контактов с гражданским населением. До сих пор мало написано о лагерной полиции, набиравшейся из пленных, которых лучше, чем остальных, кормили и одевали. Сохранились жалобы военнопленных, в которых говорят, что служившие в этой полиции уменьшали пайки общего назначения, т.е. беззастенчиво обворовывали своих же товарищей по несчастью.

Слишком мало у нас фундаментальных исследований о лагерях, хотя такие появляются на польском книжном рынке как в виде обширных специальных монографий, так и научно-популярных работ и статей в периодике. Было бы не плохо, если авторы подобных работ стремились бы к обнаружению черт, характерных для данной описываемой организационной едини-

цы, к подчеркиванию ее своеобразия, уточнению количественных данных. С этой целью необходимо сопоставлять такой литературный жанр, как мемуары, с архивными документами, в т.ч. германского происхождения.

3. Условия, царившие в лагерях советских военнопленных

В небольших лагерях, построенных, как правило, заранее, стояли строения, в которых можно было разместить по 300–500 человек. Многоэтажные полки-лавки служили в качестве лежаков, не разделенных на отдельные места. Не выдавались матрасы и одеяла, в связи с чем пленные для этих целей использовали, кроме прочего, одежду умерших товарищей по несчастью. Хорошо охраняемые помещения немцы предназначали для кухни и склада, лагерной бани, больницы-лазарета, почти полностью лишенного специального оборудования и лекарств. Канцелярия и квартиры охранников находились вне лагеря, но чаще всего на достаточно близком расстоянии, чем усиливался надзор и упрощалось вмешательство в экстремальных случаях. Большинство лагерей имело расположенные в центре плацы для построения, на краях его располагались примитивные уборные в виде выгребных ям. Умерших или убитых хоронили вне огороженной территории.

Судьба военнопленных, попадавших в лагерь, расположенный под открытым небом, была наиболее трагичной. Здесь с помощью ложек, банок и кусков дерева надо было копать картофель. Создавались группы пленных, взаимно поддерживающих друг друга в стремлении выжить. Интересно было бы выяснить, по каким критериям подбирались эти группы, кто в них осуществлял лидерство, какие устанавливались внутренние правила поведения. Был ли здесь обязателен по-прежнему уклад, определявшийся воинским уставом, или верх брали жизненный опыт, сила характера, умение управлять человеческими коллективами? Мы, например, знаем, что в польской оборонительной войне 1939 г. в нетипичных случаях резервисты часто показывали себя лучше представителей про-

фессиональных военных кадров. Надо помнить и о том, что в лагерях военнопленных офицеров и комиссаров старались отделить от остальных.

Картофель и места ночлега – это еще не все. Нужно было собственными силами решать множество других проблем: одеял и белья, запасной обуви, воды и мытья, борьбы с глистами, дизентерией и вообще обеспечения санитарных условий. Резерв для свободных действий не был велик, однако существовал, его надлежащее использование несколько сглаживало лагерное прозябанье. Кроме того, важным было убеждение, что ты не одинок, что по-прежнему существует внутренняя дисциплина, а не только навязанная немцами. Все это свидетельствовало о складывании организации, а следовательно, и о появлении лидеров.

Нуждается также в обосновании и утверждение, что "нечеловеческие" условия, царившие в лагерях советских военнопленных упростили и ускорили процесс преодоления неприязни политического свойства к ним со стороны тогдашнего польского общества. Лагеря располагали главным образом на территориях, включенных после сентября 1939 г. в состав СССР или поблизости от новой советско-германской границы. Репрессивно-террористическая деятельность НКВД на оторванных у Польши землях способствовала тогда росту антисоветских и антирусских настроений. Но перед лицом безмерных страданий, выпавших на долю советских людей после июня 1941 г., надо было обратиться к гуманитарным принципам, отодвигая на второй план политические счеты.

4. Пропитание

Голод, по мысли немецких палачей, должен был стать фактором истребления советских пленных. Между лагерями, однако, имелись значительные различия в способах кормления и нормах ^о питания, особенно в первый период после июня 1941 г. Тогдашие директивы германского командования предполагали дневную норму на одного пленного в 900 калорий, в т.ч. 215 г хлеба и 15 г жиров, а работавшие за пре-

делами лагеря должны были получать несколько больше – 315 г хлеба и 19 г жиров. На практике же и этот голодный рацион снижался до 700–500 калорий, из которого полностью изымались жиры (маргарин) и мясо (конина). В основном выдавались сырье продукты, состоявшие из брюквы, дополненной свеклой, реже картофелем. Их не мыли и не чистили. Для увеличения количества еды готовившие ее пленные, специально выделявшиеся для этого, добавляли листья брюквы и свеклы, а иногда также крапиву и другие сорняки. В некоторых лагерях раз в день выдавался водянистый суп и кофе – бурда без сахара. Еду разливали в консервные банки, или в тазы – сразу по десять и более порций. Это был еще один повод для издевательств и применения наказаний.

Дневная пайка хлеба в действительности составляла от 100 до 250 г, но встречаются данные о еще меньших порциях. К выпекаемому тесту добавлялись опилки (отсюда название "Опилочник"), каштаны, желуди и другие несъедобные компоненты. Трудно точно установить вес и состав лагерного хлеба. Буханку делили на 5–10 паек, следя, чтобы не падали крошки. Плохо выпеченный хлеб был тяжелым и трудно поддающимся разделу. В соответствии с одним из рецептов он состоял наполовину из ржаных отрубей, на 20% – из свекольных выжимок, еще на 20% – из деревянной муки и на 10% – из рубленной соломы. Добавлялось также то, что было доступнее и дешевле. Кормление стало несколько улучшаться лишь летом 1942 г., а более значительно – на стыке 1943–1944 гг., на что, несомненно, повлияло положение на фронтах. Сокращение оккупированных территорий уменьшало и число дармовых рабочих рук, отдавали также немцы отчет и в том, что армии СССР берут все больше пленных из гитлеровских войск и ответная политика голodomора может быть не чуждой также советской карательной администрации.

Но вернемся к лагерям советских военнопленных. Голод подталкивал есть все, что можно было жевать и глотать: листья и кору деревьев, траву, сорняки, даже уголь. Пленные отрывали доски от коек и жевали кожу от обуви. Подт-

верждения или опровержения требуют отдельные упоминания о случаях каннибализма (подобное же случалось в еврейских гетто)¹⁰. Историков должны поддержать медики, чтобы можно было дать всесторонние ответы на вопросы о последствиях жизни пленных впроголодь, потребления ими продуктов, несъедобных в нормальных условиях человеческого существования, о возможностях приспособления молодого организма (иначе это выглядело в концентрационных лагерях). Голод отвлекал внимание от других проблем. На одной из научных конференций историка из Израиля спросили, почему евреи так пассивно шли на уничтожение в момент ликвидации гетто, не предпринимали попыток обороны. На это он отвечал вопросом на вопрос: "А почему не было восстаний в лагерях советских пленных? Именно по причине истощения".

5. Продовольственная помощь пленным

Обыкновенная человеческая реакция склоняла к оказанию помощи стонущим от голода и холода, а по мере развития военных действий появился также политический аргумент в пользу общей борьбы с гитлеровской Германией. Коллективную помощь, особенно в первый период существования лагерей, оказывали организации Польского Красного Креста и Главного Опекунского Совета и все время конспиративные организации, представители которых пробирались в лагеря.

Индивидуальная помощь приобретала различный вид. В настоящее время мы можем говорить лишь об отдельных ее примерах, не определяя размеров. Ввозили продовольствие в лагеря возницы, вносили лица, нанимавшиеся немцами, осторожно укрывая свертки от охранников или делая вид, что это только собственная еда. Безопасней всего было брать с собой второй завтрак, чтобы отдать его встретившемуся пленному, когда поблизости не было охранников. Немцы стреляли в гражданских лиц, приближавшихся к проволоке, в связи с чем применялись более эффективные методы перебрасывания небольших порций с более отдаленного расстояния. Использовали также посредничество детей, в отношении ко-

торых охранники, по крайней мере некоторые из них, проявляли больше снисходительности. Старались также переправить табак, одежду, обувь, лекарства. На страницах польских исследований имеются фамилии людей, приговоренных к смерти или заключению в концентрационный лагерь за то, что они поддались движению сердца и не были безразличными к голодающим советским пленным. В самом лучшем случае кончалось избиением как передавшего продовольствие, так и принимавшего его.

Безопасней всего было передавать свертки во время пеших переходов колонн пленных или во время их работы вне лагеря. Продукты закапывались, втискивались между камней, покрывающих дорогу, прятались под корнями деревьев, в щелях стенах. Специально угощали охранников, ходатайствовали о найме пленных. В Белостоке имели даже место передачи пленным продовольствия через евреев из гетто, использовавшихся на одних работах¹¹. Еще чаще так поступали поляки, находившиеся в лагерях или рабочих командах вместе с русскими.

Если сохранилось много свидетельств об оказании советским военнопленным помощи со стороны гражданского населения, то значительно меньше мы знаем о том, как она принималась, как использовались лекарства и т.д. Нет также полной картины усилий пленных установить контакт с поляками. Не всегда эта помощь удовлетворила ожидания и, наверное, не всегда использовались возможности ее оказания. Поэтому она не могла изменить судьбу всех обреченных на уничтожение. Я, однако, считаю, что фактор человеческого участия, осознания того, что существуют добро и ладожские яблоки с той стороны "ада", уже сам по себе выступил как дополнительные калории или витамины. Майор Андрей Пирогов узнал от поляка о победе Красной Армии под Сталинградом, и "это известие было не менее ценным, чем хлеб"¹².

Надо еще помнить о германской пропаганде, стремившейся создать барьер между советскими пленными и жителями польских сел, поселков и городов. Оккупанты использовали

политические аргументы, а также санитарные (угроза заражения) с целью возбуждения неприязни и даже презрения в отношении "большевиков".

6. Работа

В больших лагерях значительная часть пленных вначале вовсе не использовалась на работах, за исключением уборки территории и захоронения трупов. Иначе выглядела ситуация в небольших лагерях, созданных специально при германских военных объектах, железнодорожных станциях, заводах, обширных аграрных хозяйствах, в районах дорожного и аэродромного строительства и т.д. Иногда эти лагеря назывались "лагерями принудительного труда пленных".

Мы знаем достаточно хорошо виды выполнявшихся работ, продолжавшихся иногда и по 18 часов в сутки. Отдельная проблема - советские пленные, использовавшиеся на территории Рейха. Из лагерей в Силезии более 80% пленных направлялось в шахты, на металлургические заводы и промышленные предприятия, около 15% - на дорожные работы и только немногочисленные группы - в сельское и лесное хозяйство. Заметим здесь, что значительные контингенты пленных использовались в сельском и лесном хозяйстве на восточных польских землях¹³.

Несмотря на рабский труд, шансы выжить увеличивались главным образом в связи с возможностью добить дополнительную пищу, установить контакты с гражданским населением, получить дополнительную одежду. Я думаю, что имело значение также умение перебороть настроение беспомощности, пробудить в себе волю к жизни и борьбе. Эти вопросы заслуживают быть исследованными более тщательно. Надо также предпринять попытку оценить размеры принудительных работ, выполненных советскими пленными по приказу немецких надзирателей. В Польше лица, вывозившиеся на работы в Рейх, имеют свое Объединение, собирают документацию, помимо прочего, с намерением получить в будущем возмещение от Федеративной Республики Германии. Произойдет ли такое и

в СССР? Привлечение к работе пленных могло быть использовано немцами как своего рода вознаграждение за покорность, послушность, доносительство. В привилегированном положении находились хорошие специалисты, но только если они попадали в упоминавшиеся небольшие лагеря и сумели пережить первые месяцы. Можно предположить, что не все сановники третьего Рейха одобряли политику уничтожения пленных без предварительного использования их потенциала. С этой точки зрения иная иерархия задач применялась в сталинских лагерях.

7. Лагерный режим

Администрация лагерей не только в точности выполняла инструкции Верховного Командования Вермахта в вопросах обращения с советскими пленными, но в своем большинстве еще более ужесточала лагерный режим. В первую очередь уделялось внимание поддержанию "порядка" и предотвращению бунтов и побегов, но также и ускорению уничтожения. Вероятно, были у надзирателей и садистские наклонности. Избиения и другие формы издевательств над пленными ускоряли "окончательное решение" проблемы пленных, т.е. уничтожение сотен тысяч захваченных противников. Начиналось со зверств во время принятия пленных и транспортировки, затем их гнали пешком целыми днемми без воды и пищи. В лагерях устраивались "смотры", во время которых истязались жертвы, выбранные из рядов с целью запугивания остальных пленных. Узников приуждали так же, как в концентрационных лагерях, наказывать друг друга битьем и хлыстами. Применялись карательные гимнастические упражнения, пленных часами держали в позиции стоя. Этот реестр "воспитательной работы" еще не полностью известен, не хватает нам также свидетельств лиц, подвергавшихся издевательствам. Как они пытались защититься от них? Способствовала ли сплоченность пленных, их внутренняя организация защите от истязаний?

Инструкции позволяли немедленно применять оружие в случаях оказания сопротивления или подозрений в намерении

побега. На практике это означало разрешение безнаказанно стрелять в пленных. Поводы для применения оружия возникали в связи с отчаянными действиями пленных, стремившихся любой ценой раздобыть пропитание, нападавших на телеги с брюквой, выламывавших двери в продовольственные склады. Без предупреждения убивались пленные, подходившие близко к проволоке, окружавшей лагерь, собиравшиеся в группы ночью за землянками или бараками, поднимавшие еду, брошенную гражданским населением.

Имели место и заранее подготовленные "изъятия" комиссаров, офицеров, евреев, всех потенциальных организаторов сопротивления. Стارались ускорить смерть людей пожилых, больных, слабых, которых нельзя было использовать на работах. Например, в лагере в Богушах 3 октября 1941 г. ликвидировали 3141 пленного. В Лысом весной 1942 г. больных поместили в отдельном бараке, забив досками окна и двери. Ночью этот барак облили бензином и подожгли. Не известны все места массовых экзекуций, особенно отдаленных от лагерей. В показаниях повторяется замечание: "Вывезли(вывели) в неизвестном направлении". Можно только домысливать, что в своем большинстве группы пленных расстреливались в скрытых местах, в лесных районах. На Кешовицзне осенью 1943 г. племя построили лагерь (в Конячкове), который в основном предназначался для заматания следов осуществленных здесь ранее преступлений против офицеров Красной Армии. Так же они поступили в Силезии, опасаясь мести, направленной на немецких пленных¹⁴. По истечении десятилетий трудно обнаружить следы на местности, нет уже в живых многих тогдашних членов. Для оправдания скажу, что не удалось еще локализовать большую часть захоронений в Польше, где лежат жертвы НКВД и госбезопасности СССР. А ведь эти преступления советской охранки совершены в более близкое к нам время и против людей, известных в округе, которых сразу начинали искать после их исчезновения.

8. Смертность пленных, кладбища

Смертность пленных мы устанавливаем на основе прежде всего опосредованной информации, показаний лиц, находившихся в заключении, поляков, использовавшихся при погребении трупов, протоколов, составленных во время эксгумации, на базе фрагментарных немецких рапортов. Здесь нельзя применять единого метода. Количество смертей менялось в зависимости от продолжительности существования лагеря, времени года, коли эпидемий, массовых расстрелов. Оказывается, что первое возрастание смертности произошло через два-три месяца с момента концентрации пленных, а очередное и значительно превзошедшее предыдущее - зимой 1941-1942 гг., когда из-за низкой температуры, прогрессировавшего истощения, катастрофичных гигиенических условий трагический урожай собирали сыпной тиф, дизентерия, туберкулез. Количества смертей уменьшилось весной 1942 г., чтобы вновь возрасти летом того же года и еще более - зимой 1942-1943 гг. Улучшение по уже ранее указанным причинам произошло весной 1943 г., и эта тенденция сохранялась в большинстве лагерей также в 1944 г.

В крупных лагерях ежедневно умирало по 300-500 человек. Случалось так, что в одну зиму замерзали все, укрывавшиеся в одной землянке, если не находили в себе силы и волю прервать сон хождением, приседанием, размахиванием рук для согревания. Больше всего трупов вытаскивали из бараков, предназначенных для больных. Десятки или сотни тел покрывали лагерь после каждой отчаянной попытки побега или после репрессивных акций немцев. В одном из рапортов лагерных властей находится характерная оговорка, касавшаяся количества пленных "еще" перед официальным составлением данных об их наличии¹⁵. До 1943 г. некоторые лагеря подвергались ликвидации вследствие вымирания почти всех пленных. Мы не знаем точно, что происходило с оставшимися в живых, когда лагерь упразднялся. Уточнений требует вообще движение пленных между лагерями, риколосение подлагерей и рабочих команд.

Обойду достаточно хорошо известную проблему захоронения трупов. Для этих целей использовались выемки, карьеры, рвы и котлованы, каменоломни. Устраивались и отдельные кладбища в полях, у края леса, в среднем на расстоянии нескольких сотен метров от лагеря. При экзекуциях жертвы нередко предварительно сами копали себе могилы. Бывало и так, что обреченным на смерть приказывали ложиться в ямы и по лежавшим сверху стреляли из пулеметов. После "ямы засыпали и земля уносила тайну убитых".

Большинство польских воеводств опубликовало путеводители по местам казней и местам народной памяти. Есть коллективные работы этого типа и в масштабах всей страны. Богатый материал хранит Главная Комиссия расследования гитлеровских преступлений – Институт национальной памяти, их можно также найти в организациях ветеранов, различных исторических комиссиях (кроме прочего, и в Обществе польско-советской дружбы), музеях, школьных коллекциях и молодежных союзах, воинских частях, общественных организациях, частных коллекциях и редакциях газет. Эта разбросанность упрощает сбор воспоминаний, но затрудняет использование материалов историками. Появились уже и отдельные разработки с местах захоронений советских людей, в которых есть сведения о кладбищах советских пленных, списки фамилий расстрелянных или переданных в руки зондеркоманд¹⁶.

Была бы полезна скоординированность деятельности по документированию мартирологии советских пленных на польских землях. Попытки в этом направлении предпринимались посредством организации научных конференций, объединяя собранные данные. Установлено, например, что всего на польских землях покоятся около 900 тыс. советских военно-пленных. Действительно ли это так? А сколько их погибло за всю вторую мировую войну? Чаще всего пишут о 3,4 млн. погибших в нацистских лагерях советских военнопленных, но появляются в печати и другие данные – до 4,5–4,7 млн. жертв. Мы не знакомы с самыми последними работами советских историков по этой тематике и нет уверенности, что

они вообще появились за годы вашей перестройки. А использование подобных работ могло бы дать шанс получения более детальной информации о тех, кто пережил лагерный ад. Несмотря на широко рекламируемую в СССР гласность, в т.ч. вашим Президентом, польские исследователи не смогли получить доступ к советским архивным материалам.

9. Пленные в концентрационных лагерях

Германские планы предполагали направление транспортировов советских пленных в лагеря уничтожения (концентрационные). 1 марта 1941 г. Гиммлер издал распоряжение о подготовке в Освенциме места для 100 тыс. русских. Такой массы пленных никогда здесь не собирали, но уже в июле 1941 г. на самую крупную во второй мировой войне "Фашику смерти" прибыла первая группа взятых в плен, а 3 сентября стало днем, когда именно на бывших советских военнослужащих прошли испытание умерщвления их "Циклоном Б" (около 600 человек). Через "Руссишен Кригсгебанден Арбайтслаге" прошло почти 15 тыс. (возможно, даже 20 тыс.) человек, а на последней поверхке 17 января 1945 г. стояло только 96 человек. Их зверски убивали, они получали пищевой рацион еще меньше тюремного. В немецких документах отмечено также уничтожение групп пленных в концентрационных лагерях в Майданеке и Штуттхое. Есть и более детальные данные о личностях некоторых жертв, приговоренных к смерти, помимо прочего, за участие в побегах, тяжело больных, парашютистов последних этапов войны.

Мы еще мало пишем об этих группах советских пленных, почти ничего не знаем о положении внутри них, о самоорганизации. Не простым делом является пополнение информационного пробела, необходимо предпринять поиски тех, кто почти чудом смог выжить или был переведен на менее изнурительные работы и снесся¹⁷.

10. Побеги из лагерей. Среди интузян

Отчаявшиеся пленные искали спасения в побегах, предпочитая - в случае неудачи - смерть от пули макиному

умиранию. Слишком мало известно о способах подготовки побегов, и мы не уверены в том, что правильно понимаем намерения рисковавших. Можно использовать лишь примерные описания групповых побегов. На крик "Ура-а" группа бросалась на проволоку ограждения, валяя столбы. В это время охранники открывали огонь из пулеметов и бросали ручные гранаты. От быстроты и решительности, а также многочисленности группы зависело, сколько смельчаков скрывалось в темноте вне лагеря. Позже их преследовала полиция. Беглецов расстреливали на месте или передавали в руки СД, что в начале войны равнялось немедленному смертельному приговору, а в более поздний период - обречению на медленную смерть в концентрационном лагере. Импровизированные побеги по схеме, похожей на описанную выше, имели место, пожалуй, во всех крупных лагерях, даже в лагере смерти Освенциме. Реже происходили попытки захвата всего лагеря и разоружения охраны (только в Сухожебрах) и побегов многочисленных групп через подкопы. Я уже писал об обстоятельствах, затруднивших организацию таких попыток.

Успех побега в большой степени зависел от контактов с гражданским населением. Требовались одежда, продовольствие, убежище, чтобы переждать период интенсивной погони, а затем совет относительно дальнейшего направления передвижения, адреса. Пленные, готовившие побег, часто старались также получить ножницы для перерезания проволоки, карты, ножи, даже оружие. В регионах партизанской активности наиболее верным решением было присоединение к отряду "лесных" или создание собственной вооруженной группы (примеры В. Дегтярева и Саши из Новороссийска), практиковался также переход на положение работника в крестьянском хозяйстве.

Известно много примеров таких удавшихся попыток. Правдой является и то, что партизаны боялись принимать непроверенных людей, а сельские жители рисковали жизнью, нарушая распоряжения, запрещавшие контакты с беглецами. Немцы умело провоцировали неуверенность, засыпая провока-

торов, публично приводя в исполнение смертные казни гражданских лиц. Особенно опасными были так называемые власовцы, выдававшие себя за убежавших из лагеря. Случалось и так, что пойманные беглецы не выдерживали избиения во время следствия и называли адреса домов, где им оказывали помощь. Некоторые, обретя свободу, вели себя настолько уверенно, что вообще не заботились о безопасности жителей, оказавших им то или иное содействие, рассказывают и о кражах, которыми не гнушались советские беглецы, а также о насилии и убийствах. Но все это требует еще детальных исследований, чтобы не совершить ошибок в оценках.

Из воспоминаний партизан следует, что убежавшие советские пленные относились к числу наиболее отважных, а к тому же хорошо обученных солдат. Они знали лагерные условия и не питали никаких иллюзий в отношении немцев, сражались до конца, нередко спасая партизан в трудные моменты. Чаще всего мы знаем только имена этих героев или их псевдонимы, поскольку они не смогли дожить до конца войны или пошли потом с фронтовыми частями. Без ответа остается и вопрос о количестве всех убежавших из лагерей пленных. Подобные же трудности мы встречаем при определении размеров этого явления относительно евреев.

II. Помощь населения

Выше об этом уже частично говорилось. Можно добавить, что данная тема исследуется польскими историками из различных научных центров и есть уже определенные результаты. Пожалуй, лучше всего к настоящему времени документировано участие людовцев, особенно из Батальонов хлонских, а также вообще сельских жителей в оказании помощи советским военнопленным. Об этом писал, в частности, проф. Я. Гмитрук.¹⁸

С помощью польского населения организовывались индивидуальные побеги и побеги небольшими группами. Сценарии были разные: "на пассажира", когда пленных вывозили под кузовом автомобилей, под поклажей на телеге, среди тру-

пов. В некоторых случаях использовалось переодевание, частичная гримировка. Меньше риска создавал побег с места работы и "больницы", во время переходов, но это не было просто. Имеется также информация о действиях польских партизанских отрядов, направленных на освобождение пленных. Гражданское население брало на себя заботу о больных и раненых советских пленных. Известны случаи, когда брались на воспитание дети, родившиеся за проволокой¹⁹.

По результатам польско-советских исследований, каковых пока что нет, можно было бы составить все описания побегов из лагерей, методов совместных действий пленных и гражданского населения, жертв, понесенных поляками, дальнейших судеб тех, которым удался побег. Все эти вопросы надо решать быстро, чтобы суметь воспользоваться свидетельствами пока еще живущих людей - очевидцев событий. Нельзя обходить стороной дискуссионные вопросы, ну хотя бы вложение Катынского дела на сознание жителей польских земель. Мы также ожидаем правды об отношении после войны к бывшим бывшим пленным из немецких лагерей.

Первые воспоминания бывших пленных появились лишь во второй половине 50-х годов, и первые польские исторические публикации (критические), касающиеся этой темы, - в начале 60-х годов. Считаю, что происходящие в СССР и Польше перемены кускорят темпы исследований, сделают возможным для нас доступ к архивным материалам, совместные дискуссии и издания.

Примечания

1. Datner S. *Zbrodnie Wermachtu na jencach wojennych armii regularnych w II wojnie swiatowej*. W-wa. Wyd. 2. 1964; он же. *Преступления немецко-фашистского Вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне*. М., 1963.

2. Примеры мемуаров, переведенных на польский язык:
Dieggtariew W.I. *Zwycięzając śmierc*. Lublin. 1974. S. 82-83;
Pirogow A. *Miedzynarodowka stracencow*. W-wa. 1972. S. 115
/...помни, что борьба продолжается, никто нас не освобождал от службы в Красной Армии, не имеем права складывать оружия/.

3. Pirogow A. Op. cit. 5. 108
Француз, например, получали посылки по линии Красного Креста.

4. M.in. Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich 1939-1945. Informator encyklopedyczny. Warszawa, 1979 /NA POLSKICH ZEMIACH OTMĘCZENO 2197 LAGERÓW I PODLAGERÓW, rabočich otryadov iz voennooplenennix.../, s. 58.

5. Ostatnia publikacja: Martyrologia jeńców radzieckich na ziemiach polskich podczas okupacji hitlerowskiej. Białystok, 1987, s.121 /materiały z sesji odbytej 20 XI 1986 w Białymostku/.

6. E.Drwota. Jeńcy radzieccy w okupowanym Krakowie. Kraków, 1975, s.10-11.

7. Przykłady: M.Bartniczak. Grady i Komorowo 1941-1944. Z dziejów Stalagów 324 i 335 Ostrów Mazowiecka. Warszawa, 1978; J.Pietrzykowski. Stalag 367. Obóz jeńców w Częstochowie. Katowice, 1976; M.Kowalski. Obóz jeńców radzieckich w Międzyrzeczu Podlaskim i Rogoźnicy /w:/ "Rocznik Międzyrzecki", r.VII, 1975, s.162-167.

8. Za: J.Gmitruk. U źródeł przyjaźni i sojuszu. Wieś polska i ruch ludowy w akcji pomocy obywatelom radzieckim w latach okupacji hitlerowskiej 1941-1945. Siedlce, 1987 /broszura/; także artykuły A.Dobrońskiego i J.Gmitruka w "W służbie tradycji, przyjaźni i współpracy". Warszawa, 1988 /teksty wygłoszone na spotkaniu w Grodnie/.

9. Z.Lietz. Obozy jenieckie w Prusach Wschodnich 1939-1945. Warszawa, 1982, s.135-137; J.Pietrzykowski, op.cit., s.40; S.Seuft. Jeńcy wojenni i robotnicy przysubowi zatrudnieni w rolnictwie śląskim 1939-1945. Opole, 1978, s.86; G.Bojar-Fijałkowski. Losy jeńców wojennych na Pomorzu Zachodnim i w Meklemburgii 1939-1945. Warszawa, 1979, s.213-221.

10. Przykładem relacja Jana Bogdana z Potruboszczyzny / w zbiorach autora/.

11. M.Bartniczak, op.cit., s.183-198; S.Cywoniuk. Pomoc jeńcom radzieckim na suwalszczyźnie w latach 1941-1944. /w:/ Martyrologia jeńców..., s.109; J.Gmitruk, op.cit., passim; J.Pietrzykowski, op.cit., s.65.

12. J.Pietrzykowski, op.cit., s.65-66.

13. S.Nejfeld. Obóz jeńców wojennych żołnierzy Armii Radzieckiej w Augustowie, 1970, maszynopis, s.3; Nekropolie radzieckie w województwie katowickim. Katowice, 1976, s.20-22.

14. M.in. Ewakuacja i wyzwolenie obozów jenieckich na Środkowym Nadodrzu w 1945 r. Zielona Góra, 1986, s.33.

15. Martyrologia jeńców..., s.43 /przykład z Kielc, raport gen. mjr Mosera z 11 XII 1941 r./.

16. Przykładem: Nekropolia radzieckie w województwie katowickim...

17. J.Brandhuber. Jeńcy radzieccy w obozie koncentracyjnym w Świeciu. "Zeszyty Świecieńskie", t.IV 1960, s.3-52; S.Datner. Zbrodnie ..., s.196-23%.

18. J.Gmitruk, op.cit., s.30, 39 i inne.

19. Obszerna literatura na temat ucieczek. M.in. S.Datner. Ucieczki z niewoli niemieckiej 1939-1945. Warszawa, 1966, passim; pamiętniki, opracowania M.Bartniczaka, liczne artykuły prasowe.

ЯНУШ ГМІТРУК

ПОЛЬСКОЕ СЕЛО И КРЕСТЬЯНСКОЕ (ЛЮДОВСКОЕ) ДВИЖЕНИЕ
В АКЦИИ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ
В ГОДЫ ГІТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦІЇ

Годы второй мировой войны – исключительный период в новейшей истории Польши. Поражение в сентябре 1939 г. и, как последствие, гитлеровская оккупация польских земель и все с ней связанное, характеризовалось особой трагичностью. После двадцати лет независимости политическая жизнь страны была вытеснена в подполье или эмиграцию.

Борьба польского народа с оккупантами проходила в экстремальных условиях – буквально тотальной биологической угрозы. Немцы конкретизировали в то время план "Дранг нах Остен", разрабатывали далеко идущий план уничтожения славян (Генеральплан Ост), планы "захвата земли" (Болен-ордунг). Политика оккупанта на польских землях не ограничивалась охраной военных объектов или усиленной эксплуатацией захваченных территорий, но преследовала долгосрочную цель "устранения" польского народа вообще. В связи с этим принимались меры для его полной деградации. Намеченное оккупантами реализовывалось посредством акций (ликвидация передовых слоев народа), ликвидации евреев, массовой депортации в концентрационные лагеря и в Рейх на рабский труд, мер в сфере приостановки естественного прироста, создания голода, последовательного и ожесточенного применения принципа коллективной ответственности, что представляло собой массовые усмирения и публичные казни, сжигание сел, переселения, похищение детей, психический террор и многое другое.¹ В этой политике проявилось человеконенавистничество, как ее основные методы и цели.

Несмотря на необыкновенно жестокие и тяжелые условия оккупации, польское движение сопротивления смогло создать хорошо сформированные организационные структуры Подпольного государства – его законодательные и исполнительные

власти, подпольную армию, конспиративные суды, просвещение, прессу, а также активно действовавшие культурные учреждения, продолжали свою деятельность в конспиративных условиях партии и молодежные организации. Основным фактором этого явления было состояние духа народа – его необыкновенные патриотические чувства, психическая сопротивляемость, тяга к борьбе, непокорность и гордость, присущие широким народным массам, в том числе наиболее многочисленным среди них крестьянским массам.

Поляки в годы второй мировой войны в своей основной массе не проявляли пораженчества, психического надлома и колаборационизма. Конспиративные организации, несмотря на шающие террор и экзекуции, не испытывали трудностей в рекрутации своих членов и были окружены широкими массами симпатизирующих и помогавших. Активную поддержку партизанскому движению, преследуемым оказывало польское село, представлявшее собой в те годы своеобразную базу и опору движения сопротивления.

Польские крестьяне в течение всего периода оккупации сохранили национальное достоинство и необыкновенно сильную волю выживания. Никогда ранее в истории польские крестьяне в борьбе за независимость не проявляли столько беззаветности, решительности и самопожертвования, как именно в период оккупации. Они были главной силой и опорой подпольной Польши. Если предположить, что в рядах польского движения Сопротивления действовало около одного миллиона человек, то наверняка большинство из них составляли крестьяне. Сельское население участвовало в конспиративной деятельности всех политических партий и военных организаций в оккупированной стране. Таким образом, можно говорить о массовом участии польских крестьян в движении сопротивления.

Крестьяне наиболее массово включились в конспиративную деятельность людового движения. Благодаря их политической активности Крестьянская партия "Рох" стала в период оккупации наиболее массовой из всех политических партий,

что позволило ей играть ведущую роль в межпартийных отношениях на территории оккупированной страны и в правительстве, находившемся в эмиграции, а также обеспечило людовцам доминирование во многих важных функциях в органах власти Подпольного государства. Конспиративной сетью было охвачено 10 воеводств, 100 повятов, 1000 гмин и более 8 тыс. громад. Только в руководстве всех уровней работало около 50 тысяч активистов, которые вели политическую работу на своей территории. Но не только число вовлеченных в работу активистов свидетельствовало о силе и значении людовского движения в период оккупации. Оно обладало значительным политическим влиянием и большим числом сторонников и симпатизирующих ему среди всего населения села.

Несомненно, одним из наибольших достижений конспиративного людовского движения стала организация собственной жизнеспособной вооруженной силы – Батальонов Хлопских. Ее создали крестьяне и они ее командовали. Она имела однозначно классовый характер. Развитие БХ происходило динамично. В 1944 г. на территории 166 повятов насчитывалось 157 тыс. бойцов. Это была вторая по величине сила вооруженного подполья. Постоянно борьбу с оккупантами осуществляло 70 партизанских отрядов и более 400 специальных групп, которые осуществили несколько тысяч операций. Славный боевой путь БХ начали 30 декабря 1942 г. под Войдой с акции, осуществленной совместно с советскими партизанами.

Организациями конспиративного людовского движения на селе были существовавший с 1941 г. Союз крестьянского труда Пахота и Крестьянский союз женщин, объединивший около 20 тыс. женщин, которые в свою очередь вступали в Зеленый Крест, оказывавший санитарную помощь солдатам БХ. Сельские женщины выполняли в условиях конспирации ряд ответственных функций, присутствуя почти на всех участках борьбы с оккупантами.

Конспиративное людовское движение представляло собой доминирующее политическое течение в польском селе в годы оккупации.

Оно оказывало решающее влияние на диапазон и размеры помощи жертвам оккупантов, участникам движения сопротивления, тем более, что польское село играло во время оккупации необыкновенно важную роль в качестве базы партизанских действий. Без его поддержки конспиративная деятельность не могла бы получить такого развития. Крестьяне предоставляли убежище партизанам и преследуемым оккупантами, несмотря на страшные немецкие террористические акции.

Благодаря патриотизму и открытости сельской среды она стала убежищем для преследуемых и разыскиваемых оккупантами. Обладая относительно лучшей, чем другие классы и слои, опорой для своего материального существования, сельское население оказывало помочь выселенным, польской интеллигенции, евреям, военнопленным различных национальностей, особенно советским. Разные формы помощи позволили уберечь от неминуемой смерти многие тысячи польских граждан и представителей других национальностей. Варварские репрессии, низвергавшиеся на село по принципу групповой ответственности, не поколебали крестьянской воли и глубокой веры в целесообразность оказания помощи тем, кто в ней нуждался. Спасая человеческие жизни, село платило за это дорого – кровью и жизнью своих обитателей, а также уничтожением достояния целых поколений².

Документы и свидетельства участников этих событий запечатлели много фактов помощи крестьян и людовцев советским военнопленным и партизанам, а также их общую борьбу с врагом в рядах БХ. Малоизвестной стороной было сотрудничество крестьянской вооруженной организации с советскими разведывательными группами и партизанскими отрядами. Еще задолго до немецкой агрессии против Советского Союза, весной 1941 г., Вермахт начал организацию на территории Генерального губернаторства лагерей, предназначавшихся для будущих пленных. Концентрация гитлеровских войск волнизи демаркационной линии раскрывала агрессивные планы Германии. Эти приготовления не остались незамеченными сельским населением. Организации Батальонов Хлопских собирали информацию о немецких силах и осуществляли в те времена еще не-

многочисленные акции саботажа в форме уничтожения вражеской техники. Батальонами Хлопскими особенно интересовался центр советской разведки, осуществлявший работу по сбору данных на территории повятов Хрубешув и Томашув Любельский. В этот период людовцы собирали информацию о концентрации гитлеровских войск перед демаркационной линией на Буге. Советские разведчики встречались с солдатами БХ также в северных повятках Люблинского воеводства и на Подлясе. Особенную ценную информацию предоставляли советским разведчикам посты БХ в местностях Хасынне и Доробуск в хелмском повяте. Были собраны данные относительно расположения бродов через Буг, которыми в момент начала войны с Советским Союзом должны были переправляться немецкие танковые соединения. Советские разведчики устанавливали также контакты с людовцами из Северной Мазовши и Познаньского воеводства. Из воспоминаний советских разведчиков следует, что людовцы предоставляли им ценные данные о территории Восточной Пруссии, а также информацию об аэродроме в Ловице в Познанском регионе, на котором готовилась воздушная атака на Советский Союз. 22 июня 1941 г. немецкая военная машина двинулась. Сгруппированные гитлеровские армии обладали колоссальным преимуществом перед советскими войсками, чему способствовал эффект неожиданности³.

§ I. Положение советских военнослужащих в плену, отношение к ним германских властей

На польских землях, политых кровью миллионов убитых, находятся могилы около 1400 тыс. советских граждан, в том числе около 809 тыс. военнопленных и 600 тыс. солдат Советской Армии, освобождавшей польские земли. Но если тела красноармейцев, погибших во время боевых действий Советской армии, покоятся на прекрасных кладбищах и окружены заботой польского общества, то о судьбах советских пленных мы знаем немного, известны лишь фамилии 611 убитых.

Во время второй мировой войны убийство стало техникой массового конвейерного уничтожения сотен тысяч людей. Воен-

ные конвенции, казалось бы, надежно защищали гражданских лиц и военнопленных от последствий войны, но Германия попирала все содержащиеся в них принципы.

Преступления против советских пленных были первыми проявлениями массовых убийств в Европе, в том числе и на территории Польши, которые осуществляла Германия (уничтожение евреев началось лишь в 1942 г.).

Из доступных германских материалов следует, что Вермахт в ходе военных действий против СССР в 1941-1945 гг. взял в плен около 5700 тыс. советских солдат (больше всего в первый год войны - 3350 тыс.).

В гитлеровской политике экстерminationи советских пленных можно выделить два периода. Первый - до 1943 г., когда немцы уничтожили около 3600 тыс. пленных, и второй, приходящийся на 1943-1945 гг., когда пленные все больше стали использоваться как рабская рабочая сила в промышленности, а также вербовались в коллаборационистские формирования и их погибло в эти годы около 300 тыс.

Сейчас трудно установить количество гитлеровских лагерей для советских пленных на польских землях, поскольку значительная их часть подверглась ликвидации в короткий период после уничтожения находившихся там узников, а новые лагеря создавались в других местах. По приблизительным оценкам советские пленные подвергались наиболее варварским формам репрессий в 30-ти крупных и 20-ти более мелких лагерях.

Отношение немцев к пленным прежде всего определялось одной главной целью - непосредственное уничтожение. Первым этапом реализации этой цели был транспорт. Пленных перевозили в переполненных товарных вагонах. Все время переезда, иногда длившегося более десяти дней, вагоны были закрыты. Пленным не давали ни воды, ни пищи, в результате чего многие умирали от истощения и голода. Вагоны-призраки простаивали на запасных путях долгие часы и даже дни. Зверское отношение к советским пленным продолжалось затем в колоннах во время пешего перехода от станции до лагеря, из одной местности в другую. По дороге их били и

гнали, к ним не позволяли никому приближаться, тех же, кто не мог идти дальше, убивали на месте.

Хроникер военных лет Зигмунт Клюковский в "Дневнике годов оккупации Замойшины" под датой 4 октября 1941 г. запечатлел ужасную картину: "... Вчера, - писал он, - проходила снова большая партия советских пленных, около 15000 человек. Это были скелеты, человеческие тени, передвигающиеся последними усилиями. Ничего подобного я никогда не видел. Люди падали на щоссе от истощения, а те, кто покрепче, поднимали их и тащили, поддерживая под руки. Это были изголодавшиеся звери, а не люди. Они бросались даже на яблочные огрызки, валявшиеся в сточных канавах, при этом их немилосердно били палками. Когда кто-нибудь из толпы бросал пленным какое-нибудь яблоко или кусок хлеба, начиналась форменная драка... Но солдаты из конвоя были неумолимы. Палками отгоняли собравшихся, стреляли в воздух для страха и били несчастных пленных немилосердно, без жалости... Вообще зрелище было отвратительное, ужасное. До настоящего времени я не могу ни забыть этого, ни приглушить впечатлений".

Следующим средством уничтожения пленных было то, что лагеря не были подготовлены к осенне-зимнему периоду. Местом изоляции чаще всего становились пространства под открытым небом, окруженные со всех сторон проволокой. В осенне-зимний период согнанные туда люди не имели соответствующей одежды, обуви и одеял. Питание также только по названию напоминало то, что можно назвать едой. Немецкие нормы предполагали 900 калорий на одного пленного, что составляло 215 г хлеба и 15 г жиров, а для работавших за пределами лагеря - больше. На практике же и этот голодный рацион снижался до 700-500 калорий, из него полностью исключались жиры (маргарин) и мясо (конина). Дневной биологический минимум человека составляет 2250 калорий.

Основной пищей был суп и хлеб из опилок. Суп делался из брюквы и дополнялся свеклой, реже картофелем, которые не мылись, бросали в котел также гнилые и мороженые кор-

неплоды. Для увеличения количества супа в него добавляли листья брюквы и свеклы, иногда также крапиву и другую сорную траву.

Один или два раза в день пленным давали водянистый суп, кофе-бурду, а также от 100 до 250 г хлеба, состоявшего из рисовых отрубей, на 20% из свекольных выжимок и на 20% - из деревянной муки, на 10% - из рубленной соломы. Голод приводил к тому, что пленные пытались есть все, что удавалось откусить и проглотить, листья и кору деревьев, траву и сорняки, даже уголь.

Вот как выглядят полные драматизма воспоминания Яна Богдана, солдата Красной Армии, узника лагеря в Сухожебрах в Седлецком повяте, которому чудом удалось пережить лагерную геенку: "Падал снег, наступили морозы, а мы продолжали, как и прежде, спать на земле, совершенно ничем не прикрываясь. У нас были опухшие лица, суженные щели глаз различали немного света, передвигались мы с трудом. Чувство голода было настолько сильным, что вели мы себя как звери. Это может показаться ужасным фактом, но он имел место - как-то вечером интерес узников привлекло чавканье их товарищей, сгрудившихся в углу. Оказалось, что они отрывали у еще живущего последними усилиями пленного по кусочку от ягодиц и пытались это сырое мясо скрытно съесть. Возникшая сразу суматоха привлекла внимание немцев. Они поняли, что происходит, приказали идти этим узникам через все пространство лагеря, подняв руки с мясом, а потом, конечно, расстреляли их".

О гитлеровских преступлениях против советских военно-пленных информировали отчеты Делегатуры правительства в стране, пересылавшиеся в Лондон во второй половине 1941 г. К отчетам прилагались десятки фотографий, запечатлевших жестокости, которые немцы проявляли в отношении военно-пленных. Наиболее страшными были сведения из лагерей в Седльцах и Сухожебрах. О положении в лагерях активистов людового движения информировал его центральный орган "Ку звиченству" (К победе) от 1 ноября 1941 г. "... Лагери

русских пленных множатся на польских землях. Отношение к этим несчастным воинам отвратительное. Часто у них нет бараков и никакой крыши над головой и все ночи и дни они проводят на голой земле и под голым небом. К тому же пленные испытывают страшный голод. Немецкие победители сорвали с них обувь и зимнюю одежду, из-за чего они просто умирают от голода и холода. В некоторых лагерях пленные безнадежно и непрерывно воят день и ночь в знак протеста против варварского к ним отношения".⁴

Отвратительные условия, царившие в лагерях, вынуждали помещенных в них людей различными способами пытаться вырваться из своего заключения. Массовые побеги особенно часто происходили в 1941-1942 гг. Подсчитано, что в период с середины 1941 г. до мая 1944 г. из лагерей военно-пленных, расположенных в Рейхе и на польских землях, убежало около 67 тыс. человек. Часть побегов происходила во время транспортировки по Польше, остальные – уже из лагерей.

Побеги из лагерей происходили драматически, чаще всего отчаявшиеся узники бросались на охранников, разрывали колючую проволоку. Наиболее массовые побеги происходили в трех лагерях в седлецком повяте. В начале сентября 1941 г. несколько тысяч пленных убежало из лагеря, расположенного у селений Сухожебры и Поднесына в районе Седлец. Проходил этот побег так: 3 сентября примерно в 18.00 масса советских пленных, насчитывавшая более 10 тыс. человек, ринулась на западный двойной ряд колючей проволоки и порвала его по всей длине. Массированным огнем из пулеметов немцы начали битью убегающих пленных, которых больше всего полегло на проволоке, другие падали уже в поле. Большинство пленных смогло отбежать достаточно далеко и оказаться вне полосы обстрела. Пленных, не выбравшихся за колючую проволоку, погнали копать ямы для захоронения трупов. Из Седлец были вызваны вспомогательные подразделения, которые прочесывали территорию и добивали раненых. Тех, которых не удалось закопать ночью, на следующий день те-

леги-труповозки вывозили к выкопанным в лесу рвам. Спаслось несколько тысяч пленных, которые разбежались по всей территории повята. Значительная группа их направилась в окрестности лесного комплекса "Ята" в Луковском повяте.

§ 2. Помощь поляков советским военнопленным, совместная партизанская борьба

Начало германо-советской войны было принято польским обществом с надежной на то, что марш Вермахта будет остановлен, а его части разбиты. Как начало войны, так и заключение договора от 30 июля 1941 г., нормализовавшего отношения между Польшей и Советским Союзом, положительно было принято в сельской среде. Конспиративные власти людовского движения полностью поддержали политику ген. В. Сикорского, что было отражено в полной мере в конспиративной прессе. Центральный орган КП "Рох" Шеглёнд в номере 25 от 10 августа 1941 г., положительно оценивая договор, подчеркивал, какое значение он имел для общей борьбы против Германии. Подобные мнения выражались на разных уровнях в ЕХ и в руководстве Крестьянской партии (КП) "Рох". Все это имело существенное влияние на выработку соответствующих линий действия и позиций среди людовцев и крестьян, когда в лагери начали прибывать первые советские военнопленные.

Первый приказ о помощи советским военнопленным издан 10 августа 1941 г. седлецкой комендатурой ЕХ. В этом приказе было записано: "В связи с организацией на территории нашего повята гитлеровскими оккупантами нескольких лагерей советских военнопленных приказывается:

I. В случае появления советских ... пленных на территории громад и населенных пунктов или в местных лесах предоставлять им далеко идущую помощь в: а) продовольствии, б) одежде, в) вооружении. При этом следует проявлять максимальную осторожность, поскольку немцы могут выпускать провокаторов из числа тех, кого завербовали для сотрудничества с ними.

2. При различных возможностях, как, например, дорожно-ремонтные работы, на которых используются советские пленные, следует завязывать с ними разговоры, предоставляя им помочь, отмеченную в пункте первом.

3. При предоставлении подвод для вывозки умерших на общие кладбища следует завязывать с пленными беседы, предоставляя им помочь прежде всего в организации побегов из лагеря. Рекомендуя внимательно наблюдать за условиями содержания советских пленных в лагерях, определять число трупов, вывезенных в данный день, условия их захоронения. Если можно будет, то сделать снимки и без промедления переслать их в повятовую комендатуру Хлостры вместе с детальным донесением по отмеченным выше вопросам.

4. Призвать всех знакомых, соседей и самые широкие слои общества к участию в оказании помощи советским пленным. Следует обратиться с призывом ко всем полякам без различия их политических убеждений, чтобы они оказывали помощь и проявляли сердечность к страдающим в неволе пленным во имя общих принципов гуманизма. Следует помнить, что это люди, которые оставили дома семьи и были брошены в неволю нашим общим врагом. Нельзя забывать, что из той же самой винтовки или пистолета сегодня враг убивает советского пленного, а завтра может убить кого-нибудь из нас. Нам нельзя с безразличием наблюдать массовое уничтожение военнопленных, которых враг убивает вопреки всяким международным договорам".

В момент возникновения первых лагерей военнопленных перед польским обществом, в том числе перед активистами конспиративного людовского движения, встала задача – каким образом организовать помощь пленным. Ее осуществление в условиях оккупации было крайне опасно. За оказание помощи в побеге и предоставление убежища пленным в соответствии с оккупационными законами грозила смертная казнь или заключение в концентрационный лагерь, откуда чаще всего возврата не было. В источниках и литературе по данной проблематике отражено много примеров активной помощи, которую кре-

стяние и людовцы оказывали брошенным в лагеря или убежавшим из них. Эти акции развивались во всех регионах страны. Наиболее распространены они были на Любельшине и Подляске, поскольку там было сосредоточено наибольшее количество лагерей военнопленных. В регионе Люблина, как утверждает Юлиан Тобиш - исследователь этой проблематики, скрывалось больше всего пленных, их крупные группы появлялись в трех регионах:

первый охватывал комплекс липских и яновских лесов и Сальской пущи вместе с прилегающими окрестностями. На этой территории в акциях оказания помощи выделялись села: Людмилувка, Грабувка, Квечуца Земляньская, Тышник;

второй - это территории Замостья. К селам, население которых чаще всего предоставляло убежище советским военнопленным, относились: Беньковиця, Раколупы, Войславице, Вежковини, а также Загрода, Жузание, Сеница, Ружаны, Боньча (повят Красныстав);

третий находился на стыке Любартовского, Луковского, Радзиньского повятов. В центре находились села Шиписувка, Бжезины, Сероцк, Ложава;

четвертый, где чаще всего появлялись убежавшие, - это территория, находящаяся между Островом Любельским, Парчевым, Мендзыречем Подляским, Владавой, Семятычами и Бялой Подляской. На этой территории можно выделить три региона: парчевские леса с прилегающими к ним деревеньками: Бурадув, Тысменица, Рудка, Едлянка, Сосновица, Убинин, Коденице, Клиновежба; владавские леса с деревнями: Захайки, Каплоносы, Холовно, Русилы, Хородыши, Ротаевичи, Вишнице; территория вдоль железнодорожной линии Мендзыжец - Бяла Подляска, где пленные чаще всего находили убежище в деревнях: Ломазы, Студзянка, Кошолы, Хуша Хоталов, а также на территории повята Бяла Подляска: Калилов, Васкленница, Симчик, Киёвец, Рокитно, Хусинка, Холодница, Михалки, Заблоце, Хосьценевиче, Виски, Мендзылеси, Мозандувка, Корчувка.⁵

Первая помощь, как правило, заключалась в том, что пленных кормили, давали штатскую одежду и определенное

время укрывали в собственном доме. Это было необходимо как по соображениям безопасности, так и для того, чтобы предоставить отдых беглецам и по причинам санитарного порядка, таким, как мытье и стирка. Когда беглец мог идти дальше, ему показывали безопасную дорогу, снабжали продовольствием. Часто бывали такие случаи, когда местное население, зная, что в лесах укрываются советские военнопленные, специально ходили по грибы, беря с собой еду.

Довольно часто ситуация трублowała более длительного укрывания пленных из-за плохого физического состояния. Иногда бежавшие оставались у приютивших их хозяев в течение нескольких месяцев и дольше. Например, в селах Клода Дужа, Клода Мала, Залесе, Хорбув недалеко от Бялей Подляски, Васкженице и других многие пленные укрывались всю зиму 1941-1942 гг.

В Рудке, находящейся непосредственно у парчевских лесов, иногда укрывались одновременно более ста пленных. О них заботились целыми семьями. Особенно много отваги и самопожертвования требовало оказание помощи советским военнопленным, болевшим тифом, по причине значительно большей в этом случае опасности нарушения конспирации, а также возможности заражения.

Осенью 1941 г. эпидемия тифа разразилась в селах в районе парчевских лесов. Жители села Рудка сильно пострадали от этого. В селе Хуша в посёлке Бяла Подляска весной 1942 г. умерло более 100 человек. Несмотря на это, жители Хушки не отказывали беженцам в помощи. Показательным примером самопожертвования и беззаветности были Мария Шихалюк и ее дочь Анна Сымосарчик-Шихалюк. В лесном укрытии недалеко от села Хородыще они спасали от неминуемой смерти 18 больных тифом, а среди них знаменитого командира отряда Федора Ковалева. Из материалов по данной проблематике следует, что там, где появлялись беглецы, больные тифом, жители сел также заболевали им. Несмотря на это, пленным оказывалась помощь, сооружались укрытия, старались снабдить их лекарствами.

В Келецком регионе, где уже осенью 1941 г. в созданных там лагерях находилось более 20 тыс. советских пленных, распространенным явлением были массовые побеги. Многие из них оказывались успешными благодаря активной помощи людовцев. Наиболее тесные контакты с советскими пленными людовцы имели в тех местностях где были расположены лагеря: Ченстохова, Нова Слупя, Сьвенты Кшиж, Ближин, Борыча, Коньске. Особенно великолепный эпизод в акции укрывания пленных показали людовцы из опатовского региона, особенно в селе Пюркув, где много убежавших русских нашло помощь в бежовских семьях. Пленные были истощены и заражены тифом. Вскоре начали болеть жители села. 24 декабря 1941 г. наряду с другими умерла мать Мечислава Мрудзика ("Щитника") – командира людовского партизанского отряда ЛОБ. Игнацы Шыкутович, живший в Пюркове–Пюрембисках, в течение года укрывал советского пленного, который помогал ему в работе по хозяйству, а затем ушел на восток к советским партизанам. Шыкутович за оказание помощи беглецу был арестован жандармерией и сослан в Освенцим, где погиб.

Настроение крестьян и людовцев в отношении пленных хорошо передает Гугениуш Фонфара ("Наврот") – один из командиров БХ в районе Сьвентокшиских Гор. Он вспоминает: "Зимой 1941–1942 гг. немцы создали в Сьвентым Кшиже лагерь для советских пленных. Согнали их туда несколько тысяч. Измученные голodom пленные массами умирали от тифа. Вместе с умершими в морг увозили также живых, которые выдавали себя за мертвых. Зима была особенно суровой. Мороз в горах доходил до 40° по Цельсию. Бежавшие из лагеря направлялись в села к крестьянам. О том, как их приняло сьвентокшиjsкое село, можно было составить мнение спустя некоторое время, наблюдая потянувшиеся в направлении кладбища в Слупи Новой похоронные процесии. Это умерли от тифа здешние крестьяне. Не было случая, чтобы кто-нибудь отказался предоставить убежище советскому беглецу, хотя это грозило смертью от рук гитлеровцев или от тифа".

Огромное значение для беглецов имела помощь в перевозке через Буг. Это была не простая операция, поскольку линия этой реки патрулировалась многочисленными немецкими постами. В организации переправ особенно отличались жители сел: Пратулин, Непле, Заблоце, Костомлоты в повяте Бяла Подляска. На оконице села Красувка в повяте Владава через реку переправлялись целые группы пленных. Крестьяне предоставляли лодки, доски, другие приспособления и продовольствие, а также выполняли опасные функции проводников, помогали в организации переправ лесники, знаяшие наиболее скрытые подходы к реке.

Активно в акцию помощи включались активисты конспиративного людовского движения, солдаты Батальонов Хлопских и представительницы Крестьянского союза женщин. В Седлецком повяте не было ни одного села, куда бы не добрались советские пленные. Когда они отдыхали в лесах и полях или же в крестьянских дворах, им доставляли еду, обрабатывали их раны и мыли, доставляли им одежду и оружие. Особенно активные формы помощи осуществляли солдаты ГХ из Седлецкого повята. Они часто использовали возможность поехать в лагерь военнопленных в Сухожебрах на труповозках, чтобы воочию убедиться, в каких условиях живут пленные, узнать, какие у них настроения. Так, Мариан Гжебиш из Вишнева во время пребывания в Сухожебрах установил контакт с капитаном Петром Зашаренко. Виктор Сомля из Стока Ляцкого такой же контакт установил с лейтенантом Сергеем Горшковым. Из беседы с советскими офицерами беховцы узнали, что в лагерях действуют ячейки движения сопротивления. Поскольку узники лагеря готовили побег, через М.Гжебиша и В.Сомлю им был передан план территории, на котором в радиусе 50 км от лагеря в Сухожебрах обозначались пункты, где пленные могли рассчитывать на помощь.

О стремлении помочь советским пленным жителей седлецкого региона свидетельствуют следующие примеры. Поздним вечером 3 сентября к коменданту ГХ в Мокободах Альтона Косорадзкому поступал условленный сигналом советский офицер -

капитан Игорь Болесьников. В ближайшем лесу находилась большая группа бывших советских пленных. А.Козерадзкий вместе со Станиславом Остасом и группой солдат БХ, а также санитарным патрулем, руководимым Вандой Остас - председателем КСЖ в гмине Мокободы, направились в лес, чтобы забрать 27 тяжелораненых солдат. В течение двух недель раненые находились на сеновалах людовцев Яна Левицкого, Стефана Каминьского и Станислава Остаса, где их лечил местный врач Сыледзевский. Позднее часть из них поселились у Владислава Анджеевского в селе Пируг. Остальную группу из имевших более легкие ранения и здоровых вместе с И.Болесьниковым отряд из Мокобод в течение ночи перевел в Висьневский лес к так наз. бывшему стрельбищу, где они остановились у беховца Станислава Черняка. Перед возвращением домой Станислав Остас оставил в распоряжение группы Игоря Болесьникова пять винтовок типа маузер, два пистолета, сто штук патронов на каждую единицу оружия, а также 20 гранат. Командир советского отряда, как вспоминает Станислав Остас, был очень тронут этим проявлением дружбы и помощи. Выражая благодарность беховцам, он обещал вернуть долг после того, как его отряд отобьет оружие у врага. Уже в середине октября произошла новая встреча с советским партизанским отрядом И.Болесьникова, когда беховцы переправили в висьневский лес группу пленных, лечившихся в Мокободах. Советский отряд насчитывал 60 человек и был хорошо вооружен немецким оружием, добтым в бою. Возвращая одолженное 4 сентября оружие, Болесьников попросил об оказании подобной же помощи другим пленным, которым удастся выбраться из неволи.⁸

Характерной особенностью, не имевшей места в таких масштабах в конспиративном людовском движении в других регионах страны, было то, что все командование БХ и политическое руководство людовского движения седлецкого региона оказывали помощь советским военнопленным. Винценты Желязовский из Воли Щуковской, председатель новяковского руководства КП "Рох" оказывал осенью 1941 г. помошь трем советским офицерам, бежавшим из лагеря в Сухожебрах. Эти плен-

ные были накормлены, очищены от насекомых, переодеты. В. Желязowski, как бывший солдат царской армии, превосходно знал русский язык, следовательно, он мог дать русским много ценных советов. Поскольку они выразили желание возвратиться в родные края, он снабдил их на дорогу продовольствием, а также дал им компас и карту, на которой обозначил дорогу на восток. Офицеры переправились через Буг и попали в руки к немцам. Во время допроса с пристрастием они сознались в том, что Желязowski дал им карту и оказал помощь. Вскоре он был арестован немецкой полицией и посажен в Павлик.

Наиболее распространенная форма помощи - предоставление пищи укрывшимся в лесу советским пленным. Жители села Даенцёлы Нове седлецкого региона кормили пленных, которые укрывались в старой крепости Ячвингув над рекой Точной. Эти пленные появлялись поздним вечером и стучали специальным способом в дома крестьянам. Продовольственная помощь оказывалась также жителями сел Сьвинярова, Новоселя, Вожник, Чухлеб, Мешек и Гурек.

В селе Новоселец в районе Седлец в семье людовского активиста Станислава Вычулковского находился советский лейтенант Василий Голенцко, убежавший из Сухожерб и добравшийся до Новоселца крайне истощенным. В течение нескольких месяцев он набирался сил, работал в качестве сапожника. Восстановив здоровье, он попрощался со своими спасителями и решил перебраться через фронт к своим. Схваченный за Бугом белорусской полицией, он был приведен в лагерь смерти для беглецов в Судетах, откуда убежал и оказался неподалеку от Люблина в I Украинской партизанской дивизии им. Сидора Ковпака, которой командовал полковник Петр Вершигора. Он исполнял там функции командира разведки. После войны Голенко нашел С. Вычулковского.

Общей тайной жителей села Вижники было укрывание в течение более года 27 советских солдат, которые позднее пополнили партизанские отряды. Село Хадынув в гмине Ольшанка в межвоенный период было известно благодаря своему

активному участию в людовском движении, а во время войны в движении сопротивления. Член повятового руководства КП "Рох" Юзеф Петручук был организатором тайного обучения, он предоставил свой дом для советских пленных. Больные тифом были помещены в кроватях, тогда как здоровые укрыты в специально выкопанных бункерах под строениями. Пленные надолго поселились в Хадынове. В Институте истории крестьянского движения сохранилась фотография, представляющая трех советских пленных. После войны один из них ⁹ пытался отыскать своего спасителя. Но Юзеф Петручук в это время уже не жил, так как был убит реакционным подпольем.

Жители венгровского повята оказывали помощь пленным, убежавшим из лагерей в Острувке и в Грондах. На территории гмины Лохув прятали, лечили и кормили советских пленных, кроме прочих, Венчеслав Козицкий из Елиска, Эдвард Коняжевский из Надкола, Юзеф Пилаво из Лопяники, а также Станислав Рогушевский из села Бачки и Мечислав Скрайный из села Каминьчика. Очень активными в оказании помощи были жители сел: Острувек, Лосевице, Бжуза, Лязу, а среди них солдаты поста № ХУІ батальона "Надбужаньского" АК, руководимого Францишком Качмареком. Нити вели также к селам Осенко, Руда Черник, Пяски гмины Стражувка. Ян Араскевич из Станиславова оказывал помощь раненому советскому пленному и прятал его. Марианна Неч из села Чарна оказала медицинскую помощь раненому пленному, сделала перевязку и переодела в гражданскую одежду. Неделю спустя этот солдат присоединился к партизанскому отряду.

Эугениуш Косела из села Козолупы гмины Сточек Венгровский в 1943 г. принял в дом больного пленного, 19-летнего Николая Ющенко из Витебска, который убежал из лагеря в Седльцах. Больше года он прятал пленного в своем доме, оказывая ему врачебную помощь и предоставляя пищу. Другие жители села также оказывали пленным помощь продовольствием и доставали им оружие. В гмине Медзна пленные находи-

ли убежище в домах людовских активистов в селах: Медзна у Тадеуша Савицкого, Вульца Медзеньская, Воля Гжешовская ¹⁰ – в доме Владлава Ковальского.

Очень существенное значение для спасения жизни советских людей имели организованные формы помощи им. Приказ коменданта повятового отделения БХ в Седльцах активизировал Батальоны Хлопске, но с помощью поспешили также солдаты Армии Крайовой и представители возникающих еще немногочисленных ячеек Польской рабочей партии и Гвардии Людовой. Акция помощи пленным, заключенным в лагерях в Седльцах и близлежащих местностях, набрала силу в 1942 г. 24 августа соединенный специальный отряд БХ из седлецкого района под общим командованием Виктора Сомли, Владислава Гожала, Эдварда Барковского реквизировал 4 тонны зерна из железнодорожного транспорта на остановке Сток Лацкий. Такую же акцию тот же отряд БХ осуществил 10 октября 1942 г., реквизируя 6 тонн зерна. Добытое таким образом зерно было передано для помощи выселенным евреям и пленным. Часть зерна была оставлена в распоряжении женщин – членов КСЖ. Из него впоследствии выпекали хлеб и делили между нуждающимися. Санитарные патрули Зеленого Креста из Стока Лацкого под руководством Марианны Клевек, из Прудина – Казимеры Здунек, Збучина-Люции Бярдувины оказывали санитарную помощь и предоставляли продовольствие целям группам советских пленных.

Многие пленные получили помощь от людовцев Подляся, особенно в районе Бялей Подляски. Акции помощи осуществлялись и направлялись повятовым руководством КП "Рох", а также командованием БХ этого региона. Особенно активными на этом участке были беховцы из гмины Россось. Командир специального отряда БХ Францишек Банцажевский ("Влучега") налаживал контакты между укрывавшимися группами пленных и отрядами советских партизан.

Организацией помощи занимались женщины – члены Зеленого креста: Мария Садовник, Ванда Сацевич, Янина Пенько, Геновефа Хнедорук, Ванда Крутвицкая, Хелена Корчин

и Станислава Банцажевской. Медицинскую помощь раненым пленным и партизанам оказывал врач Петр Макарук ("Кругулец"). С ним сотрудничал патруль сестер Зеленого креста. Солдат БХ Эдвард Бялушко спрятал раненого пленного Ефима Симанешко. Переезжал ему раны и укрывал в специально подготовленном укрытии в течение целой зимы.

В повяте Радзыньском помочь организовывал Эдвард Макарук ("Стхала") — командир специального отряда БХ. В селе Рогожница был создан лагерь для советских военнопленных, которые использовались на работах по регулированию течения реки Кжна. Людовцы из окрестных сел переправляли в этот лагерь продовольствие, а также помогали пленным в побегах. Широкую акцию помощи пленным организовало повятовое командование БХ в Замостье и Билгорае. Владислав Вилупек ("Варта") — командир повята Замостье установил контакт весной 1942 г. с отрядом советских партизан капитана Василия Володина, находившегося в лесах недалеко от Звеженца. В отряд систематически доставлялись продовольствие и боеприпасы.¹²

Командование БХ в Билгорайском повяте, возглавляемое Яном Григлем ("Орлом") взяло на себя заботу о раненых пленных из лагеря в Замостье. В повяте Томашув Любельский ассоциации помощи руководила Паулина Чувар ("Марта") — председатель КСЖ. В селе Любянки на Замостье людовцы неоднократно организовывали сбор хлеба и вареного картофеля для проходящих в колоннах пленных. Однако не всегда немцы, сопровождавшие колонны, позволяли оказывать пленным помощь.

В ноябре 1943 г. командир партизанского отряда БХ Ян Яблоньский ("Джазга") взял на себя заботу о шести советских пленных, убежавших из лагеря в Радоме. Они были спрятаны в селе Застава Поляновска в семьях беженцев. В отряде БХ Кезефа Политовского ("Шмера") находилось трое советских пленных, совершивших побег из лагеря в Демблине. Они принимали участие в боевых действиях этого отряда. Об этих пленных заботилась Мария Венгорек, Еугения Лющеевская и Ян Станьчик — командир отряда БХ в Балтове. Осенью 1941 г. бывшие советские

военнопленные из лагеря в Стжельнике в районе Красностава нашли помощь у жителей окрестных сел. Например, пленные находились в селе Колёния Закрента в доме Яна, Юзефа и Станислава Стылов, в Ореховице - в семье Яна Грохецкого ("Цебра"), а также в селах гмин Туробин и Закхев. В Грудках пленных прятали члены КП "Рох" учителя Стефан Лис и Юзеф Цястула. Более мелкие группы пленных по распоряжению командира взвода БХ Стефана Келбасы были размещены в Пясках Шляхецких, а также в селе Боблёва. 26 пленных пряталось в домах трех крестьян: Стояловского, Репца и Яна Волоса в Вирковицах. За безопасностью пленных следил отряд Евгеслава Кукулки ("Януша"). Вирковице - одно из самых крупных сел на Замостье, стало во время войны по решению людовцев постоянным форпостом для операций, осуществлявшихся советскими партизанскими отрядами им. Суворова под командованием старшего лейтенанта Сергея Санкова, им. Кирова под командованием капитана Анатолия Наделина.¹³

Широкомасштабную помощь пленным оказывали громадские и гминные командования повята Томашув Любельский. Эту акцию организовал командир округа Францишек Бартоломович ("Гжмот"), а также шеф штаба Ян Крупа ("Зак"). Пленные укрывались во многих селах повята, например в Романовце и Зaborечно. Некоторые советские солдаты находились в отрядах БХ.

В Пулавском повяте с пленными, заключенными в лагерях в Демблине, Наленчове и Понятовой, по приказу командира местных подразделений БХ Степана Родака ("Роли") были установлены контакты отдельных громадских постов БХ. В ноябре 1941 г. из колонны, приближавшейся к лагерю в Понятовой, удалось убежать 17 пленным, о которых стал заботиться Станислав Седлский ("Сыiba"), председатель организации "Рох" в гмине Вонцольница. Эти пленные содержались в домах беховцев окрестных сел, а затем вместе с беховцами создали партизанский отряд. Советский офицер принял участие в акции уничтожения поезда под Голембом 12 сентября 1943 г. В Осинах весной 1942 г. у солдата БХ Мечислава Глуски

("Хурагана") длительное время укрывались советские солдаты, которым Стефан Родак вручил компас, карту и объяснил, как добраться до восточных территорий. В гмине Баранув действовал партизанский отряд, состоявший из советских пленных под командованием Николая Парамонова. Очень большую помощь убежавшим пленным оказывала беховская семья Кенсиков из села Дембы в гмине Курув.¹⁴

На краковской и жешовской землях акции укрытия пленных и оказания им помощи организовывались в самых разнообразных формах. В горлицком округе заботу о пленных взяло на себя повятское руководство КП "Рох" во главе с Людвиком Душей ("Галонской"). В Рыманове, в Саноцком повяте возник гражданский комитет, которыйставил перед собой задачи оказания помощи советским пленным. Комитет действовал в течение всего времени существования там лагеря. Собранное для его узников продовольствие доставляли гражданские лица, работавшие на территории лагеря. Определенная часть пленных трудилась в частных хозяйствах, где их кормили и посыпали через них продовольствие тем, которые постоянно находились за колючей проволокой.

В селе Базанувка солдаты ЕХ Тадеуш Жилко, Ян Кендзёр, Якуб Войцик, а также комендант поста "Сосна" обеспечивали в течение длительного времени убежище советским пленным. На территории Ясельского повята акцией помощи руководила Станислава Лесяк – комендант Зеленого креста, а также Ян Капла, Роман Фарбара и Владислав Урбан из Вакиц. Главная база по оказанию помощи беглецам находилась в селе Шебия, где им помогали Анна Виняк, Владислава Дубель³ембова, Тадеуш и Михалина Ружицкие, Михал Важелек, Эмилия Краузо, Зофия Фортuna, Ян Магдаленяк, Юзеф Опёла, Павел Дубель, а также из села Сондкова, где собирали продовольствие и доставляли в лагерь, Иоанна и Ян Бербажи, Францишек Вуйцик, Владислав Хан, Тадеуш Поляк, Эмилия Поляк, Юзеф Земек, Мария Кобак и Станислав Ордына. Пленных укрывали Антон Шерлаг из Берувки, Ян Фабер из Потакувки, Владислав Лесяк из Сондковой.¹⁵

В округе Новы Сонч повятоное руководство КП "Рох" и командование округа организовали конспиративный госпиталь в селе Блуголенга-Съверкля, где находились также раненые советские солдаты. В создании госпиталя активно участвовал командир отряда БХ Мечислав Холева ("Юбас"). Пленным помогали семьи Гарндарчиков, Хебдов, Рудников, Платов, Собчиков и другие. Санитарную опеку в госпитале осуществляли женщины - члены КМС и сестры Зеленого креста.

В Мишленецком повяте укрыванием советских солдат занималось много членов людовского движения и солдат БХ, среди них Франтишек Бедрава - член повятоного руководства "Роха" и Яцек Пивоварчик. На территории Кольбушевского повята помочь советским пленным координировалась Станиславом Косёровским ("Зажыцким") - председателем повятоной организации "Роха". По его распоряжению отдельные территориальные ячейки КП "Рох" и отряды БХ осуществляли санитарную помощь пленным и сбор для них продовольствия. Особой заботой были окружены убежавшие из лагеря в Майдане Крулевским. Они предпоручались заботе специальных отрядов БХ и размещались в селах Смолас, Идзиковец, Островы Бараповске, Островы Тушевске, Коморув, Ягодник и Контник. Советские офицеры проводили обучение солдат БХ. Это сотрудничество нашло полное одобрение руководства КП "Рох" и командования УГ округа в Кракове. Нарцыз Вятр ("Звойна") - комендант УГ округа лично побуждал солдат БХ из Кольбушевского повята расширять формы помощи советским пленным. В оказании помощи принимало участие много семей людовцев.

В IX округе БХ, охватывающем территорию восточной Малой Польши, в оказании помощи советским военнопленным выделялся партизанский отряд из Хулковского повята под командованием Бронислава Каличака. В Кауском повяте помочь советским отрядам и содействие им организовывал Юзеф Москаль ("Стойя") - комендант Станиславовского подокруга БХ. Советские солдаты-военнопленные вливались в создававшиеся БХ отряды самообороны населения на Волыне, они были союзниками в борьбе с немцами и украинскими националистами. Оп-

рировавшие на территории Волыни сильные советские партизанские отряды эффективно поддерживали польскую самообороны. Показательный пример этого – оборона польских сел Штебраже и Паньска Долина. В львовском повяте гминные и громадские подразделения БХ организовывали помощь советским пленным, убегавшим во время их транспортировки. В селе Пикуловице большую активность проявлял Юзеф Болибуж – организатор БХ в этом регионе. Пленных принимали также в других селах этого повята – Зарембах, Орлавянах, Войславицах, Глинках, Еартшевинах, Вульце Миляковской, Елевёве, Хуце и Хуциске.

Близкие контакты с советскими пленными, содержавшимися в лагере в Бариче козецкого повята, установили крестьяне и людовцы из ближайших сел: Рогув, Дышув, Дзядек и Кочвара. Они доставляли пленным продовольствие и теплую одежду при посредничестве возниц, вывозивших из лагеря трупы. Убежавшие пленные сражались в специальном отряде БХ Юзефа Мадея ("Ежи") и партизанском отряде Антони Пивоварчика ("Васовича"). В соседнем опочинском повяте убежавших в июле 1944 г. пленных взял под свою опеку специальный отряд БХ Михаила Кваписа ("Дэмба") из села Дронжно.¹⁷ Пленных разместили у местных крестьян: Антони Ярка, Леона Прушика, Казимежа Ткачика, Мариана Шабли, Томаша Влесимьского, Антона Красовского, Валерии Корыцкой, Станиславы Чурманьской, Яна Ткачика, Яна Новака и Петра Щегульского. Пленные находились в селе до 17 января 1945 г., никто не выдал их места нахождения.

В опочинском округе в октябре 1944 г. немцы пригнали советских пленных на строительство укреплений вдоль реки Джевички. Лагерь для них устроили в Илизнамеровицах, где многие умерли от недоедания. По инициативе беховцев села Дронжно, находившихся под командованием М.Кваписа ("Дэмба"), к комендантству лагеря отправилась делегация крестьян с тем, чтобы он согласился на передачу пленным продовольствия. В состав делегации входило два члена БХ: солтыс Валенты Нийчик ("Грохин"), Станислав Новак ("Сылва").

Комендант согласился, поскольку был заинтересован в том, чтобы пленные были в хорошей физической кондиции и способны к выполнению земляных фортификационных работ. В течение трех месяцев около 150 пленных получали горячий суп. Бежовцы добывали продовольствие на мельницах, молочнoperерабатывающих предприятиях и усадьбах, находившихся под наблюдением немцев. В конце войны, когда гитлеровцы из-за нехватки рабочей силы использовали советских пленных на разных фортификационных работах, сельское население старалось создать для них возможность побега или организовать им неотложную помощь.¹⁸

На лодзинской земле большой активностью в оказании помощи советским людям выделялся отряд БХ под командованием Александра Осталовского ("Окно"), действовавшего в районе села Вельгомльни в радомском повяте.

В середине 1944 г. в гмине Русец лаского повята немцы поместили группу советских пленных в лагерь в Воле Войзовой. Пленные, помимо прочего, использовались при ремонте линий телеграфа на трассе Осякув-Щерцув. Местные крестьяне – Чеслав Микусь, Болеслав Фрысяк и Ян Вална использовали разные возможности и неоднократно передавали пленным продовольствие и одежду, главным образом рукавицы и куски материи для обертывания ног.

В районе Познани руководство БХ поручило всем своим подчиненным оказывать убежавшим советским пленным максимальную помощь – предоставлять убежища и продовольствия а также перевоз с места на место. Например, в рамках этой акции Войцех Моцек из Бильчева в повяте Острув Велькопольский снабжал убежавших пленных одеждой и продовольствием, а Теодозия Чемпинская спасла жизнь пленному, укрывая его у себя.

На Mazowsze укрывание пленных, как свидетельствует исследователь истории этого региона Казимеж Пшибыши, имело место во всех повятых, подчиненных командованию II округа БХ. После организации лагеря военнопленных в Гуре Кальварии, люди создали возможность побега большои

группы советских пленных, которые были перевезены на лодке через Вислу и законспирированы в домах людовцев гмины Варшавице округа Гарволин. Гарволинские людовцы переправили их в район Люблина, где они вступили в советские отряды.

В варшавском повяте в донесениях отмечаются многочисленные факты укрывания советских солдат в домах людовцев. Комендант повята Зенон Марчак и его брат укрывали двух пленных, которым они доставили документы. Пленные также укрывались у беховца Яна Селиги в селе Згожала. В гмине Ожарув советские пленные прятались в домах Болеслава Петровского, Стефана Адамского, Станислава Ореза и Вавжиньца Паменты в Вежбне, и Владимира Пашенки в Залесе.

Советские пленные находились также у людовцев в Годзинаве в скерневецком повяте, а также в повяте Лович, где 18 из них нашли укрытие в доме Яна Колодзейчика в Торешине, а также у Яна Дзежка в Шиманове.

В хозяйстве Яна Сыентека в Илове лечилось десять русских, раненых во время партизанской акции в Люблинском регионе. Продовольствие и лекарства им доставляли крестьяне из окрестных сел. В то же время секретарь гмины Велгос людовец Чеслав Орловский выдавал крестьянам квитанции за поставленных ими свиней, которые вместо обязательных поставок немцам предоставлялись для содержания русских раненых. Советские пленные укрывались у людовцев в селе Лидвинов. Они находились в домах Хонората Йрек, Болеслава Доманьского и других. Один из пленных – Олег Петров из Москвы прятался в этом селе около шести месяцев, одновременно командуя партизанским отрядом, действовавшим в южной части повята.

Людовцы гарволинского округа организовали систематически функционировавший канал переброски советских пленных в люблинские леса. В этой акции они сотрудничали с командованием IX варшавского полка, которое организовывало побеги пленных из лагерей, расположенных в предместьях Варшавы, направляя их затем в район Гарволина. В Люблин-

кий регион переправляли также русских, которым удалось бежать из лагеря в Демблине. Часть из них добралась до советского партизанского отряда Алексея Павловича Серафимова, действовавшего в этом районе. О размахе и величине акции помочь свидетельствует тот факт, что к ней были причастны также солдаты ГЛ-АД, которые ранее установили контакты с советскими пленными.

В северной Мазовии, где по причине включения этих территорий в состав Рейха было необычайно трудно оказывать помощь нуждавшимся в ней, мы также находим примеры укрытия пленных. Они находили помощь в селах в районе Пласныска, Пултуска, а прежде всего в повяте Млава, где укрывались в селах Белавы, Розвозе, Носажево и Шреневск; в ¹⁹погощком повяте – в Виннице, Унейеве, Гжехове и Кускове.

На белостоцкой земле крестьянское движение сопротивления с момента начала своей организованной деятельности также развило разные формы помощи убежавшим пленным и сотрудничества с создавшимися партизанскими отрядами. В районе села Монек помощь советским людям организовывал Чеслав Зноско, Аполинарий Василевский ("Роля"), Антоний Войтак ("Вуй"), а также А.Гончарский – шеф связи местной ячейки БХ. Хорошо развивалось сотрудничество БХ с советскими партизанскими отрядами на территории Августовской Пущи. Его осуществляли командиры отрядов БХ Еронислав Бондзюк ("Еронек") и Стебан Юромадзкий ("Бобжан") из Есёнова. На территории повята Нельска Подляске акцию помощи советским пленным организовывал Юзеф Петшак ("Ян Невядомский") – комендант этого повята. Активную помощь советским пленным и партизанам оказывали беженцы из Бобженева в белостоцком повяте. Это сотрудничество распространялось на территорию Пущи Кнышинской, где действовали советские партизанские отряды. Можно привести много примеров самоопожертвования людей и крестьян в этом районе. Вот один из них: Гже�от Твардовский из села Харбасы в повяте Семятыче спас жизнь семи советским офицерам, убежавшим из ла-

геря в Седльцах, перевез их через Буг за несколько часов до немецкой поисковой акции. Подобным образом поступил Владыслав Каровяк из Руды Институтовой зимой 1941 г., доставив к Бугу и переправив через реку двух пленных.²⁰ Отряды ЕХ нападали на транспорты, лагери и другие объекты, в которых содержались советские пленные, спасая их от лагерной геенны. Беховские акции имели место на территории всей страны и начались уже осенью 1941 г. Например, 25 октября 1941 г. в 23 часа 30 мин. специальный отряд ЕХ, располагавшийся в Россони округа Бяла Подляска под командованием Францишека Базгажевского ("Влучеги") осуществил нападение на лагерь для советских военно-пленных, находившийся на железнодорожной станции Бяла Подляска. Для патруля ЕХ с помощью ножниц вызвали короткое замыкание, а затем перерезали проволоку. Пленные, не обращая внимания на опасность, всей массой бросились на ограждение. Немецкие пулеметы из охранных будок начали обстреливать пленных. Беховцы в целях защиты убегавших открыли огонь. Партизаны отступили без потерь, раненым и больным пленным оказало помощь местное население.

Летом 1942 г. специальный отряд ЕХ Антони Облоя ("Отто") из Бжезовского повята атаковал немецкую охрану, состоявшую из солдат СС, которые надзирали за работой группы советских пленных на щоссе около Кросно. В суматохе более десяти пленных убежало, а 15 отступили вместе с отрядом ЕХ. Часть ушла в яновские леса, оставшиеся влились в отряд ЕХ. В декабре 1942 г. специальный отряд ЕХ Якуби Антонюка ("Съятовида") из округа Белосток оказал помощь пятерым пленным в побеге из железнодорожного транспорта.

Акции освобождения пленных продолжались весь период оккупации и активизировались в 1944 г. 20 мая 1944 г. 18 солдат ЕХ из постов Грабанув и Вильчина округа Бяла Подляска под командованием Антони Мумелята атаковали немцев, охранявших 62 советских пленных на железнодорожной колее. Немцы были заняты и разоружены. Освобожденных

пленных переправили в лес Пустошь и передали под опеку школы подхорунжих БХ. А после того, как их накормили и с ними разобрались,²² они были отправлены в советские партизанские отряды.

Смелую акцию освобождения пленных предприняли 14 июня 1944 г. партизанские отряды БХ Юзефа Абрамчика ("Томаш") и АК Казимежа Александровича ("Хурагана"). Они атаковали имение, находившееся под немецким управлением в Поличне, где находился лагерь советских пленных. Акцией командовал офицер БХ Владислав Моленда ("Ораб"). Ошеломить противника не удалось. Началась драматическая борьба, в которой отряд БХ захватил караульное помещение и овладел бараком с 80 советскими пленными. Более десяти немцев и власовцев, составлявших охрану лагеря, было убито. Однако не удалось захватить хорошо укрепленного дворца в несколько этажей. Все захваченное оружие было передано освобожденным советским пленным.²³

В результате дерзких акций солдаты БХ освободили более 350 русских пленных, которые затем набирались сил и готовились к дальнейшей борьбе с оккупантами. Вначале они находились в отрядах БХ, а позднее в соответствии с их желаниями пересылались в отряды ГЛ-АЛ и советские партизанские отряды.

В келецком регионе в 1943–1944 гг. имели место три случая, когда с помощью беховцев более 400 солдат остатков, состоявших из бывших советских пленных, дезертировало с немецкой службы и перешло на сторону движения сопротивления. 340 солдат остатков временно находилось в партизанской группировке БХ "Осъка" и принимало участие в боях с немцами. Кроме прочих, выделяется отряд, состоявший из грузин, и рота лейтенанта Арапова.²⁴

Людовцы и крестьяне активно участвовали в создании, оснащении оружием и снабжении продовольствием советских партизанских отрядов. Одним из первых был отряд, возникший при участии седлецких беховцев под командованием Игоря Болеславского. Одним из партизан этого отряда был Владимир

Бозунов, вылеченный председателем КСЖ Вандой Остас из Мокбод. Прощаясь с ней, он сказал: "Добрая Ванда, я не могу поблагодарить тебя так, как ты заслужила. Фактом, что мы здоровы, живем и похожи на людей - мы обязаны тебе и тем, кто тебе помогал. Никто из нас и наших семей, если к ним когда-нибудь вернемся, этого не забудет. Мы всегда будем вас всех так тепло вспоминать, как тепло и бескорыстно вы заботились о нас, подвергая себя и свои семьи самой большой опасности. Дружбу между нами никто не ослабит...".²⁵

Свообразной сенсацией в польском движении сопротивления было существование партизанской республики в уроцище "Ята" в луковских лесах. Недоступные леса великолепно подходили для создания в них партизанских отрядов. Там располагались советские партизанские отряды, подчинявшиеся ГЛ, отряды АК и ПОВ. Последние имели в Яте собственные офицерские школы. Между разными организациями не было никаких конфликтов. Врагу ни разу не удалось застать врасплох расположавшихся там партизан.²⁶

С момента возникновения первых специальных и партизанских отрядов БХ в их рядах вступили в борьбу с немцами советские партизаны. Практически они были в большинстве партизанских отрядов БХ. В течение долгого времени в первой кадровой роте БХ находился отряд им. Щорса под командованием капитана Василия Володина; советские партизаны сражались в отрядах БХ Антони Брубеля ("Антона-Бужи"), Яна Кендры ("Глыскавиць") из Замостья, Юзефа Вильчика ("Клеца") региона Люблина, в отряде БОЛ ("Сабляк") под командованием Казимежа Вонтрубского ("Сэмпа"), Зигнега Поповыча ("Ватры"), Мечислава Холевы ("Лхаса"), Яна Баньки ("Ммотека"), Станислава Ордика ("Черника") в районе Жешова, Тадеуша Ендруха ("Рышарда") из маховского округа. Бывшие пленные сражались также в нескольких отрядах БХ в Келецком регионе: в упомянутой партизанской группировке "Осъка", отряде Юзефа Абрамчика ("Томаша"), Антони Пивоварчика ("Петра"), Бугеншута Сонфера ("Напрота"), Юзефа Масльянки, Мечислава Гурки, Юзефа Сигета. На лодзинской земле и Мазовии убежавшие пленные из-

ходились в отрядах Александра Осталовского ("Оконя"), Зигмунта Голяньского ("Боруты"), Яна Влодарчика ("Влохатого"). Многочисленные пленные помогали в осуществлении диверсионных акций специальных отрядов БХ: Болеслава Кукулки ("Януша"), Владислава Майки ("Цукера"), Феликса Курны ("Радецкого"), Юзефа Бугайского ("Лиса"), Юзефа Мадейя ("Ежи"), Станислава Грэня ("Валэнча"), Владислава Пастернака и др. Ряд советских солдат был включен во взводы и роты и тактические отряды БХ. Они выполняли там функции инструкторов боевой подготовки, обращения с оружием. Особенно ценились врачи, которые вместе с Крестьянским Союзом женщин организовывали медицинское обслуживание. Всего в партизанских и специальных отрядах БХ сражалось около 700 советских солдат — бывших военнопленных. Они составляли 21% от общего числа солдат БХ.

Отдельной темой является сотрудничество БХ с советскими партизанскими отрядами, создававшимися бывшими военнопленными, а также о теми боевыми единицами, которые непосредственно подчинялись советскому партизанскому штабу в г. Ровно на Украине. Сотрудничество с советскими партизанами можно разделить на три разных периода. В первом были контакты с советскими разведывательными группами, проникавшими до июня 1941 г. через демаркационную линию и собиравшими информацию о немецких частях. Главным образом это касалось территории люблиńskiego, белостоцкого и варшавского воеводств. Советским группам предоставляли помощь и информацию. Во втором периоде — в 1942–1943 гг. — доминировали формы помощи и сотрудничества БХ с советскими партизанскими отрядами, создававшимися бывшими военнопленными, в третьем периоде — 1944–1945 гг. — выделялось вооруженное сотрудничество БХ с советскими десантными группами, I Украинской партизанской дивизией и другими боевыми подразделениями, переброшенными на оккупированную территорию Польши из Советского Союза.

Представленные Войцеху Саловскому документы в советских архивах о вооруженном сотрудничестве советских парти-

зан с польскими организациями движения сопротивления дают особенно высокую оценку боевой эффективности, хорошей организации, приспособленной к разным формам совместного действия. Помощь убежавшим из лагеря советским пленным была залогом их сотрудничества с БХ.²⁷ Это особенно проявилось во время выселения польского населения на Замостье в 1942–43 гг. Находившийся в 1942 г. в лесу в окрестностях Звежинца советский отряд капитана Василия Володина, который опекался Замойской комендатурой БХ, направился на место концентрации отрядов БХ в лесах Грабина и там вошел в подчинение командиру I кадровой роты поручику Ежи Мара (Мэйеру "Вису").

30 декабря 1942 г. в лесу под селом Войда 130 солдат БХ и 37 советских партизан впервые вступили в схватку на польских землях с немецкими полицейскими батальонами жандармерии, насчитывавшими 350 человек и поддерживаемыми немецкими колонистами. Все немецкие атаки на партизанские позиции были отражены. Этому способствовали два тяжелых пулемета, бывших на вооружении советского отряда. После боя, продолжавшегося целый день, взводы БХ и советский отряд разошлись в разных направлениях из района окружения. Во время сражения немцы понесли существенные потери, достигавшие 20 убитых и 30 раненых. I рота потеряла шесть человек убитыми и 30 ранеными. Погибли также два советских партизана: один – Петр Давиденко, а фамилия второго погибшего не установлена.

После сражения немцы временно прекратили выселение. Отряд Володина, как следует из рапорта "Виса", находился в распоряжении БХ до середины февраля 1943 г.²⁸ Почему он не принял участия в знаменитом сражении под Зaborечио? К сожалению, мы не можем дать однозначного ответа. Возможно, он располагался слишком далеко от места сражения, может быть, он считался резервом БХ на случай необходимости дальнейших столкновений. Но, возможно, были другие причины политического характера – командующий силами, огруппированными под Зaborечио, майор Франтишек Бартоло-

мович ("Гимот") встретился с различными трудностями уже во время объявления военного положения на территории, которой угрожали немцы. В кругах, недружественных БХ, его обвинили в симпатиях к коммунизму, в желании по этой причине разжечь восстание. Использование советских партизан могло быть для Бартоломовича по этим причинам очень затруднительным. Тем не менее в бою под Заборечно приняло участие несколько советских солдат, которые сражались в ротах БХ.

В районах Люблинна беховцы предприняли акции, целью которых было снабжение продовольствием советских отрядов. Например, 15 июня 1943 г. специальный отряд БХ из гмины Стычны в округе Лубартув в составе 10 партизан под командованием Юзефа Гагника ("Граната") осуществил акцию против немецкого хозяйства в Завелжице. Забрали крупный рогатый скот и коней. Часть крупного рогатого скота была передана советскому отряду, а взамен получено несколько единиц оружия. В 1944 г. сотрудничество БХ с советскими партизанами приобрело новый размах, произошло значительное обогащение и расширение форм сотрудничества. На польские земли в связи с этим начали проникать многочисленные советские партизанские отряды, все большую активность также проявляли советские разведывательные группы, сбрасывавшиеся на парашютах в различные регионы Польши.

Беховские отряды люблинского округа активно вступали в сотрудничество с советскими партизанскими группами в первой половине 1944 г. Прежде всего они предоставляли русским проводников по незнакомой им территории, а также снабжали их продовольствием (часто за получаемое оружие), особенно в округах Томашув, Былгорай, Замостье, Хелм и Краснистав.

В ночь с II на 12 февраля 1944 г. в район Пущи Сольской пробилась I Украинская партизанская дивизия им. Сидора Ковпака под командованием подполковника Петра Вертиго-ры. На длительное время разбив бивак, они задержались в селе Боровец билгорайского повята, а также побывав в со-

седних местностях. В ближайшем соседстве разбили бивак отряды Яна Кендря ("Блыскавицы"), Антона Врубеля ("Буки"). 12 февраля "Бужа" и "Блыскавица" добрались до командования первой УПД и предложили подполковнику Вершигоре действовать совместно. 18 февраля первая УПД двинулась из Боровца, а с ней в качестве проводника отряд "Блыскавицы", затем группа БХ "Бядовского" из Бискупца. Отряд "Блыскавицы" до 10 марта принимал участие в боях первой УПД и в Антоновке - гмина Высоке повята Красныстав - он попрощался ^{под} ~~с~~ полковником Вершигорой. С пополненным вооружением группы БХ двинулись к тому месту, где были разбиты их биваки.

С первой УПД тесно сотрудничал отряд Болеслава Кукелки ("Януша Бандарма") из округа Красныстав. Этот последний имел ставку в Вирковицах, в которой очень часто бывали командиры советских отрядов: Рудановский, Соколов, Самков, Хмельницкий, Железняк и другие. Итогом этого сотрудничества были многочисленные акции на железной дороге. Они стали возможными во многом благодаря поддержке жителей Вирковиц. Именно это село предоставило жилье, питание, заботилось о раненых и больных. Оно никогда не отказывало в поддержке нуждающимся, хотя за это подвергалось карательным акциям три раза - в сентябре 1943 г., а также в январе и мае 1944 г. В замойском повяте большинству советских партизан хорошо было известно село Вишеники. Здесь советские люди неоднократно находили помощь. За это гостеприимство село заплатило высокую цену - троекратно подвергалось карательным акциям, многие из его жителей были вывезены в концентрационный лагерь в Майданеке.

Важным районом сотрудничества советских партизан с БХ были Малая Польша и Силезия. В повяте Ниско беховцы взаимодействовали с отрядом им. Семена Буденного. Прежде всего они облегчили советским партизанам выход из окружения после боя в селе Курылувка и окружили заботой раненых. Они также установили контакты с советскими разведчиками-парашютистами, сброшенными в нижаньские леса с заданием обнаружения отряда им. Буденного, который из-за поломки

радиостанции не мог установить связь с Украинским партизанским штабом. В обнаружении этого отряда помогли солдаты БХ из окрестностей Куркувки²⁹, а также боевая группа Франтишека Буляка ("Доброго").

Особенно результативное сотрудничество с советскими группами в Силезии осуществлял командир партизанского отряда БХ "Чантория" из олешинского округа Казимеж Фаруга ("Юр"). Под его опекой оказались советские разведывательные группы. Например, 15 июня 1944 г. партизанский отряд "Чантория" и несколько советских солдат из группы минеров взорвали железнодорожные пути на Коницко-Гогумильской магистрали в окрестностях Яблонкова. Результатом этой акции стал длительный перерыв в работе транспортных коммуникаций. После еще неоднократно наносился ущерб транспорту врага. В январе 1945 г. солдаты "Чантории" сошли с гор и сражались вместе с советскими войсками во время освобождения повята.³⁰

В Келецком регионе сотрудничество БХ с советскими партизанскими отрядами не приобрело широких размеров. Здесь, однако, имели место совместные боевые акции, а кроме того, беховцы предоставляли русским ценную разведывательную информацию и оказывали им продовольственную помощь. В ответ советские партизаны давали беховским отрядам оружие.

В регионе Белостока первые реальные советские партизанские отряды появились в начале 1942 г. БХ тогда не наладили с ними сотрудничества, поскольку они находились в стадии организации. Лишь в последние годы оккупации некоторые группы БХ предприняли сотрудничество с советскими партизанами. Здесь также осуществлялась разведка для потребностей советских отрядов, предоставлялось им продовольствие и медико. Известно, что со стороны БХ такое сотрудничество предприняли отряды, которыми командовали Владимир Пич и Игнаци Альбертский (округ Аугустов), Еугенiusz Buczyk (Грайено), Юзеф Олейницкий (Бельск Подляски), а также Юзеф Миклович (Сокулка).³¹

На территориях за Бугом сотрудничество БХ с советскими партизанами носило очень специфический характер. Людовцы искали среди советских партизан поддержку в обороне против террористической деятельности украинских националистов. Польские базы самообороны часто могли продержаться благодаря помощи советских отрядов.

§ 3. Месть оккупантов жителям польского села за помощь советским воинам и сотрудничество с ними

Источники зачехатлели многочисленные примеры героического поведения представителей польского общества в акциях спасения пленных, имеются также данные, свидетельствующие об огромных потерях, ставших результатом предоставления помощи заключенным в лагерях. Польское село особенно сильно расплачивалось за такое к нему отношение, часто ценой самой высокой. Однако мы не располагаем полными сводными данными материальных потерь и человеческих жизней в этой сфере. За оказание помощи пленным, особенно убежавшим из лагеря, немцы проводили в селах многократные карательные акции, связанные с массовыми убийствами жителей, выселением крестьян из их домов и отправлением в концентрационные лагеря.

Вот несколько характерных примеров гитлеровского варварства. Одной из первых жертв была сельская женщина. Уже 24 июня 1941 г. в Остробе Мазовецкой Розалия Кацкиньская родом из села Орло за то, что она дала советскому пленному хлеба, была заколота штыком конвоирующего пленных немецкого солдата. В ноябре 1941 г. произошли первые репрессии в отношении населения тех сел, в которых были обнаружены убежавшие пленные. Принцип коллективной ответственности применялся в селе Хмельник повята Соколув Подляски. За укравшие двух советских пленных население было немедленно выселено без права возвращения в свои дома и хозяйства. Часть жителей поместили в карательный лагерь Требличка I,

а сына хозяина, у которого укрывались советские пленные, посадили в тюрьму на Павяко. Во всем соколовском повяте за оказание помощи преследовавшимся оккупантами евреям и советским пленным было расстреляно более 300 человек. Подобная волна репрессий коснулась в марте 1943 г. северных гмин венгровского повята: Садовна, Сточек и Ложув, где было убито около 100 человек.³²

29 октября 1942 г. эскадрон конной полиции СС совершил карательное нападение на село Хусинку повята Бяла Подляска, убито 59 человек.³³ Два раза за оказание помощи советским пленным подвергалось карательным наездам село Калишув. В ноябре 1942 г. полиция убила 19 его жителей и несколько пленных, укрывавшихся в Калишуве или пришедшем из ближайшего леса за продовольствием. Вторая карательная акция, сопровождавшаяся выселением всех жителей села, произошла 23 января 1943 г. В лагерь в Тракавниках около Люблинца было вывезено 82 человека. Женщинам, детям и старикам запретили возвращаться в Калишув. Из 70 крестьянских дворов в 1944 г. осталась только половина.³⁴ Можно привести много подобных примеров, поскольку репрессии продолжались весь период оккупации: 2 января 1944 г. немцы за оказание помощи пленным осуществили карательную акцию в селе Засиново, сожгли 15 домов. В доме Виктории и Стефании Сапчук в Рогонежице повята Радзинь Подляски немцы схватили пленного, все были расстреляны перед домами. Семья Владислава и Францишки Игнацяков в Дзенцёдах повята Седльце в течение двух лет укрывала русского Николая. В конце 1942 г. немцы за укрывание пленного убили Владислава Игнацяка. Жену и детей оставили в живых. Николай и далее был частым гостем вдовы, раздобыл оружие и создал боевую группу. Драма семьи Игнацяков продолжилась в середине июля 1943 г. Немецкая карательная экспедиция ранним утром окружила село (Николай покинул село вечером). Всех согнали к дому солтиса. На месте расстреляли Францишку Игнацюк, братьев ее мужа — Яна, Винцента, а также ее двоюродного брата Станислава.

Эти варварские репрессии, охватившие более 100 сел и несколько сотен их жителей, не сломили воли и глубокой веры в необходимость такой помощи. Карапельные экспедиции были осуществлены 24 июля и 3 августа 1943 г. в селах Кисилев Хлобчин, Сарники, где за оказание помощи пленным было расстреляно всего 24 человека. Жестокие репрессии коснулись 12 июля 1943 г. сел Рускув, Хрущев и Токари. Был ликвидирован сильный центр людового движения, на месте убито 13 человек, около 30 вывезено в концентрационные лагеря, а также на принудительные работы в Рейх. Эти карапельные набеги преследовали цель при помощи страха заставить селян отказаться от помощи советским людям.

Повторяющиеся карапельные экспедиции в села заставляли советских пленных и людей, оказывавших им помощь, проявлять величайшую осторожность. Если в первом месяце после агрессии Германии против СССР схваченных убежавших пленных немцы расстреливали, то позднее, в 1942-43 гг., их чаще всего жестоко пытали с тем, чтобы получить информацию об оказывавших им помощь. Так, например, в селе Рогозец замучено на копном приводе более 10 пленных, так как они не хотели выдать имен крестьян, предоставлявших им продовольствие. Было однако и много трагедий среди жителей сел. За укрывание одного советского пленного в Савицах-Бронницах в гмине Вырозембы 17 июня 1943 г. жандармерия убила всю семью Савицких, состоявшую из 7 человек. Строения с трупами были сожжены.
³⁵

Для запугивания населения, чтобы оно не оказывало помощи убежавшим пленным, оккупанты падавали много воззваний и распоряжений, грозивших репрессиями. "Если кто узнает о бегстве военнопленного из лагеря, обязан незамедлительно сообщить об этом ближайшему посту германских вооруженных сил или полиции, в противном случае он будет подвергнут наказанию. Также крайне сурово запрещается оказывать пленным помощь в побеге, предоставлять одежду, продовольствие, деньги и убежище. Кто игнорирует это распоряжение, подвергается самому суровому наказанию. Обязанностью

господ войтов является забота о том, чтобы жители их гмин самым тщательным образом выполняли эти предписания, поскольку господа войты несут ответственность за благополучие своих гмин, а также их жителей, а нарушение вышеуказанного распоряжения влечет за собой последствия в виде наказания не только для конкретных провинившихся, но также и негативные последствия для гмины³⁶. Это были не пустые угрозы. За укрывание советских пленных и оказание им помощи в селе Рогожница радзыньского повята была убита Стефания Либчак и ее дочь Хенрика³⁷. Анаэля Халдась из села Островы Барановске была расстреляна вместе с капитаном Василем Новиковым во время немецкой карательной акции. Командир взвода БХ в Вильчей Воли – в его квартире был главный пункт переброски пленных на территорию нижинского повята – был убит в апреле 1944 г.³⁸ 4 января 1944 г. немцы осуществили вторую карательную акцию в селе Засиново радзыньского повята, во время которой погибли три советских партизана вместе с отрядом БХ, защищавшим село³⁹. Комендант Зеленого креста в ясельском повяте Станислава Лесяк чуть не заплатила за организацию помощи пленным своей жизнью. Во время передачи продовольствия в автомобили, которыми перевозились пленные, она была схвачена немцами. Ее избили, привязали к лошади и гнали через села Вавжище, Зимновода до Щебни, после чего повезли автомобилем в Кросну. Ей удалось освободиться в Модерувце благодаря невнимательности немцев, которые пошли в ресторан⁴⁰.

X

X

X

Во время II мировой войны в рядах Батальонов Хлопских сражались и проливали кровь около 700 советских солдат. Они осуществили совместно около 200 различного рода боевых акций. В оказание помощи советским людям было вовлечено несколько тысяч лодовских активистов, солдат БХ, женщин-членов КСИ, жителей сел. Благодаря их патриотической сознательности много тысяч обреченных на уничтожение

было спасено от смерти. Благодаря выдающейся помощи БЧ советские партизанские отряды и разведывательные группы могли четко выполнять свои задания и тем способствовать тому, чтобы борьба с оккупантами была более эффективной. За оказание помощи советским людям жители села платили самую высокую цену - цену собственной жизни. Все эти факты сотрудничества и содействия свидетельствовали о патриотизме и гуманизме всего польского народа, а особенно жителей села, в годы варварской войны, проводившейся гитлеровской Германией.

Примечания

1. Z. Małkowski. Bataliony Chłopskie w strukturze Polski Podziemnej 1939-1945 /w:/ Chłopi w obronie Zamojszczyzny. Sesja popularno-naukowa w 40 rocznicę walk Batalionów Chłopskich. Zamość 2-3 II 1983 pod red. J. Gmitruka i Z. Małkowskiego. Warszawa 1987, s.64-82.
2. Szerzej. K. Przybysz. Chłopi polscy wobec okupacji hitlerowskiej 1939-1945. Zachowania i postawy polityczne. Warszawa 1983.
3. W. Sulewski. Bataliony Chłopskie w świetle wspomnień wywiadowców i partyzantów radzieckich/w:/ "RDzRL" 1973 nr 15, s.125.
4. Ku zwycięstwu, 1941, nr 1 z 1 XI.
5. J. Tobiasz. Na tylach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941-1945. Warszawa 1975.
6. J. Doroszuk, Cz. Remesz, R. Sielski, J. Sroka. Zbrodnie hitlerowskie w regionach bialskopodlaskim 1939-1944. Lublin 1977, s.102-105.
7. AZHRL. E. Fafara. Kronika działalności BCh w gminie Grzegorzewicze i Słupia Nowa. syg. R-III-6/303, s.31.
8. L. Kot. Ucieczka jeńców radzieckich z obozu w Suchorzebrach. "Za wolność i Lud", 1961, nr 9 z IX, s.7-8; Relacja S. z 1970 r. w zbiorach autora.
9. Relacja S. Wyczółkowskiego i A. Jaszcza z 1987 r. w zbiorach autora.
10. Ankiety H. Kiecia, L. Tomaszewskiego, E. Koseły, E. Kocicy z 1987 w zbiorach autora.
11. Ankieta K. Zdunek z 1987 w zbiorach autora.
12. J. Nowak. U źródeł przyjaźni i sojuszu. Konspiracyjny ruch ludowy w akcji pomocy dla obywateli radzieckich w okresie II wojny światowej w świetle relacji i wspomnień /w:/ "RDzRL" 1975 nr 17, s.201.
13. B. Kukiełka. Wspomnienia z 1987 nadesłane na konkurs o BCh w zbiorach ZHRL.
14. Szerzej. S. Rodak. Marszem Podziemnym. Wspomnienia

- komendanta obwodu BCh. Warszawa 1972.
15. Twierdza nam bedzie kazdy pręg. Kobiety ruchu ludowego w walce z hitlerowskim okupantem. Sylwetki, wspomnienia, artykuły. Wybór i opracowanie M.Jedrzejec. Wstęp prof. dr. J.Chałasiński. Warszawa 1987, s.209-212.
16. J.Nowak. U źródeł przyjaźni i sojuszu... s.208-209.
17. J.Gmitruk. Konspiracyjny ruch ludowy na Kielecczyźnie 1939-1945. Warszawa 1985, s.219-220.
18. K.Przybysz. Konspiracyjny ruch ludowy na Mazowszu 1919-1945. Warszawa 1977, s.287.
19. T.Fijałkowski. Pod kryptonimem "Wkra". Wyd. trzecie. Warszawa 1987, s.238-241.
20. W.Karcisak. "Tokary" 1943 r. ... s.7.
21. J.Gmitruk, P.Matusak, J.Nowak. Kalendarium działalności bojowej Batalionów Chłopskich. Warszawa 1983, s.44.
22. Tamże, s.389-390.
23. W.Molenda. Związ i bronia. Współpraca BCh z jeńcami radzieckimi. "Za i Przeciw", 1970, nr 23.
24. J.Sonta. Przerwanie frontu. Kieleccyzna 1944 r. "Panorama", 1965, nr 31, s.6-7.
25. Twierdza nam bedzie kazdy pręg... s.403.
26. S.Lewandowska. Ruch oporu na Podlasiu ..., s.308-313.
27. W.Sulewski. Bataliony Chłopskie w oczach radzieckich partyzantów i wywiadowców /w/: Bataliony Chłopskie w walce o narodowe i społeczne wyzwolenie. Sesja popularno-naukowa w XXX rocznicą bitew pod Wojdą, Zatorecznem i Różą. Lublin, 3-4 II 1973, Warszawa 1975, s.179-184.
28. J.Gmitruk, P.Matusak, W.Wojdyło. Bataliony Chłopskie 1940-1945. Warszawa 1987, s.322-325; Raport "Visa" do KG BCh z 7 II 1943. AZHRL Zbiór M.Szczaśnińskiej materiały nie uporządkowane.
29. I.Zołotar. Przyjaźń wojennych lat. Warszawa 1974, s.297-303; K.Przybysz, A.Wojtas. Bataliony Chłopskie. T.3. O kształt społeczno-polityczny Polski. Warszawa 1986, s.212-215.
30. T.Fijałkowski. Pod kryptonimem "Wkra"... s.238-246.
31. K.Przybysz, A.Wojtas. Bataliony Chłopskie..., s.217.
32. S.Lewandowska. Ruch oporu na Podlasiu 1939-1944. Warszawa, s.240.
33. J.Doroszuk, Cz.Remesz, R.Sielski, J.Sroka. Zbrodnie hitlerowskie w regionach ..., s.102-105.
34. Tamże, s.104-105.
35. Ankiety H.Kiecia, L.Tomaszewskiego, E.Koseły, E.Kołacy...
36. K.Witt. Działalność okupanta hitlerowskiego w powiecie Sokółka Podlaski w latach 1939-1944. Rocznik Małowiecki, 1970, t.III, s.240.
37. J.Nowak. U źródeł przyjaźni i sojuszu. Konspiracyjny ruch ludowy...
38. Tamże, s.204-207.
39. Tamże, s.201.
40. Twierdza nam bedzie kazdy pręg...

В.С.ПАРСАДАНОВА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНВЕНЦИИ О ВОЕННОПЛЕННЫХ И

ИНТЕРНИРОВАННЫХ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наши польские коллеги рассказали об ужасающем положении советских военнопленных и интернированных, оказавшихся в лагерях на их оккупированной нацистами территории во время второй мировой войны. Мне хотелось бы продолжить тему о военнопленных и интернированных в ином ракурсе. Сопоставить фактическое положение дел в годы второй мировой войны с нормами международного права, с законами и обычаями войны. И рассмотреть эту тему не в теоретико-юридическом, а в историко-прикладном аспекте.

В 1939-1945 гг. были взяты в плен и сдались миллионы людей, десятки тысяч бежали из плена. Более 40 тысяч, в основном бывших военнопленных, участвовало в европейском движении Сопротивления, в том числе около 18 тысяч из них сражалось в польских партизанских отрядах (Гвардии и Армии Людовых, Батальонах Хлопских, в Армии Крайовой). Начнем с исторического экскурса.

Крымская война 1856 г. послужила непосредственным толчком к кодификации законов и обычаев войны. К 1864 г. была создана организация Красного Креста, ее знамя и символы, первый свод законов. Вскоре предпринимается попытка разработки принципов войны на суше (1899 г.). С развитием военной техники прибавились в начале XX века правила войны на воде, где, в частности, закреплялся принцип запрета обстрела суши с моря. В дальнейшем разрабатывались также правила войны в воздухе, в том числе были выдвинуты принципы запрета бомбардировок городов и населенных пунктов с воздуха, защиты гражданских лиц от ужасов войны, кодифицированы взаимоотношения населения с действующей армией, с ее персоналом, пострадавшим в ходе военных операций. Таким образом, уже первый выстрел второй мировой войны, а именно зали I сентября 1939 г. с гитле-

ровского корабля "Шлезвиг-Гольштейн", пришедшего в Данциг (Гданьск) с визитом вежливости, по польской береговой базе Вестерплатте был нарушением одного из "законов войны" - Гаагских конвенций (1907 г.), под которыми стояла и подпись Германии¹.

К началу второй мировой войны существовали четыре конвенции о военнопленных и раненых. Это конвенции 1864, 1905-1906 гг. и конвенция 1929 г., в которую некоторые разделы предыдущих документов были включены как интегральная часть. Конвенцию 1864 г. Россия подписала 10 мая 1867 г. вместе с Великобританией, Голландией, Швецией, Австрией и Турцией. В конечном итоге все европейские страны присоединились к ней. Россия совместно с США была инициатором мирных, как тогда говорили, конференций 1899 и 1907 гг., которые выработали систему 13 конвенций о законах и обычаях войны.

Конвенция "О содержании военнопленных" от 27 июля 1929 г. имела семь разделов, содержащих в общей сложности 81 статью. Эти статьи включали общие положения, трактовали о лагерях военнопленных, об условиях взятия в плен, то есть правах и обязанностях сторон, бытовом минимуме содержания в лагерях, о различиях в содержании рядового и офицерского состава, дисциплине и условиях ее поддержания, о наказаниях и суде, исполнении приговоров, о денежных средствах военнопленных, их трудовом использовании, о запрещении использования военнопленных в военной промышленности и военном строительстве, о сношениях с за границей, освобождении и депатриации после окончания военных действий, о распространении конвенции на определенные категории лиц гражданского населения, а именно тех, кто следовал за армией (журналисты, маркитанты и т.д.), имея на то удостоверения от командования.

Новая конвенция 1929 г. учитывала реалии первой мировой войны, когда впервые в плену оказались достаточно большие массы людей и на доотаточно длительное время. Она не была ратифицирована Советским Союзом. Мотивировалось

это тем, что конвенция, дескать, культивировала национальную и расовую дискриминацию посредством следующего имевшегося в ней положения: "Воюющие стороны по мере возможности избегают соединения в одном лагере разных рас и национальностей". Поднаторевшие в демагогии крючотворы утверждали, что—де это положение противоречит Советской конституции. Приводились и некоторые другие доводы "классового" порядка. Тем не менее на практике после начала второй мировой войны Временное положение о содержании военно-заточенных (интернированных), разработанное в СССР^{*}, отражало основные положения конвенции 1929 г., кроме положения о материальном обеспечении офицерского состава на уровне обеспечения своих войск. Сравнение отчетов инспекторских комиссий Международного Красного Креста 1939–1941 гг. показывает, что не усматривалось принципиальных негативных отклонений от общепризнанных положений по содержанию рядового и офицерского состава в советских лагерях по сравнению с лагерями в западных странах. Жалование военно-заточенным или интернированным офицерам, которое было бы равно оплате офицеров содержателей их державы, не выплачивалось.

* В 1939 г. после отторжения Красной Армией у Польши Западной Украины и Западной Белоруссии органы НКВД интернировали и заключили в лагеря I30242 военнослужащих Вооруженных Сил Польского. Большинство из рядового состава – около 100 тыс. в октябре–ноябре 1939 г. было распущено по домам, депатриировано. Более 14 тыс., однако, оставлено на различных строительных и дорожных работах, около 10 тыс. – в промышленности. Судьба же 15121 человека: офицеров из Козельского (тогда Смоленской, ныне Калужской области) и Старобельского (Ворошиловградской – Луганской области) лагерей и полицейских из Осташковского лагеря трагична. Трупы узников Козельского лагеря (4,4 тыс.) обнаружены в Катынском лесу около Смоленска. Расстреляны они были органами НКВД в апреле–мае 1940 г. Интернированные из Старобельска были увезены к Харькову. Полицейских из Осташкова, очевидно, судило Особое совещание НКВД. Следов их пока не обнаружено. В настоящее время работает комиссия Верховного Суда СССР, которая должна вынести свой приговор по делу об исчезновении (расстреле) интернированных. Подробнее см.: Заявление ТАСС//Известия. 1990. 14 апреля; Парсаданова В.С.К истории катынского дела//Новая и новейшая история. 1990. № 3; она же. Из истории судеб интернированных//Советское следственное ведение. 1990. № 4.

валось и на Западе. Но адъютанты ~~для~~ бывшего командного состава, отдельные помещения, иное, чем у рядового и сержантского состава, снабжение, было и в СССР. Обеспечение культурных запросов составляло предмет непрестанных забот Управления по делам военнопленных и интернированных, созданного 19 сентября 1939 г. в рамках НКВД и администрации лагерей. Что же касается передачи военнопленных и интернированных в ведение ведомства внутренних дел – это также соответствовало практике времени (Великобритания, Франция, Италия и т.д.). Так что в циркулярной ноте от 24 апреля 1942 г. нарком иностранных дел В.М.Молотов имел основания заявить, что, хотя Советский Союз и не ратифицировал конвенцию 1929 г., но на основе взаимности будет применять Гаагские конвенции. При этом, как утверждалось в ноте, некоторые постановления 4-й конвенции (о законах и обычаях войны), касавшиеся содержания военнопленных, СССР соблюдал безоговорочно². Лишь в марте 1955 г. Советское правительство заявило, что признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг. в той мере, в какой они не противоречат Уставу ООН и не были впоследствии изменены или заменены соглашениями, участником которых является Советский Союз (к Женевской конвенции 1949 г. по рассматриваемым вопросам СССР присоединился в феврале 1990 г.).

Слова из упомянутой ноты о желательности взаимности в рассматриваемом вопросе адресовались, конечно, прежде всего фашистской Германии. Но желаемая взаимность была с той стороны весьма относительной. Именно во многом из-за позиции Германии не вступила в силу конвенция о запрещении бомбардировок с воздуха гражданского населения. 1 сентября 1939 г. командование вермахта заявило, что будет уважать все постановления международного права. Но уже 4 сентября последовал приказ о расстреле на месте всех поляков, взятых оружием в руках, далее – распоряжения о ваятии заложников, что противоречило всем конвенциям³. После катастрофического для Красной армии начала войны о

фашистской Германией, когда на территорию Польши было привезено множество советских военнопленных, последовало распоряжение генерал-губернатора Г.Франка о запрещении каких-либо контактов с ними польского населения. Кусок хлеба, переброшенный за колючую проволоку красноармейцам, как о том уже упоминал проф.Доброньский, мог повлечь за собой смерть дающего. Советские военнопленные в гитлеровских лагерях, особенно до 1943 г., были буквально обречены на голодную смерть, и такую смерть нашли на территории Польши от 800 тысяч до 1,5 миллионов наших военнослужащих, оказавшихся в неволе. Всего же гитлеровцы уничтожили до 3,9 млн. советских военнопленных⁴. Инструкция караульной службы фашистской армии 1941 г. гласила: "Военнопленный является врагом Германии, попавшим в наши руки. Отсюда и отношение караульных к военнопленным: строгость, безупречность, сдержанность и чрезвычайная осторожность должны быть основными правилами в обращении с военнопленными. Плохое обращение с военнопленными, то есть без основания на это, противоречит правилам чести немецкого солдата". Главной задачей караульной службы являлось заставлять пленных работать, повышать производительность труда: "Недостаток рабочих рук, - говорилось в упомянутой инструкции, - требует максимальнейшего использования военнопленных в рамках их работоспособности. Поэтому караульные должны действовать энергично, не опасаясь ответственности. В тех случаях, когда это необходимо, следует пускать в ход огнестрельное оружие"⁵.

Одним словом, инструкция караульной службы гитлеровского вермахта не очень-то находилась в ладах с Женевскими конвенциями. И хотя некоторые требования этих конвенций в ней упоминались, к советским военнопленным они никаким образом не применялись.

Преемственность конвенций не допускала создания правового вакуума. Если государство, в данном случае Германия и Россия, присоединились к какой-либо из предшествующих конвенций, они оставались для них действующими. Стা-

тья 25 конвенции 1929 г. гласила, что конвенции должны уважаться при всех обстоятельствах, "в случае, если во время войны один из воюющих не участвовал бы в конвенции, ее постановления тем не менее будут оставаться обязательными во взаимоотношениях всех воюющих, участвующих в ней". Озабочившись этим должны главнокомандующие воюющими армиями (ст.26)⁶. То есть правительство фашистской Германии не имело юридических оснований для преступного отношения к советским военнопленным, с одной стороны, а с другой - персональную ответственность по букве международного закона несли "воющи".

Стоит сказать и о положениях Женевских конвенций, касающихся такой проблемы, как гражданское население и война. Последнюю конвенцию рассматривают как категорию фактическую, а не юридическую. Для уменьшения тягот, связанных с войной, население может быть переселено, отселено, депортировано с театра (или будущего театра) военных действий вглубь страны. Интернируют лиц, подлежащих призыву в данный год, или лиц, которые могут угрожать безопасности государства, задерживаются также уголовные элементы до срока содержания под стражей, определенного им по суду. Однако конвенциями запрещались ссылки без суда или массовые депортации, устанавливался запрет на взятие заложников. Ни гитлеровской Германией, ни сталинским Советским Союзом международные конвенции в этой части не соблюдались.

Еще один аспект Женевских конвенций - население и раненые. Если до 1929 г. говорилось о том, что "каждый раненный, пользующийся уходом в каком-либо доме, будет служить охраной этому дому, а его владельцы освобождаться от воинского постоя и части военных контрибуций", то в конвенции 1929 г. сердобольному населению обещалось "некоторое облегчение" и "особое покровительство". Приказы же Г.Франка, как уже упоминалось, грозили казнью и концлагерем за помощь раненым, укрывательство бежавших военнопленных, узников концлагерей и т.д. Каре смерти подлежали не только те,

кто укрывал, помогал укрывать "бандитов", но и лица, побудившие население к укрывательству. В концлагерь, по распоряжению от 6 января 1943 г., за помощь "бандитам" надлежало отправлять даже детей и подростков⁷. Много поляков оказалось в гитлеровских лагерях под предлогом изоляции от общества потенциальных политических руководителей и организаторов движения сопротивления. К ним нацисты относили интеллигенцию, в том числе ксендзов, а также коммунистов. Только в ходе второй волны арестов, проходившей с июля по ноябрь 1941 г., было арестовано несколько сот коммунистов и членов создававшихся рабоче-крестьянских подпольных организаций. За годы оккупации Польши в различные лагеря и под различными предлогами было вывезено 5 млн. польских граждан, более 3 млн. из них погибло. Всего же фашисты уничтожили около 4,5 млн. граждан Польши.⁸

Особый интерес для исследователей истории освободительного движения в 1939-1945 гг. представляют статьи, которые распространяли действие конвенции не только на армию, но и на милицию и добровольческие части, фактически партизан, если они: 1) имеют во главе лиц, ответственных за свои распоряжения; 2) обладают установленным отличительным знаком, распознаваемым на расстоянии; 3) открыто носят оружие; 4) соотносят свои действия с законами и обычаями войны. Распространялось действие конвенции и на население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно берется за оружие, чтобы сражаться с наступающими войсками, и которое не имеет времени сорганизоваться в соответствии с требованиями статьи I. Оно также должно признаваться воюющей стороной при условии ношения оружия и уважения законов и обычаяев войны.

Вооруженные силы воюющих сторон, таким образом, могут составляться из комбатантов и некомбатантов. При взятии в плен те и другие должны иметь одинаковые права. Не признававшееся в годы войны, но доказавшее свою жизненность это положение конвенции получило дополнительное

подтверждение в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г., когда комбатантами, т.е. лицами, входящими в состав вооруженных сил воюющей стороны, были признаны не только участники организованных движений сопротивления, но и население, стихийно взявшееся за оружие для борьбы с вторгающимися войсками неприятеля. В дополнительном протоколе от 1977 г. комбатантами определены участники национально-освободительных движений, ведущих "борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов".⁹

Конвенции подчеркивали, что с военнопленными надлежит человеческое обхождение. "Меры репрессий в отношении их воспрещаются" (статья 3).

Таким образом, фашистская Германия нагло попирала все международные конвенции, и прежде всего в отношении славянских народов, среди которых немало испытаний выпало и польским, и особенно советским военнопленным. Разгром фашистского блока принес свободу узникам фашистских лагерей, в том числе лагерей для военнопленных. Советским людям предстояло еще пройти фильтрационные лагеря НКВД, но это уже особая тема. Труд же германских военнопленных использовался в странах антигитлеровской коалиции для восстановления военных разрушений как одна из форм reparаций с Германией.

Вторая мировая война, связанная фашистским блоком, стоила более 50 млн. жизней, военные действия и фашистская оккупация привели к огромным материальным потерям: СССР и Польша лишились более трети национального богатства. Идея возмездия фашизму, не только военного, но и политico-юридического, морального, вызревала давно. Оформлена окончательно она была в решениях Потсдамской конференции о предании военных преступников справедливому суду.

Международный военный трибунал заседал в Нюрнберге с ноября 1945 г. до октября 1946 г. Учрежденный соглашением правительств СССР, США, Великобритании и Франции, этот трибунал имел право, по его Уставу¹⁰, судить руководо-

дителей фашистской Германии за преступления против мира, против человечности, за военные преступления, а именно: нарушение законов и обычаяев войны. К этим нарушениям относятся: убийства, истязания, увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства и истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной и частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, неоправданное военной необходимостью, и другие преступления. На предварительном заседании в Лондоне четыре державы решили не допустить искусственного затягивания процесса в результате политических выпадов со стороны защиты. Суд, - говорилось в соответствующем документе, - не будет требовать доказательств общеизвестных фактов. В соответствии с Уставом "трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных наций"^{II}. В ходе заседаний в Нюрнберге были выявлены ошибки и просчеты правительства антигитлеровской коалиции накануне и в ходе войны. Стороны считали, что трибунал должен рассматривать вопрос о преступлениях главных немецких преступников, а не внешнеполитические акции государств коалиции. Поэтому по предложению западных держав было решено не допустить обсуждения определенных вопросов^X.

^X Правительство Великобритании не желало обсуждать период от Мюнхена и до начала второй мировой войны, "стренную войну", события начала века в Африке, англо-бурскую войну и т.д. СССР считал недопустимым говорить о советско-германском пакте от 23 августа 1939 г. и связанных с ним проблемах, в том числе установлении границ, о событиях на Западной Украине и Западной Белоруссии, о советско-польских отношениях. Вопрос о секретном протоколе к договору от 23 августа 1939 г. все-таки впервые всплыл в ходе заседаний трибунала.

Предложение это в Нюрнберге в принципе было выдержано. Военные преступления-нарушения законов и обычаях войны, преступления против человечности трибунал признал тягчайшими международными преступлениями, совершение которых ведет к уголовной ответственности лиц, виновных в этих злодеяниях. Приговор Нюрнбергского суда известен и приведен в исполнение.

Что же касается отношения советского режима к немецким военнопленным, которые содержались как на территории самой поверженной Германии, так и в лагерях на советской земле, то это все пока для исследователей "белое пятно" и требует скрупулезного исследования, изучения документов Управления по делам военнопленных и интернированных, соотнесения имеющихся в них сведений с послевоенной разрухой в победившем Советском государстве.

Примечания

1. Международное право в документах. М., 1982, с.408-435.
2. Дипломатический словарь. т.1, изд.1. М., 1948, с.442.
3. Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. t.2. 1943-1945. Warszawa, 1970, s.341.
4. Гласность. Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989, с.160; Luczak Cz. Od Bismarcka do Hitlera. Połko-niemieckie stosunki gospodarcze. Poznań, 1988, s.366.
5. ЦГУА СССР. Коллекция документов.
6. Там же. Конвенция 1929 г.
7. Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. t.2. 1943-1945. Warszawa, 1970, s.341.
8. Luczak Cz. Ibid., s.355, 366. M.Turlejska // Polityka, 1989, 2.09.
9. Сборник действующих договоров. вып.16, с.71-280; Курс международного права, т.5, с.274-382.
10. В: Полянский Н.Н. Международный военный трибунал. М., 1946, с.42. Приложение: Устав международного военного трибунала.
- II. Там же.

Ф.Г.ЗУЕВ
К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПОЛЬСКОМ
СОПРОТИВЛЕНИИ (1941-1944 гг.)

Нападение нацистской Германии на СССР объективно объединило советский и польский народы в единой антигитлеровской коалиции, способствовало боевому сотрудничеству в борьбе с общим врагом. Несмотря на недавнее противостояние, в т.ч. и вооруженное, в Польше росли симпатии к Красной армии и ее героическому сопротивлению немецко-фашистским захватчикам.

Это время стало, по существу, поворотным моментом в развитии польского Сопротивления. В октябре-ноябре 1941 г. было совершено около 10 тыс. актов саботажа. Порча инструментов увеличилась на 50%. Только в октябре произошло 35 железнодорожных катастроф, застряло 320 военных эшелонов, следовавших на советско-германский фронт. Производительность труда на большинстве предприятий генерал-губернаторства упала в третьем квартале 1941 г. на 30%. Начинается партизанская вооруженная борьба против захватчиков. Именно осенью 1941 г. Казик Дёнбяк создает в районе Бялы Подляски один из первых партизанских отрядов. Из бывших членов распущенной Коминтерном перед войной Компартии Польши и бежавших из фашистского плена советских военнослужащих формируется партизанский отряд в Парчевских лесах. В районе Владьвы оперировал отряд под командованием коммуниста Я.Холода (Кирпичного) и бежавшего из концлагеря советского офицера Ф.Ковалева. В районе Мельника начали вооруженную борьбу с гитлеровцами крестьянские отряды, руководимые левыми людовцами, в которых тоже участвовали советские военнопленные.

Часто задают вопрос: как советские люди оказались в Польше? Здесь прежде всего следует указать на то, что гитлеровцы накануне нападения на СССР, будучи уверенными в катастрофических для Красной армии результатах этого напа-

дения, загодя создали на территории генерал-губернаторства сеть концентрационных лагерей для советских военнопленных. Значительная их часть размещалась в восточных районах Krakовского воеводства и Силезии. К 1941-1942 гг. число конлагерей возросло до 50. Нет необходимости говорить об ужасающих условиях содержания в этих лагерях советских военнопленных, которых оказалось много больше предполагавшегося авторами "блицкрига" количества. Об этом на нашем "Круглом столе" уже шла речь. Можно только подчеркнуть, что все лагеря были буквально забиты нашими соотечественниками, обреченными в значительной своей части на голодную смерть. Инстинкт самосохранения, нежелание покорно дожидаться недалекого своего смертного часа инициировали многочисленные попытки к бегству, оканчивавшиеся нередко трагически, а иногда и успешно для узников. Здесь огромную помощь бежавшим оказывало польское население, что проявлялось и в организации побегов, и в укрытии ушедших от погони (как правило, с угрозой смерти укрывавшим). Вырвавшиеся из плена советские солдаты и офицеры стремились к борьбе с гитлеровцами. Первые их группы появились в восточных районах Krakовского воеводства, а в других районах позднее. Это было связано с географией расположения лагерей.

Бывшие военнослужащие Красной армии сражались как в составе партизанских отрядов, состоявших только из советских граждан, так и в смешанных польско-советских отрядах. За осень 1941-зиму и весну 1942 г. бежавшими из лагерей для военнопленных советскими гражданами было сформировано 32 партизанских отряда и группы, насчитывающих до 1 тыс. человек. Частично они получили оружие, которое было подобрано населением на полях сражений в сентябрьскую кампанию 1939 г. и припрятано, но чаще вооружались захваченным у гитлеровцев.

Интенсификации вооруженной борьбы народа Польши опосредствовало воссоздание коммунистической организации под названием Польской рабочей партии (ПР) и Гвардии людовой

(ГЛ). Первый отряд ГЛ был сформирован под командованием Францишка Зубжицкого ("Малы Франек") в окрестностях Варшавы и между 10-15 мая 1941 г. двумя небольшими группами, в которые входили и три советских военнослужащих, направился в Пётрковские леса.

ППР сразу же оценила важность и необходимость вовлечения в вооруженную борьбу с гитлеровцами советских военнослужащих, особенно офицеров, бежавших из концлагерей. Дело в том, что ППР и ГЛ практически почти не имели подготовленных командных кадров. ППР создала специальные комитеты помощи советским военнопленным. Они устанавливали связь с лагерями, организовывали побеги, оказывали бежавшим всяческую поддержку. Всего на территории Польши из гитлеровских концлагерей бежало около 65 тыс. советских военнопленных. Правда, многие из них вновь попадали в руки нацистов. Но многие сумели связаться с антифашистским подпольем и включиться в борьбу. В годы войны в польском Сопротивлении постоянно насчитывалось 7-8 тыс. советских солдат и офицеров, в т.ч. в ГЛ и АЛ около 6 тыс. человек, остальные в БХ и АК.

Советские бойцы передавали польским товарищам по борьбе военные знания, часто становились командирами отрядов. Это имело, несомненно, не только военное, но и политическое значение. Особый размах партизанское движение приняло на Люблинщине. Здесь образовались два его центра: на севере в Липских лесах и на юге - в Яновских лесах. Через Люблинщину проходили две жизненно важные для гитлеровцев линии железных дорог: Варшава - Луков - Брест и Варшава - Люблин - Ковель. Эти железнодорожные линии стали главным объектом действий советских и польских партизан.

Первыми партизанскими отрядами, возникшими на Люблинщине еще в конце 1941 г., были отряды Ладислава Бучинского и Александра Лигенза. Весной 1942 г. стали активно действовать польско-советские отряды под командованием Михаила Петросянова, Александра Ревокского, Якова Николаева, Федора Ковалева и др. Люблинская область находилась на пер-

вом месте по количеству созданных отрядов ГЛ - 21.

Уже в самом начале развития партизанского движения на Люблинщине выявилась тенденция к объединению партизанских отрядов. Видную роль сыграл здесь отряд Ф. Ковалева. В начале 1942 г. он насчитывал около 100 чел. поляков и советских граждан, бежавших из концлагерей. Ф. Ковалев установил связь с деятелем ППР Яном Холодом, с руководителями БОЛ^X. В январе и феврале 1942 г. к отряду Ковалева примкнули небольшие партизанские группы Михаила Осетинца, Дмитриева, Кубанца, Алмаатинца, Чуваша, а весной - отряд БОЛ. Это объединение было названо первоначально партизанским отрядом им. ген. Бема, а затем им. А. Мицкевича.

В течение 1942 г. в оккупированной Польше было создано 52 партизанских отряда ГЛ. Однако сохранились до конца войны не все из них. 13 отрядов перестали существовать либо в результате разгрома их гитлеровцами, либо вследствие реорганизации, в т.ч. в Варшавской области были ликвидированы 3 отряда, в Люблинской - 6, Радомско-Келецкой - 2, Krakowskoy - 2. Наибольшее количество прекративших свое существование отрядов падает на осенне-зимний период 1942-1943 гг., что объяснялось усилением антипартизанских карательных акций со стороны гитлеровской администрации и трудными условиями боевых действий отрядов в этот период: нехватка продовольствия, теплой одежды, сложности с местным расквартированием, укрытием личного состава и т.д.

Особое место в развитиипольского Сопротивления занимает вооруженная борьба на Замойшине. Замойшина (повяты Замойский, Былгорайский, Томашевский и Грубешовский) стала первым объектом германской колонизации. Первоначально было выселено 7 деревень. К осени началась подготовка к массовому выселению, а 27 ноября 1942 г. гитлеровцы приступили к выселению 116 деревень. Предписывалось здесь поселить 108 тыс. немецких колонистов. ППР и Главное командование ГЛ 30 декабря 1942 г. приказали своим отрядам

^X БОЛ - Бойска организация людова - возникла в 1941 г. в результате преобразования местной организации левой сельской молодежи "Звэнзек младохлопски".

на Люблинщине не щадить сил в защите населения.

Отряды ГЛ вступили в районы выселения. В феврале-марте 1943 г. была создана оперативная группа во главе с Гжегожем Корчинским. В нее вошли отряды им. Костишко (командир А.Флис, зам. И.Гречин), отряд им. Домбровского (командир А.Пален, зам. М.Заболотный), отряд им. Щорса (командир В.Володин, зам. А.Яковлев), отряд им. Котовского под началом Ченцова. Из Варшавы АК направила отряд под командованием Яна Киверского ("Оливы").

Борьба на Замойшине имела два этапа: Первый - ответные боевые действия. Они состояли из беспрерывных атак против гитлеровцев и завершились 30 декабря 1942 г. сражением под Войдой. 30 декабря отряды БХ под командованием поручика Ежи Миллера и советские партизаны В.Володина под Войдой после 5-часового боя заставили гитлеровцев отступить. Последние потеряли 20 чел. убитыми и много раненых. Партизаны - 3 убитых и 3 раненых.

На втором этапе - партизаны вели оборонительные действия. С 1 января гитлеровцы начали планомерное "усмирение". Много бежавших от карателей крестьян сосредоточилось около Зaborечно. 1 февраля отряды БХ под командованием капитана Бартоломовича вступили в бой. Гитлеровцы потеряли 108 чел. убитыми и около 20 было ранено. Бои продолжались под дер. Ружа. В момент сражения под Зaborечно отряд им. Костишко нанес удар по ст. Жечица. Каратели потерпели поражение. Гитлеровцы оказались вынужденными временно приостановить выселение.

Активизировала в это время боевые действия и Армия Крайowa. На рубеже 1942-1943 гг. при командовании АК было создано Руководство диверсиями - "Кедры". Совместные боевые действия отрядов ГЛ, БХ и частично АК вели к складыванию национального антифашистского фронта.

В 1943 г. в рамках Гвардии Людовой в оккупированной Польше действовало 83 партизанских отряда. Но возникли и трудности. Наступление Красной армии усилило стремление советских людей, участвовавших в польском партизанском

движении, к переходу за р.Буг, навстречу своим. Летом 1943 г. ушли с Люблинщиной отряды им. М.Конопницкой (40чел.) В общей сложности с территорий четвертого и пятого округов ГЛ ушли на советскую территорию около 500 чел., в т.ч. 30 поляков. Силы ГЛ оказались серьезно ослабленными.

Командование ГЛ Люблинской области осенью 1943 г. вступило в соглашение с объединением партизанских отрядов Украины. По этому соглашению на советскую территорию могли переходить только танкисты и летчики.

ЦК ППР и Главное командование ГЛ приняли решение поправить дело путем переброски на места части актива, а также вовлечь в борьбу новые силы из демократически настроенных масс. Была проведена реорганизация партизанских отрядов путем их перехода к более крупным оперативным подразделениям - батальонам. До конца 1943 г. на Люблинщине было создано 7 батальонов общей численностью около 20 тыс. человек. 1943 год, несмотря на трудности, был весьма результативным. Об этом свидетельствует следующая таблица.

<u>Виды операций в 1943 г.</u>	<u>ГЛ</u>	<u>АЛ</u>
Пущено под откос ж.д. воинских эшелонов	I6I	8I
Уничтожено станций, мостов и др. объектов ж.д.	II3	I3
Уничтожено устройств связи	55	2I6
Уничтожено адм.учреждений и хоз.объектов	3I6	532
Проведено боев с полицией и карательными войсками	325	87

Итак, подчеркнем еще раз: важным фактором развития национально-освободительной борьбы польского народа было польско-советское боевое сотрудничество. Носителями боевого братства в оккупированной Польше выступали бывшие советские военнопленные.

Кроме бежавших из вражеского плена советских военно-служащих в партизанском движении в Польше участвовали граждане СССР, специально прибывшие из-за Буга. В мае 1943 г. подпольный ЦК КП(б) Украины одобрил практику пар-

тизанского соединения А.Н.Сабурова, в котором имелись чехословацкое и два польских формирования. Было указано на необходимость всесторонней братской помощи в создании национальных партизанских отрядов. Такое же решение принял ЦК КП(б) Белоруссии. Помимо этого, из соединения А.Ф.Федорова в мае-июне 1943 г. предусмотрено было направить 4 польских организационно-диверсионных группы в районы Холма и Замостья. Создание польских партизанских отрядов осуществлялось по просьбе польских коммунистов в СССР.

В результате были сформированы партизанское соединение "Еще Польска не огинела", две бригады и несколько отрядов, насчитывавших в общей сложности 1900 человек. Партизаны польских отрядов носили военную форму и знаки различия, принятые в дивизии им. Т.Костюшко. В июне 1943 г. устанавливается прямая связь между украинскими партизанами и командованием ГП на Люблинщине. В результате польским партизанам было переброшено оружие, боеприпасы, минно-подрывная техника, средства связи и т.п., а также направлены специалисты. Взаимопомощь стала регулярной.

Значительной была также помощь белорусских партизан своим польским коллегам. Создан оперативный разведцентр, который поддерживал регулярную связь о ЦК ППР. В 1943 г. польским партизанам оказывала содействие Польская партизанская бригада под командованием И.Г.Шубитидзе. В ее составе летом 1943 г. формируется польский партизанский отряд им. Т.Костюшко (командир Ч.Клим). В расположение этого отряда в районе Бреста в августе, октябре и декабре 1943 г. перебрасываются группы польских коммунистов. Для формирования 3-х отрядов, которые затем перешли на территорию Польши, костищковцы выделили группы общей численностью в 170 человек. Одна из них - группа Яновского (Л.Касмана) действовала как подразделение связи ЦК ППР между Варшавой и Москвой. В ее задачу входили также прием оружия и передача его АЛ.

В 1944 г. выросло и окрепло боевое сотрудничество советских и польских партизан. С января по май на Люблинщи-

ну прибыло с советской территории четыре польских отряда численностью 1100 чел. и двенадцать советских отрядов. Особое место занимают партизанские битвы в Липских и Яновских лесах и Пуще Сольской в июне 1944 г. Для ликвидации партизанской группировки в Яновских и Липских лесах гитлеровцы стянули 3 дивизии пехоты, полк СС, моторизованный батальон СС, 3 отряда полиции и кавалерии, группу самолетов. Здесь были сосредоточены бригады и отряды АЛ численностью около 800 чел., смешанный советско-польский отряд в 200 чел., советские отряды под командованием Карасева, Прокопюка, Чепиги, Яковлева, Василенко, Неделина, Санкова. Советские и польские отряды насчитывали 3 тыс. человек, имевших на своем вооружении около 2 тыс. пулеметов и автоматов.

Бои начались II июня при соотношении сил 1:10 в пользу гитлеровцев. К тому же они располагали артиллерией, танками, самолетами. В ходе сражения было создано объединенное командование во главе с подполковником Прокопюком и выработан план единых действий. В ходе упорных боев победили советские и польские партизаны. Силы АЛ вышли из окружения и вернулись к боевым операциям в Липских лесах. Советские партизаны 23 июня также вышли из окружения и продолжали боевые действия в тылах гитлеровских войск.

В июле 1944 г. Красная армия, изгнав оккупантов из Белоруссии, сохранила возможности для того, чтобы начать освобождение восточной Польши и дойти до Вислы. Отряды и гарнизоны АЛ были приведены в состояние повышенной готовности, создана ударная партизанская оперативная группа "Люблин", которая готовилась к взаимодействию с Красной армией. 20 июля 1944 г. советские войска и части I-ой Польской армии форсировали Буг.

Между Бугом и Средней Вислой (Была Подляска, Седльце, Люблин, Хелм, Замостье, Тарнобжег, Пшемысь, Жешув, Кросно) находились почти 40-тысячные партизанские силы АЛ, БХ и АК. Их главной задачей являлась дезорганизация гитлеровского тыла и затруднение отступления немецко-фашистских

войск. Непосредственно на Люблинщине партизанские силы АК, АЛ и БХ насчитывали около 20 тыс. человек.

18-21 июля развернулись ожесточенные бои между партизанами и гитлеровцами в Парчевских лесах. Оккупанты стремились ликвидировать партизанскую базу на Северной Люблинщине. В боях с гитлеровцами приняли участие две бригады АЛ (около 9 тыс.), три советских партизанских отряда и в начале боев 27-я дивизия АК. Часть партизан вырвалась из окружения, другая дралась до подхода советских частей.

Таким образом, граждане СССР, и в первую очередь бежавшие из лагерей для советских военнопленных, сыграли видную роль в польском Сопротивлении. Их борьба плечом к плечу с польскими антифашистами стала яркой страницей в истории сотрудничества двух стран – СССР и Польши.

РЫШАРД НАЗАРЕВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛЬСКИМИ
И СОВЕТСКИМИ ПАРТИЗАНАМИ НА ОККУПИРОВАННЫХ
ЗЕМЛЯХ (1941-1945)

Польско-советское боевое сотрудничество и братство по оружию приобрело широкий размах в годы второй мировой войны. В те времена переплелись судьбы миллионов поляков и советских граждан на разных фронтах войны с фашистским Рейхом. Это могло произойти после немецкой агрессии против СССР, который так же, как и подвергшаяся агрессии и оккупированная в сентябре 1939 г. Польша, оказался в июне 1941 г. в состоянии войны с Германией. Тогда возникли объективные условия для военного союза народов Польши и Советского Союза, а также других государств, которые составили антигитлеровскую коалицию, направленную против Германии и ее союзников из фашистского блока. Выражением естественного совпадения национальных и государственных интересов Польши и СССР, отремившихся к освобождению своих земель от вражеской оккупации и сокрушению гитлеровской Германии, было заключение договора между правительством ген. Владислава Сикорского и Советским правительством 30 июля 1941 г., в котором предполагалось военное и политическое сотрудничество в войне с германским Рейхом.

Как Польша, так и западные территории СССР оказались в те времена под немецкой оккупацией. Долей миллионов поляков, а также советских граждан многих национальностей стала общая участь: смерть от рук фашистских убийц, геноцид гитлеровских лагерей, рабство принудительных работ или жизнь в атмосфере террора и унижения в оккупированных городах и селах. Страдания и перспектива полного уничтожения в случае победы оил фашизма стали общей судьбой народов, оказавшихся жертвами, а их давние обиды, претензии друг к другу отошли на второй план.

Борьба не на жизнь, а на смерть с одним и тем же оккупантом и захватчиком породила и укрепила боевой союз и

братство по оружию; общие национальные интересы, подкрепленные интернационалистской солидарностью коммунистов и других антифашистских сил этих народов, стали основой возникновения и укрепления союза государств. Именно в годы второй мировой войны была решена проблема налаживания крепких уз народов Польши и СССР, из которых выросли послевоенные союзнические договоры и всестороннее сотрудничество.

В налаживании этих уз и укреплении военного союза особую роль сыграла партизанская борьба. С лета 1941 г. она охватывала оккупированные польские и советские земли, которые составляли тыл самого важного фронта войны, решавшего будущее народов, и основное коммуникационное пространство, соединявшее этот фронт с германским Рейхом и оккупированной Европой. Польско-советское сотрудничество на этом фронте являлось важным и богатым различными боевыми эпизодами фрагментом истории польско-советских отношений в годы второй мировой войны.

В сфере рассматриваемой тематики давно развивается сотрудничество польских и советских историков, материализованное в ряде научных конференций и симпозиумов, а также общих публикаций, которые выходили как в Польше, так и в Советском Союзе¹.

Польская историография имеет уже серьезные достижения в этой сфере в виде фундаментальных монографий Мечислава Юневича, Юлиана Тобиаша, Владислава Гуры, Вальдемара Тушинского, а также работ Михала Гнатовского, посвященных Белосточиэне, Иrenы Паченьской – о Южной Польше, Романа Кораба – Зебрыка – о Виленчиэне, Зигмунта Маньковского – о Любельчиэне и многих других авторов, в т.ч. автора данной статьи, который в работе о польско-советском сотрудничестве в разведке в годы войны с Германией широко касался и партизанского сотрудничества². Кроме того, вышли многочисленные статьи, а также воспоминания бывших партизан, в т.ч. сборники воспоминаний³.

Несомненны достижения советской историографии в этой сфере. В богатой литературе, которая посвящена партизанской борьбе народов Советского Союза, имеется немало работ, рассказывающих о сотрудничестве с поляками. Польско-советскому сотрудничеству посвящены отдельные статьи Михаила Семиряги, Все́волода Клокова, Валентины Парсадановой, Владимира Замлынского и других историков из Москвы, Киева, Минска, Вильнюса и т.д.⁴.

Источникопедическую базу разработок польских и советских историков обогатили также многочисленные воспоминания партизанских командиров, рядовых партизан и других участников исторических событий, но ее главную основу составляют документы из партийных архивов Варшавы, Москвы, Киева и Минска, а также Военного исторического института в Варшаве. Однако в опубликованных работах ощущается недостаток доступа их авторов в архивы Центрального штаба партизанского движения и других центральных инстанций, руководивших партизанскими силами и десантными группами в тылу врага.

Чтобы в краткой статье представить главные проблемы польско-советского партизанского сотрудничества, следует выделить несколько основных тематических групп: 1) сотрудничество польских и советских партизан на территории оккупированной Польши; 2) участие поляков в советских партизанских группировках, действовавших на Украине, в Белоруссии и Литве; 3) отношения между советскими партизанами и партизанами Армии Крайовой на оккупированных немцами советских и польских территориях.

I. Оккупированные польские земли

Необходимым условием польско-советского партизанского сотрудничества на польских землях было возникновение партизанского движения. До 1941 г. положение как внутри оккупированной страны, так и на международной арене не способствовало развитию этого движения. Предпринятая майором Хенриком Добжанским ("Хубала") попытка продолжения

после сентября 1939 г. войны с Германией партизанскими методами закончилась трагично весной 1940 г. В то же время развивались конспирированные структуры, связанные с действовавшим во Франции, позднее в Великобритании правительством ген. Владислава Сикорского, и прежде всего, Союз Вооруженной Борьбы (Звёнзек Вальки Збройней - ЗВЗ), переформированный в 1942 г. в Армию Крайову. Они заняли доминирующие позиции в оккупированной стране, но вначале противодействовали широкому развитию вооруженных форм борьбы, особенно партизанской, мотивируя это незрелостью военной ситуации и угрозой усиления репрессий оккупационных властей. Данная позиция не подверглась изменению даже после заключения союзнического договора между правительством ген. Сикорского и советским правительством 30 июля 1941 г., который, кроме прочего, предполагал четкое взаимодействие в войне с Германией⁵. Наоборот, была предпринята широкая политико-пропагандистская акция с целью противодействия развитию партизанской борьбы в Польше, якобы служившей только советским интересам и противоречившей интересам польским. Этим пропагандистским акциям способствовали поступавшие с территории, присоединенной к СССР, сведения о жестоких действиях советских органов безопасности, о массовых депортациях населения и арестах, жертвами которых стали сотни тысяч поляков⁶. О них сообщала как эмигрантская пресса, так и издававшаяся в подполье в Польше, это также было отражено в официальных правительстенных нотах - например 6 октября 1941 г., 16 мая и 29 июля 1942 г.⁷. Грозили репрессиями в отношении парашитистов, заброшенных на территорию страны без согласования с польским правительством, а также в отношении "коммунистических банд", т.е. партизан Гвардии Людовой (ГЛ) и советских партизан. Орган делегатуры правительства "Жечполита Польска" опубликовал 16 октября 1941 г. "Предостережение", в котором, кроме прочего, утверждалось, что "в настоящий момент партизанские и диверсионные акции противоречат интересам польского народа". Предупреждения

подобного же рода опубликовал орган Главного Командования ЗВЗ "Бюллетин Информацийны", к тому же придав им такие заголовки, как "Советские нашептывания", "Подные советские провокаторы", "Преступная чушь" и т.д. Схожие пропагандистские акции были проведены также в прессе некоторых партий, например в печатном издании "ВРН", которое в статье под заголовком "Коммунистическая диверсия" писало: "Создание партизанских отрядов мы должны признать провокацией, истощающей силы польского народа для того, чтобы проще его закабалить в будущем"⁸.

Эта кампания не принесла, однако, ожидаемых ее организаторами результатов. В отчете, высланном 27 июня 1942г. в Лондон командующим АК ген. Стефаном Ровецким "Гротом", кроме прочего подчеркивалось, что вооруженная акция советских диверсантов (так определялись как Гвардия Людова, так и советские партизаны, действовавшие за Бугом) "все больше расширяет свою опору..., активизирует скрывавшуюся до сих пор ненависть к оккупантам... Симпатии к большевикам проявляют безземельные и малоземельные, помещичьи батраки, а также городской радикально-рабочий и интеллигентский элемент... Во многих местностях советские партизаны выступают в роли защитников от немцев"⁹. То есть основные слои польского общества, особенно крестьяне, оказывали партизанам и парашютистам всестороннюю помощь и поддержку, как и убежавшим из неволи советским военно-запленным¹⁰.

Создание организованных форм вооруженной борьбы с оккупантами революционными левыми силами предотвратило их развал и устранило раздробленность вследствие распуска ЧПП в 1938 г. и казни в СССР ее ведущих деятелей. Возможность выполнения этих задач появилась лишь в начале 1942г., после возникновения новой партии польских коммунистов - Польской Рабочей Партии и ее военной организации - Гвардии Людовой.

Концепция вооруженной борьбы, пропагандировавшаяся ПРП и реализовывавшаяся Гвардией Людовой, исходила как из патристических предпосылок, которые диктовались потребнос-

тами защиты польского народа от уничтожения гитлеровскими оккупантами, освобождения от оккупации и восстановления независимости, так и из интернационалистских соображений о необходимости оказания максимальной помощи Красной Армии, сражавшейся на фронтах, которые были ближе всего к Польше и на которых решалась ее судьба и будущее мира. Своими главными военными задачами ГЛ считала партизанскую и диверсионную деятельность, особенно вызывающую парализацию коммуникационных линий, соединявших германский Рейх с восточным фронтом, и дезорганизацию тылов гитлеровской армии. Правильность ориентации на разгром Германии Советским Союзом подтвердил ход событий; Красная Армия смогла не только остановить наступление немецких войск, но и впервые во второй мировой войне вынудила их к отступлению. Многие поляки признавали за СССР в то время силу, способную освободить Польшу от гитлеровского порабощения.

Воззрения, близкие к позициям ППР, выражала пресса организации польских социалистов, например в статье Станислава Худобы "В отношении немецко-советской войны мы не нейтральны", в которой он подчеркивал, что "не только польские социалисты, но все поляки обязаны способствовать ускорению поражения гитлеровской армии, обязаны активно поддержать Красную Армию"¹¹.

Первые партизанские группы и отряды появились во второй половине 1941 г. на Любельщине и Подляске. Их создавали главным образом руководимые коммунистами антифашистские организации, такие, как Союз освободительной борьбы (отряд под командованием Владислава Бучиньского ("Казика Дэмбяка"), Рабоче-крестьянское объединение на Келецчине, Красный партизан на Хелмщине и другие. Некоторые группы создавались убежавшими из гитлеровских лагерей советскими солдатами. Ими командовали Федор Ковалев, Яков Николаев и другие, пользуясь всесторонней помощью польского населения. После создания Гвардии Людовой большинство этих групп подчинилось ей.

В конце 1942 г. на польских землях действовало 29 партизанских отрядов Гвардии Людовой, в которых насчитывалось порядка 1000 партизан. В июне 1943 г. было уже 66 отрядов, которые объединяли 2100 партизан¹². Вместе с резервами, оставшимися в местных гарнизонах, общая численность Гвардии Людовой приближалась к 10 тысячам. Их стержень составляли члены ППР, шли в них те, кто жаждал активной борьбы с оккупантами, патриоты, представлявшие разные политические и военные группировки, а также молодежь. В связи с постоянным недостатком имеющих военную подготовку польских командных кадров в партизанские отряды охотно принимали бывших советских военнопленных, в которых видели не только близких союзников, но также опытных и обстрелянных фронтовиков. Многие из них выдвинулись в ГЛ на командные должности. В числе других были Василий Войченко, "Саша", Николай Слугачев "Тадек", Яков Сальников "Яша", Умар Ахмадлы Адаманов - "Мишка Татарин", Серафин Алексеев и многое других.

Своей храбростью в боях и товариществом многие из них снискали признательность и дружбу польских боевых соратников, а также симпатию населения. Так было не только в Гвардии Людовой, но и в появившихся позднее отрядах Батальонов Хлопских и Армии Крайовой, в которые также попадали бежавшие из неволи советские пленные. Они были ободраны и истощены, часто больны. Их принимали почти во всех партизанских отрядах, добывали для них одежду и обувь, а также и оружие.

В течение 1942 г. гитлеровский террор достиг в Польше не имевшего место ранее жестокости и размаха. Перед лицом биологического уничтожения польского народа, после того как гитлеровцы уничтожили почти все еврейское население, польское общество все настойчивее добивалось вооруженного противодействия террору. Эффективность вооруженного сопротивления доказывала своими действиями Гвардия Людова, а с конца 1942 г. также Батальоны Хлопске, отряды которых противодействовали массовому выселению поль-

ких крестьян на Замойшице. В связи с этим негативная позиция эмигрантского правительства в отношении создания партизанских отрядов в Польше постепенно менялась. Было создано и начало действовать Руководство диверсиями (Кадыв) и первые, подчиненные ему партизанские отряды Армии Крайовой.

В 1941–1943 гг. на оккупированных польских землях, особенно в Генеральном губернаторстве и на территориях, включенных в состав Рейха, не было еще советских партизанских отрядов в точном значении этого слова, т.е. оперативно подчиненных советскому командованию, не считая многочисленных групп парашютистов, которые, однако, состояли главным образом из поляков. Таким образом, можно говорить об участии советских людей, т.е. граждан СССР (независимо от их национальности) в польском партизанском движении.

Ситуация начала меняться в начале 1944 г., когда Польша постепенно становилась территорией оперативных военных действий. Армия Людова, созданная подпольной Крайовой Радой Народовой, объединила в себе ГЛ, народную милицию РПШС, а также некоторые отряды и местные гарнизоны БХ, АК и других организаций. Она достигла летом 1944 г. в результате большого наплыва добровольцев численности около 55 тысяч человек, из которой 10 тыс. партизан было сосредоточено в 16 бригадах, а остальные – в примерно 120 меньших оперативных формированиях (отрядах и партизанских группах)¹³. Из действовавших в Келецком регионе 5 бригад АЛ две состояли преимущественно из бывших советских пленных ("Победа" и "Свобода"). Ими командовали старшие лейтенанты Николай Донцов и Степан Ряденко.

Ключей проблемой стало тогда вооружение Армии Людовой и оснащение ее различными средствами ведения борьбы. Острый недостаток в вооружениях сначала затруднял боевую диверсионную деятельность ГЛ, сужал возможности ее количественного роста, делая непривлекательной в глазах как давшей сражаться молодежи, особенно в сравнении с поставками оружия с Запада в распоряжение командования АК.

ЦК ППР многократно добивался поставок оружия для ГЛ в телеграммах, направлявшихся в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала¹⁴. С призывом решения этой проблемы обратилась к союзникам Крайова Рада Народового¹⁵. Это принесло, однако, ничтожные результаты. За весь 1943 г. советские самолеты сбросили для ГЛ около 100 автоматов и несколько десятков пистолетов. Небольшие количества оружия удалось получить в результате установления контакта командования ГЛ на Любельшице с группировкой генерала Федорова на Волыни, а также с рейдовыми отрядами, пробивавшимися в Польшу¹⁶.

В ходе очередных побед Красной Армии и приближавшегося освобождения Польши от гитлеровской оккупации проблема оружия для АЛ становилась все более политической проблемой. От ее решения зависела не только боеспособность АЛ, но также сила политического влияния ППР, РПС и других группировок, составлявших Крайову Раду Народову. В письме, направленном в ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ППР Владислав Гомулка утверждал: "Без оружия АЛ будет вести чахлый образ жизни, мы не озовем ни в военном, ни в политическом отношении той волны, которая на нас напливает"¹⁷.

Постепенное решение проблемы вооружения АЛ произошло после создания Польского штаба партизанского движения (называвшегося ПШП) при Военном Совете Польской Армии в СССР в освобожденном 5 мая 1944 г. Ровно. Его возглавил Александр Завадский, который одновременно был председателем созданного в январе 1944 г. Центрального бюро коммунистов Польши. Сбросы с самолетов начались лишь в конце июня 1944 г., уже во время продолжавшегося советского наступления, принесшего месяц спустя освобождение восточной Польши. Предназначены они были не столько для Армии Людовой, сколько для отрядов и организаторских групп, подчиненных ПШП, распоряжавшихся ими по собственному усмотрению. Это, кроме прочего, приводило к напряженности в их отношениях с АЛ.

Большинство отрядов ПШП, прибыв в Польшу, не подчинилось командоранию АЛ и политическому руководству ППР, обосновывая это инструкциями сверху. Это создавало двойственность в действиях народных партизанских сил, руководимых повсеместно польскими коммунистами, нарушая признанный, кроме прочего, Коминтерном принцип единого политического руководства деятельностью коммунистов на территории одной страны, вызывало распыление усилий, трения, ссоры, тем более вредные, что они проявлялись в ходе борьбы со смертельным врагом, а также перед лицом приближавшейся борьбы за власть в Польше, влияло на направление ее развития.

Положение с вооружением не изменил прилет на Любельщину комиссии для раздела сброшенного с самолетов советского оружия во главе с полковником Петровым (псевдоним), представителем ЦК ВКП(б). Оно стало меняться лишь после перехода фронта и прибытия в Москву в мае 1944 г. делегации КРН и верховного командующего АЛ ген. Михала Бимерского - "Роли", которому в середине июля 1944 г. решили подчинить ПШП.

Поставки оружия способствовали развитию отрядами АЛ партизанской борьбы и диверсий в размерах, ранее не встречавшихся.¹⁸

С февраля 1944 г. на Любельщину прибывали крупные советские партизанские группировки, т.н. рейдовые. В их числе были и I Украинская партизанская дивизия им. Ковпака под началом Петра Вершигоры, и окружные группировки, которыми командовали Иван Бенов - "Черный" и Валентин Пелих - "Галицкий", а кроме того 15 других подразделений, насчитывающих около 4400 бойцов. Рейдовые отряды и группы парашютистов постепенно достигали западных земель Польши, в т.ч. Поморья и Силезии, Лодзинской земли и региона Великой Польши. В этом случае можно уже говорить о действиях советских партизан в Польше, об их взаимодействии с польскими партизанами, причем не только с АЛ, но также с АК и БХ. Эти отряды подчинялись многим советским командованиям и штабам. Как мы знаем, они зависели от Центрального коман-

дования Красной Армии, штабов партизанского движения Украины и Белоруссии, отдельных штабов (I и 2 Белорусских фронтов, I и 4 Украинских фронтов), органов безопасности и более мелких командных структур: например, польская десантная группа Станислава Никелевича, сброшенная на Поморье для обследования условий судоходства и состояния перевозок в нижнем течении Вислы, подчинялась Днепровской военной флотилии. Подобная многонаправленность командования советскими отрядами, находившимися в тылу врага, затрудняла координацию их боевых действий, мешала согласование политических позиций и эффективному использованию разведывательной информации о неприятеле, собранной при активной и большой помощи польской стороны. Эта мультиподчиненность советских партизан была значительно большей, чем в частях польского движения сопротивления, в т.ч. партизанского движения. Большая "свобода рук" польских партизанских боевых единиц проистекала в известной степени и от недостаточной скоординированности ведомственных структур и их соперничества, но уж никак главной причиной тут не были классово-политические разногласия, на что любят напирать некоторые советские авторы.

По подсчетам историков, в польских партизанских отрядах всего сражалось то или иное время 7-8 тыс. советских граждан, из которых более 5 тыс. в отрядах ГЛ и АЛ, по 1 тыс. в БХ и АК. Прибывавшие на польские земли в 1944 г. советские "рейдовые" группировки и партизанские отряды, а также группы десантников насчитывали около 12 тыс. человек. Всего вместе с поляками сражалось порядка 20 тыс. советских граждан разных национальностей¹⁹.

Существует богатая литература, отражающая многочисленные факты взаимодействия с польскими партизанами советских братьев по оружию. Можно сказать, что без их участия не было в Польше ни одного серьезного партизанского сражения. Назову здесь только некоторые. В бою под Полихнем, проведенном 10 июня 1942 г. первым отрядом ГЛ под командованием Франка Зубжицкого, участвовало несколько бывших

советских пленных. Защищая население Замойшины на стыке 1942 и 1943 гг., вместе с подразделениями БХ сражался отряд из 37 человек лейтенанта Василия Володина. В сражении на Дяблей Гуже в районе Петрковска, произшедшем 23 октября 1943 г., одним из командиров отряда ГЛ им. Бэма был старший лейтенант Яков Сальников – "Яша". В другом бою здесь же, который вели партизаны 25 полка АК, участвовала сформированная из бывших советских военнопленных рота под командованием майора Николая Цибульского. В наиболее крупной партизанской битве в Польше в липских и яневских лесах и Сольской Пуще 9–25 июня 1944 г. общее руководство группировкой подразделений АЛ и советских сил осуществлял командир рейдового отряда подполковник Николай Прокопюк²⁰.

Храня в памяти эти и многие другие прекрасные страницы братства по оружию, нельзя, однако, забывать о мрачных и трагических эпизодах. Одним из наиболее серьезных является, без сомнения, коварное разоружение, а затем полное уничтожение 8 сентября 1944 г. советского отряда "Штурм" из 70 человек Сьвентокшишской бригады НСЗ, на совести которой были также сотни убитых членов ППР, солдат АЛ и помогавших им гражданских лиц²¹. Были и другие подобные факты, но со значительно меньшими количественными показателями.

Нельзя также забывать о факте, что в борьбе с партизанами, во время карательных акций в польских селах и уничтожения польского и еврейского населения (на восточных территориях – советского населения) немцы использовали в широких масштабах формирования коллаборационистов, состоявшие из предателей разных национальностей, которые вступали в немецкую полицию и СС, чтобы служить врагам своей отчизны. Это, помимо прочих, такие формирования, как бригады СС-РОНА, украинские, белорусские, калмыцкие, латышские и литовские части СС, полицейские подразделения, в т.ч. 14-я дивизия СС "Галичина", и другие. Как утверждал проф. Зигмунт Войцеховский, давая оценку преступлениям, совершенным коллаборационистскими частями во время Варшавского

восстания, нацисты хотели таким образом одновременно "убить двух зайцев" - снять с немцев часть вины за наиболее одиозные массовые убийства, а также возбудить ненависть поляков к народам СССР. Однако польское общество "с самого начала отдавало себе отчет по поводу этих намерений и коварства"²².

Следовательно, нет ничего удивительного, что дезертиров из подобных коллаборационистских формирований в польские партизанские отряды в принципе не хотели принимать, а убежавшие из таких формирований и не спешили к партизанам, боясь ответственности за совершенные преступления, хотя неоднократно пытались выдавать себя за убежавших из неволи и т.п.

Иначе относились к дезертирам из формирований, создававшихся немцами в рамках Вермахта, таких, как РОА ("армия Власова"), УВВ (Украинско Възвольно Вайско), Остлегионен (грузинские, азербайджанские, татарские, туркменские формирования, т.н. "Козакен" и др.). Принималось во внимание, что многих из них принудили к этому перед лицом неминуемой смерти в гитлеровских лагерях. Действовал и такой фактор, как преоcечение пути возврата на родину, где пленные считались предателями в соответствии с приказом Сталина № 290 от 16 августа 1941 г.²³. К борьбе о партизанами и польским населением такие подразделения подключались только тогда, когда в ней участвовали регулярные армейские части, в составе которых были "национально чуждые" единицы, не превышавшие по численности роту. Дезертиров из такого рода частей было много. По этим причинам немцы в 1944 г. большую их часть перебросили на западные фронты. В польские же отряды бежавших из строевых немецких частей, как правило, принимали только тогда, когда они приходили с оружием в руках, часто после уже проведенных с нацистами стычек. Этим самым для них создавался шанс реабилитации за ношение вражеского мундира. В большинстве случаев эти люди оправдывали доверие.

С весны 1943 г., особенно после опубликования немцами информации о Катыни и разрыва Советским правительством дипломатических отношений с правительством ген. Сикорского, в польском сопротивлении усилилась антисоветская пропаганда. Крайне правые силы предприняли также террористические акции, острее которых в оккупированной Польше направлялось прежде всего против ППР и близких к ней группировок.

Одна из главных причин развязывания этой кампании – позиция ППР по трудному вопросу будущей польско-советской границы. ППР заняла не популярную тогда среди большей части польского общества позицию признания права белорусского и украинского населения на территории, где оно составляло большинство, стремясь вместе с тем к возврату захваченных Германией давних польских земель на западе и севере. Эта последовательно интернационалистская позиция отвергалась лагерем, связанным с эмигрантским правительством, и стала основанием для выступления против предложений ППР об объединении всех сил в борьбе с гитлеровскими оккупантами.

Позиции ППР по вопросу границ не противоречило то, что она организовала Львовскую область в т.н. галицийском дистрикте, включенном оккупантами в 1941 г. в Генеральное Губернаторство. Туда не смогли добраться представители ЦК КП(б) Украины. В этих условиях оставшиеся там бывшие члены КП и КПЗУ установили контакт с ППР, что упрощалось в связи с ликвидацией границы между Львовом и Варшавой. ЦК ППР неоднократно обращался по радиосвязи в Коминтерн, чтобы создать возможность передачи Львовской области в компетенцию ЦК КП Украины от ППР и ГЛ. Там, помимо прочего, действовали три партизанских отряда и несколько украинско-польских боевых групп ГЛ, издавалась на обоих языках подпольная пресса, в которой велась борьба со всяким национализмом.

В связи с отсутствием реакции со стороны ЦК КП(б)У было решено самостоятельно переформировать в середине 1943 г. Львовскую область в Организацию партизанского

движения западных областей Украины, которой лишь весной 1944 г. удалось установить контакт с властями СССР после принятия на эту территорию партизанской группировки ген. Наумова.

После освобождения, в 1945 г. некоторые звенья КП(б)У признали работу ППР во Львовской области "действием в польско-националистическом духе" и стремлением к подчинению себе местных коммунистов. В мае 1945 г. постановлением Львовского обкома КП(б)У созданной ППР организации было дано название "Людовой Гвардии им. Ивана Франко", и под этим бредовым названием она рассматривается во многих работах советских и польских историков. Следует, однако, подчеркнуть, что в результате общих дискуссий и доступа к источникам постепенно восстанавливается правда об интернационалистском характере деятельности ППР и ГЛ.²⁴

Революционные левые силы вместе с ППР отдавали себе отчет в том, что убедить хотя бы часть польского общества в необходимости установления новых границ значило убедить также в необходимости тяжелого, болезненного переселения польского населения с земель, на которых оно жило в течение веков, но чаще всего составляло на них меньшинство. Это представлялось делом чрезвычайно трудным, тем более, что вопрос возвращения Польше ее давних, германизированных западных и северных земель был еще очень далек от решения. Несмотря на все это, левые силы начали рассчитанную на долгое время работу по убеждению населения в необходимости изменения границ, что доказывало их верность принципам интернационализма и уважения жизненных интересов соседних народов - украинского, белорусского и литовского.

2. Поляки в советском партизанском движении

В течение менее двадцати дней после 22 июня 1941 г. земли, присоединенные к СССР в 1939 г., оказались под гитлеровской оккупацией. Там установился страшный террор, осуществлявшийся главным образом подчиненными Главному Управлению Безопасности Рейха (РСХА) и сотрудниками с

командованием Вермахта оперативными группами полиции безопасности (Айнзатцгруппен). Они насчитывали всего около 3000 человек, но в относительно короткий период с помощью украинских и литовских националистов, а также других коллаборационистов, уничтожили более миллиона человек – главным образом евреев и тех, кого сочли коммунистами и сотрудниками²⁵. Жертвами Айнзатцгруппен пали также многие поляки, например в июле 1941 г. во Львове было убито несколько десятков выдающихся польских ученых.

О совершенных Айнзатцгруппен карательных акциях с точным перечислением количества жертв и описанием политической ситуации на недавно оккупированных территориях представители РСХА часто готовили отчеты вождям нацистского Рейха. Из них следует, что уже в первые месяцы оккупации там часто давали о себе знать советское и польское движение сопротивления, а также имелись свидетельства их взаимодействия. Например, 23 февраля 1942 г. доносились о подготавливавшихся советскими партизанами и польским движением сопротивления совместном вооруженном выступлении в округе Минска. В апреле Берлин информировали о произведенных 25 марта арестах среди поляков, участвовавших с оружием в руках в деятельности советской партизанской организации, которая совершала покушения на поезда. Обширней об этих делах говорится в отчете РСХА от 10 июля 1942 г.: "В Остлянд и на Украине наблюдается выступление польских банд, которые вошли в контакт с советскими партизанами. В Литве убиты несколько вооруженных польских партизан, которые поддерживали контакт с советскими пленными. Хотя сейчас не установлено конкретных организационных взаимодействий между партизанами и польскими бандами, характерным является то, что в Белоруссии советские партизанские группы защищают поляков от расстрелов и грабежей. Знаменательно, что партизаны отдают полякам скот, если его у них забрали, и даже снабжают продовольствием польских католических священников". В отчете РСХА делается вы-

вод: "Выступление польских банд и их взаимодействие с большевистскими партизанами создают новые опасности для германских властей"²⁶.

Цитированная информация о польских "бандах" может относиться как к боевым отрядам, создававшимся ЗВЗ "Вахлях", о чём разговор ниже, так и к стихийно возникавшим польским антифашистским группам, которыми руководили коммунисты. Польские коммунисты из распущенной КПП (КПЗУ, КПЗБ) становились организаторами участия поляков в антигитлеровской борьбе, в многонациональном советском движении сопротивления. На Волыни это были, например, Юзеф Собесяк - член КПП, Роберт Станановский из организации Социалистической молодежи "Жизнь", Станислав Вроньский - член Коммунистического союза польской молодежи, Францишек Мазурек из КПЗУ, во Львове - члены КПП и КСМП Леон Смоленский, Юзеф Матвишин, Янина Бер, Якуб Сылвика и др., в Белоруссии - Ян Серковский - член КПП из Плоцка и Игнацы Браузкий - участник революций 1905 и 1917 гг., в Вильнюсе - Ян и Юзеф Штегальские, Александр Мажуч и другие. Многие из них погибли в борьбе о гитлеровскими оккупантами.

Они смогли организовать и объединить в общих рядах, а также направить на борьбу с врагом тысячи поляков с Украины, Белоруссии и Литвы. Тем не менее их усилия приносили ограниченные результаты. В рамках советского подпольного и партизанского движения участвовала только часть проживавших на этих землях поляков. Это объяснялось разными причинами. Наиболее существенная состояла в антипольской карательной политике сталинского руководства в 1939-1941 гг., которая смогла создать весьма эффективный образ советской власти как репрессивного пугала и отбить охоту к такого рода социализму у большей части польского населения, и не только польского.

Аппарат советской власти, который рекрутировался большей частью из приехавших с востока, не знакомых с национальными и социальными проблемами недавно присоединенных земель, и который обладал менталитетом, сформировав-

шимся в условиях 30-х годов в СССР, не хотел пользоваться знаниями и опытом членов распущенных партий - КПП, КПЗУ, КПЗБ, а также других прогрессивных и антифашистских группировок. Более того, к бывшим польским коммунистам, а также коммунистам Западной Украины и Западной Белоруссии новые советские правители отошли с нескрываемым подозрением, нередко навешивая на них с помощью своих подручных из органов ОГПУ-НКВД всяческие обвинения. Совбюрократия, включая упомянутые репрессивные "органы", часто опиралась на карьеристские элементы, а зачастую и на скрытых националистов, сводивших счеты с помощью доносов и ложных обвинений. Поляков отталкивали антипольские и пронемецкие акценты тогдашней советской пропаганды, но прежде всего массовый террор НКВД, практиковавшиеся им беспощадные депортации, которые коснулись около 10% населения, в т.ч. женщин и детей, а также массовые безосновательные аресты людей, не имевших зачастую каких-либо настроений враждебности по отношению к СССР, и даже аресты многих его истинных друзей.

Эта репрессивная политика принесла огромный политический вред, вызвала настроения разочарования, страха и ненависти даже в той социальной среде, в которой по причине своей классовой принадлежности или политических симпатий придерживались идей социализма и были склонны к поддержке большевистской власти.

Нельзя при этом сбрасывать со счетов того, что усиление репрессий охранно-карательных советских органов могла в определенной степени способствовать также деятельность подпольных звеньев ЗВЗ, которым действовавшие во Франции власти приказывали осуществлять саботаж, диверсии и также убийства людей, признанных предателями и советскими функционерами. Например, 26 марта 1940 г. в результате неудавшегося покушения на Ванду Василевскую был убит ее муж Марьян Богатка. Такого рода инструкции (например, от 11 марта и 5 мая 1940 г.) несомненно попадали в руки НКВД, особенно с учетом того, что большинство тогдашних руководителей ЗВЗ было арестовано²⁷.

В начальный период организации партизанского движения на Украине и в Белоруссии советские власти не стремились к широкому привлечению поляков в его ряды, считая, вероятно, что это может быть расценено как недружественный акт в отношении эмигрантского правительства, с которым тогда СССР поддерживал союзнические отношения. В этот период большая часть поляков была охвачена деятельностью ЗВЗ, переформированного в Армию Крайову. Она, как и польское правительство в Лондоне, стояла на позициях неизменности границ Польши до сентября 1939 г., что вело к конфликтам с советскими представителями и на уровне взаимоотношений государств, и на местном уровне.

Советские партийные власти на оккупированных Германией территориях начали переходить к действиям, направленным на охват местных поляков. С весны 1943 г., после возникновения Союза Польских Патриотов (СПП) в СССР была начата реализация плана Центрального штаба партизанского движения, намечавшего развитие коммунистического по содержанию и польского по форме партизанского движения в западных областях Украины и Белоруссии, а также в районе Вильнюса. Тогда постановили поддержать создание польских отрядов в рамках советских партизанских группировок, с польским обмундированием, гербом, национальными цветами, поставив им оружие, а позднее перебросив на польские земли. Аналогичные решения приняли штабы партизанского движения Украины (7 апреля 1943 г.) и Белоруссии (22 июня 1943 г.). Постановили также стремиться к более широкому привлечению молодых поляков в создаваемые польские отряды²⁸.

В соответствии с этими решениями произошел быстрый рост польских отрядов. Некоторые из них переформировались в бригады и группировки, игравшие серьезную роль в борьбе с гитлеровскими оккупантами. На Украине это, например, были группировки "Еще Польска не згинэла" под командованием Роберта Становского в составе оперативной группы ген. Александра Сабурова, бригада под командованием Юзефа Соболяка - "Макса" (позднее названная "Грюнвальд"), подчиняв-

шаяся штабу ген. Василия Сегмы, бригада им. Ванды Василевской (командир Станислав Шелест) в группировке ген. Ивана Федорова, отряд Миколая Кушницкого в той же группировке и многое других.

В Белоруссии действовал отряд Тадеуша Костюшки, насчитывавший 250 человек (командир Чеслав Вархонский, позднее Чеслав Клим), в рамках Пинской партизанской бригады под командованием Ивана Шубитидзе. Польская рота в отряде им. Чернака под Кобрынем, которой командовал поручик артиллерии Войцех Збидут (из АК), рота Тадеуша Шеляховского в отряде им. Кукова под Брестом, отряд капитана Адама Сьвенто-жецкого (из АК) в бригаде им. Чкалова в районе Новогрудзка, отряд им. Ванды Василевской в районе Гродно в рамках бригады им. Комсомола, которой командовал поляк Антон Станкевич, и другие. В районе Вильнюса действовал отряд им. Мицкевича, политическим руководителем которого был Витольд Сенкевич, секретарь подпольного Вильнюсского райкома КП Литвы, а также отряд им. Бартоса Гловашского под командованием поручика Мрачковского в рамках бригады им. Ворошилова. Этот отряд был разбит бригадой АК "Лупашки", и его командир расстрелян²⁹.

Польские партизанские отряды и группы действовали также в советском партизанском движении в глубине Украины и Белоруссии, в рамках первой и восьмой Ленинградских бригад, в Латвии и в Эстонии, в первой Смоленской бригаде, в Украинской группировке и т.п. Их полное перечисление здесь не имеет смысла; это сделал в своих пионерских работах М.Юхневич, он также привел результаты боевой и диверсионной деятельности польских отрядов, свидетельствовавшей об их серьезном вкладе в борьбу советских партизан с гитлеровскими оккупантами и одновременно в укрепление польско-советского союза.

В связи с созданием весной 1944 г. Польского партизанского штаба ЦК ВКП(б) постановил передать ему польские отряды, подчинявшиеся до тех пор партизанским штабам Украины и Белоруссии, в целях их использования на территории

Польши в соответствии с планами ШШП. 12 мая 1944 г. в распоряжение ШШП переданы: группировка Становского, насчитывающая 866 человек, бригада им. Василевской (320 человек), бригада "Грюнвальд" (500 человек) и несколько других отрядов. Вскоре они переправились в район Люблина, где действовали вплоть до освобождения в июле 1944 г.

Сопоставление количественных показателей по разным источникам приводит к неожиданным результатам. Оказывается, что на Волыни, например, в ходе реализации плана "Бужа" в группировке АК в начале 1944 г. было мобилизовано около 6500 солдат, тогда как в многонациональном советском партизанском движении там уже действовало около 7000 поляков. В Белоруссии в 1943 г. в советском партизанском движении действовало около 3000 поляков, тогда как в АК в рамках "Бужа" было мобилизовано около 7000 человек. Таким образом, ничем не обоснован тезис, что только лагерь, связанный с правительством в Лондоне, полностью и исключительно представлял польское население на землях восточнее Буга и Саны.

Представленная картина борьбы поляков на этих землях позволяет утверждать, что, вопреки встречающимся все еще стереотипным взглядам об особом антисоветизме "приграничных" поляков, значительная часть тогдашнего польского общества, в том числе связанного с АК, видела реализацию своих национально-освободительных устремлений не в изоляции от советских народов, а в союзе с ними и эту идею претворяла в жизнь.

3. Отношения между бойцами АК и советскими партизанами

Эта проблематика является одной из наиболее сложных и одновременно наименее исследованных. Отношения между бойцами АК и советскими партизанами безусловно были отражением генеральных политических различий. Однако имевшиеся до сих пор поверхностные и упрощенные суждения польских и советских историков требуют критической оценки. До

настоящего времени отсутствуют, за небольшими исключениями, детальные исследования, которые показали бы, например, развитие этих отношений на отдельных территориях, совместное участие в боевых действиях против гитлеровских оккупантов и их пособников.

Отношения между подразделениями АК и советских партизан были отягощены сближением и взаимодействием СССР с немецко-польских боевых действиях 1939-1941 гг., что, несомненно, затрудняло реализацию межгосударственного договора от 30 июля 1941 г. о союзническом сотрудничестве в войне с Германией. Даже после его заключения центральные власти ЗВЗ (а с февраля 1942 г. Армии Крайовой) не отошли от схемы "двух врагов" Польши, т.е. Германии и СССР. По-прежнему продолжались острые политические споры о землях за Бугом, присоединенных в октябре 1939 г. к СССР, чего никогда не признало польское правительство в изгнании.

Впрочем, не только спор о границах отягощал эти отношения. Появление советских партизанских групп, состоявших в основном из "окруженицев" и убежавших из неволи солдат, а также парашютистов с "Большой земли", которые придавали этим группам организованный характер и нацеливали их на антинацистские диверсионные акции, командование АК расценивало как недопустимое и незаконное дело, ибо все это происходило без согласия правительства в Лондоне и квалифицировалось посягательством на территорию Польши.

Перед лицом обострявшегося спора о границах предметом особой заинтересованности властей правительенного лагеря стали земли за Бугом. Осенью 1941 г. при финансовой поддержке англичан, стремившихся таким образом создать видимость помощи для сражавшегося в одиночку Советского Союза, командование ЗВЗ приступило к диверсионной акции "Вахляк", которая должна была охватить оккупированные территории Украины и Белоруссии, вплоть до Днестра и Двины. В рамках этой акции было扑щено под откос более десяти немецких поездов и осуществлено несколько десятков других значительных боевых операций. Но отдача от акции "Вахляк"

оказалась несоизмерима с приложенными усилиями и понесенными потерями, тем более, что эффективного взаимодействия участников этой акции и советского подполья наладить на данной территории не удалось, оно было спорадическим.

В конце 1942 г. Главное командование АК приступило к формированию собственных партизанских отрядов, прежде всего в новогрудском, вильнюсском и волынском округах. Большинство этих отрядов прежде всего было вовлечено в защиту польского населения от полицейского аппарата оккупантов и отрядов УПА. Эти цели совпадали с целями советских партизан, что приводило к взаимодействию, особенно на Волыни. Позднее, однако, вследствие того, что как АК, так и советское подполье придерживались правительстенных позиций в вопросе государственной принадлежности территории, на которой они действовали, и каждая из сторон считала себя ее законным хозяином, дело нередко доходило до конфликтов, в т.ч. вооруженных, особенно в новогрудском округе. Еще в июне 1943 г. там было своего рода сосуществование и даже сотрудничество, например в борьбе с гитлеровской облавой в Налибецкой Пуще или в организации нападения на гитлеровский гарнизон в Ивеньце. Активную роль в осуществлении этого сотрудничества сыграли Казимеж Дзержинский (братья известного большевистского руководителя Феликса Дзержинского) и его жена Зофия, позднее расстрелянныеми немцами.

Однако в то же самое время - как докладывал комендант Новогрудского округа АК подполковник Януш Шульц - Шляский ("Правдзиц") - подчиненные ему отряды начали "очищение" лесов от советских партизан. Только в июне-июле 1943 г. один из подчиненных ему отрядов "уничтожил более 100 советских партизан". Было расстреляно 29 человек как "коммунистических и белорусских поводырей"³⁰. В этом также участвовал Столпецкий батальон АК (позднее I/78 пехотный полк). Раньше, пока им командовал поручик Кацупер Милашевский - "Левант", отношения с советскими партизанами складывались хорошо. После его отзыва и назначения на это место решением ГК АК майора Вацлава Пелки - "Вацлава" эти отношения ухудшились.

И ноября 1943 г. советские власти приказали разоружить Столпецкий батальон. Его команда и нескольких офицеров пригласили на переговоры с командованием советских партизан, что оказалось провокацией. Их судьба до сих пор не выяснена, хотя известно, что арестованные были самолетом доставлены в Москву. Считается, что все они расстреляны. Часть рядовых военнослужащих АК зачислили в советские отряды.

Из военных донесений того времени яствует, что у одного из убитых советских партизан был обнаружен приказ, подписанный командиром бригады Дубовым (полковник Георгий Сидорчук) о разоружении батальона АК 1 ноября, расстреле на месте оказывавших сопротивление и обязательной ликвидации командиров. Все это чрезвычайно обострило ситуацию. Командир той части Столпецкого батальона, которую разоружить не удалось, поручик Адольф Пильх - "Гура" достиг договоренности с гитлеровской службой безопасности в Минске. Суть ее заключалась в том, что он обязывался активно бороться с советскими партизанами. Взамен получил большое количество оружия, боеприпасов, обувь, велосипеды, карты и т.п. Уже вскоре командующий Минским округом мог доложить своему начальству, что Столпецкий батальон "прикончил и разоружил около 100 советско-местечково-еврейских бандитов"³¹.

В телеграмме от 8 января 1944 г. командующий АК ген. Комаровский донес о факте разоружения советскими партизанами части Столпецкого батальона ген. Сосниковскому и, помимо прочего, утверждал: "Оставшаяся часть батальона предприняла борьбу с большевиками. Погибло 15 большевиков, а 145 было разоружено. Собственные потери в бою составили 7 убитых и 12 раненых. Далее командующий докладывал: "... Немцы предоставили этому батальону 10 тыс. снарядов, 2 тяжелых пулемета и 4 миномета, признав его польским отрядом и позволяя ношение польских знаков различия. Я приказал осуществить разрыв отношений с немцами и в наименьшей мере пользоваться их помощью, избегать борьбы с боль-

шевиками, за исключением случаев необходимой самообороны..."³².

Комендант округа от АК подполковник Шлаский не выполнил приказа ген. Сосниковского и своего Главного командования о предании А.Пильха суду, снисходительно относился к его деятельности, которая привела к серьезным потерям с обеих сторон в результате кровавого конфликта между советскими и польскими партизанами. Лишь весной 1944 г.

Шлаский был освобожден от занимаемой должности. Тогда как Пильх - "Гура" во время летнего советского наступления отошел вместе с немцами, которые направили его в Кампинскую Пущу. Там он покинул немцев и начал борьбу с ними в рамках группировки АК "Кампинос"³³.

Сporадически конфликты между советскими и польскими партизанами случались также на других территориях, включенных в 1939 г. в состав СССР, где каждая из сторон считала себя единственным и законным хозяином данной территории. Особая ситуация создалась на Белосточине. Поскольку туда не добралась ПМР, коммунисты-польки действовали там в составе многонациональных антифашистских комитетов, тогда как сражались с оккупантами чаще всего в рамках советского партизанского движения, которое основывалось на позиции принадлежности этих земель с польским по преимуществу населением к Белорусской ССР, используя главным образом русский (или белорусский) язык. И по этой, и по ряду других причин советские партизаны здесь не смогли снискать широкой поддержки польского населения. Тамошние поляки главным образом связывались с АК и правыми организациями (НОВ, НСЗ), обладавшими влиянием на этих территориях в довоенный период.

Политические конфликты приобретали там часто форму межнациональной борьбы. Большую роль сыграл в этом комендант округа АК подполковник Владислав Линярский - "Мотислав", который 30 июля 1943 г. приказал: "Ликвидировать немедленно со всей беспощадностью... коммунистов и коммунисточно-еврейские банды". Вскоре он уже докладывал

своему начальству, что, помимо прочего, в повяте Сокулка убито 7 человек в качестве коммунистов, несколько человек в Замброве и Мишынце, много советских партизан и сотрудничавших с ними поляков – около Хайнувки, Бельска, Семятыч, Высока Мазовецкого³⁴.

Хотя на других территориях до таких конфликтов не доходило, несомненно то, что здесь сказалось отрицательное влияние директив центральных властей правительенного лагеря. Командующий АК ген. Комаровский утверждал в телеграмме от 27 июля 1943 г. в Лондон: "Я борюсь с провокационными большевистскими акциями и бандитизмом", а представитель эмигрантского правительства в стране Ян Станислав Янковский 31 июля информировал его членов о том, что приказал "разбивать банды большевистских диверсантов"³⁵. Так именовались в этих кругах отряды Гвардии Лидовой и советских партизан. Этому предшествовало издание в середине сентября 1942 г. известного приказа ГК АК № 116 "О борьбе с бандитизмом". Такого рода инспирирование и приказы вызывали серьезное обострение ситуации, привели к немалым жертвам.

Не следует обходить и факты, когда отрицательное влияние на состояние отношений между советскими и польскими партизанами оказывал также упрощенный и во многом основанный на предрассудках подход некоторых командиров советских отрядов к АК, которую они считали – независимо от конкретной позиции ее командования и отдельных звеньев – фашистским формированием, "националистическими бандами", а солдат АК именовали не иначе, как "белополяками". Отнюдь не единичными были случаи провокационных приглашений на беседы "аковских" офицеров, а затем их ареста и – в лучшем случае – вывоза в тюрьмы в глубинных районах СССР. Так, например, поступили на Волыни с командованием отряда "Бомбы" капитана Владислава Коханьского – "Вуйка", сотрудничавшего с советскими партизанами. Наряду с упоминавшимся уже разоружением Столпецкого батальона, 26 августа 1943 г. около озера Нароч был разоружен отряд АК поручика Антона Бужиньского – "Кмлицица", которого расстреляли³⁶.

Требуют изучения последствия постановления ЦК КП(б) Белоруссии, принятого 22 июня 1943 г. на пленуме в Москве. Оно предполагало, что на территории Белоруссии (таковой считались тогда даже регионы Белостока и Ломжи) допустима деятельность только таких организаций и отрядов, которые руководствуются интересами советского государства.

Деятельность организаций, подчинявшихся польским буржуазным центрам, следовало расценивать как противоправное вмешательство в дела БССР. Постановление в заключительной своей части предписывало: "Всеми способами бороться с националистическими отрядами и группами"³⁷.

Много конфликтных ситуаций возникало на почве добывания для партизан продовольствия, что каждая из сторон, как правило, считала бандитизмом. А ведь в сельских местностях, откуда можно было получить продовольствие, овирепствовали бандитские группы, дезертиры из колаборационистских полицейских формирований и т.п. Если они говорили по-русски, то грабеж ими сельского населения зачастую приписывался советским партизанам.

Конфликтов между АК и польской самообороной, с одной стороны, и советскими партизанами – с другой, не было много, но они имели такой негативный резонанс, который перекрывал по своему значению более многочисленные факты, свидетельствовавшие о позитивном сотрудничестве этих двух серьезных антифашистских сил. Немало фактов совместной борьбы против нацистской Германии и ее местных подручных имелось даже в тех округах, где случались наиболее острые конфликты между советскими и польскими партизанами. Например, в регионе Новогрудки с советскими партизанами имел соглашение батальон под командованием капитана Станислава Трушковского – "Штремера", так же как и батальон поручика Яна Пивняка – "Покурого". На Виленщине бригада капитана Грициана Фрога – "Шербца", вместе с бригадой Дмитрия Борисова разбила 28–30 марта 1944 г. немецкий гарнизон в Троках и освободила узников. Там удалось решить много опорных вопросов, связанных с продовольственным снабжением и

передвижением в лесах, в результате переговоров, проведенных в июне 1944 г. между командующим вильнюсским округом АК Александром Кжеижановским - "Вильком" и полковником Марионасом Ницейлка - командиром Южно-Литовской партизанской бригады.

В волынском и львовском округах имелось много примеров успешного взаимодействия советских и польских партизан как в борьбе с немцами, так и с отрядами украинских националистов из УПА, проводивших массовый террор против поляков, евреев, русских и других так называемых врагов Украины. Местное польское население все чаще видело своих защитников также в советских партизанах. По существу, большинство в действовавших там отрядах советских партизан состояли из украинцы, а украинские крестьяне, оказывавшие к партизанам расположение, сполна разделили трагическую судьбу польских крестьян.

М.Юхневич, анализируя весь комплекс отношений между АК и советскими партизанами на западных территориях Украины и Белоруссии, а также на Виленщине, пришел к обобщающему выводу, что, "несмотря на инциденты, можно говорить о сосуществовании действовавших на одной и той же территории партизанских отрядов АК и советских партизанских отрядов"³⁸.

Отношения сосуществования, однако, серьезно обострились в периоды, предшествовавшие освобождению этих земель Красной Армией, когда отдельные группировки АК приступили к реализации плана "Була", разработанного их Главным командованием и утвержденного правительством в Лондоне. План предполагал поставить под ружье максимальное количество поляков, т.е. мобилизовать местные организации и создать из них дивизии, полки, батальоны с тем, чтобы в момент отступления немцев, но перед вступлением советских войск нанести удар по немецким арьергардам, овладеть отдельными местностями и предстать перед Красной Армий в роли хозяев. Вместе с этим солдатам АК запрещалось вступать в Польскую армию, оформленную на территории СССР,

а позднее в народное Войско Польское, признавшееся Советским правительством единственной дружественной силой в связи с отсутствием дипломатических отношений с лондонскими польскими властями. Запрещалось сдавать оружие по требованию советской администрации, при этом был приказ продолжать поддерживать радиосвязь с Лондоном и другие формы независимой деятельности, в т.ч. информационно-разведывательную. По своей сути это должно было привести к конфликтной ситуации, которую, впрочем, власти АК предвидели. "Предоставляя Советам минимальную военную помощь, мы создали, однако, им политические трудности... Это вынудило Советы к преодолению нашей воли силой ... должно будет наступить явное насилие, что может вызвать протест дружественных нам союзников", — телеграфировал ген. Комаровский в Лондон 14 июля 1944 г.

В ходе мобилизации по плану "Бужа" из рядов АК-овского подполья, насчитывавшего в восточных округах около 50 тыс. организованных членов, удалось поставить под ружье около половины. При этом следует принять во внимание, что в начале 1944 г. там действовало около 2 тыс. партизан АК, из них более 1 тыс. в новогрудском округе⁴⁰. Усилия по мобилизации здесь оказались куда более успешными, чем на польских землях западнее Буга, где было мобилизовано 8-15% организованного резерва.

Тем временем на Волыни не только не случилось ожидавшегося конфликта между советскими войсками и 27-й Волынской дивизией АК, но вопреки запретам там в мае 1944 г. произошло вступление одного из отрядов польских партизан численностью примерно в 350 человек в Польскую армию в СССР. Ген. Сосинский приказал 7 июля 1944 г. воинским подразделениям АК, действовавшим по плану "Бужа", участвовать в освобождении Вильнюса и Львова. Более 5 тыс. солдат АК участвовало в Вильнюсской операции и 3 тыс. — во Львовской. Они оказали существенную помощь Красной Армии в этих операциях. Командиры упомянутых польских соединений — ген. Александр Кликановский — "Вильк" и ген. Владислав

Филипповский - "Янка" в соответствии с полученными приказами отказались включить свои соединения в Польскую армию в СССР или в народное Войско Польское. Произошло их разоружение и интернирование в глубину России офицеров и части рядовых. Некоторые отряды не сложили оружия и начали борьбу в лесах. Репрессии НКВД при этом затрагивали также многих людей, которые никогда не боролись против Красной армии и не действовали в подполье. Достаточно было просто принадлежности к АК во время немецкой оккупации, чтобы быть приговоренным к многолетнему тюремному заключению за "антисоветскую деятельность". Подобную судьбу разделили и группировки АК на Любельшизне, насчитывавшие более 8 тыс. солдат, а также в районе Жешова, где под ружье было поставлено около 4 тыс. человек.

Именно таким образом боевые командиры и солдаты АК стали жертвами необоснованных жестоких репрессий сталинско-бериевской репрессивно-административной системы советского тоталитарного социализма, примитивированного подхода вождей этого социализма к польским вопросам. "Солдаты АК, - писал Мечислав Юхневич, - вместо участия в праздновании победы переживали горечь трагедий"⁴¹. Заметим также, что свою роль в этих трагедиях сыграла ошибочная, а порой и просто безответственная антикоммунистическая, антисоветская политика Главного командования АК и эмигрантского лондонского правительства.

Независимо от критической оценки политических и военных аспектов деятельности Армии Крайовой, в т.ч. операции "Бужа", нельзя, однако, по-прежнему игнорировать факт, что в кровопролитных боях с немцами на территориях, принадлежащих сейчас СССР, участвовали многие тысячи солдат и офицеров АК, что по мере своих сил и возможностей они помогали Красной армии, особенно в боях под Коно, за освобождение Вильнюса и Льгова, и понесли при этом серьезные потери. Все они снискали за свой геройзм законное уважение, а те, что полегли в боях, заслужили достойное увековечение их могил. Солдаты и офицеры АК должны стать

объектом добросовестной, детальной оценки историков – как польских, так и советских.

Несправедливая оценка деятельности АК советским руководством, обрушившиеся на нее репрессии НКВД легли тяжелым бременем на весь комплекс польско-советских отношений. Они оказали влияние также на формирование политических позиций главных сил АК, действовавших с другой стороны фронта, в т.ч. на оккупированных западных польских землях. Неспокойные вести, поступавшие, особенно с июля 1944 г., с восточных освобожденных земель, отравляли атмосферу отношений между АК и советскими отрядами, а также АК и АЛ на оккупированных еще землях. Однако, несмотря на это, многие командиры местных отрядов АК не поддавались антисоветским настроениям, а руководствовались национальными интересами, продолжали в различной форме сотрудничать с советскими партизанами.

На польских землях, входивших в состав Генерального губернаторства или непосредственно включенных в нацистский Рейх, первые советские партизанские отряды, т.е. подчиненные центрам командования СССР, появились в начале 1944 г. Инциденты или конфликты между ними и отрядами АК, а также связанными с ней организациями были редки. Наоборот, известны многие факты боевого взаимодействия между этими отрядами – как рейдовыми, так и десантными, взаимное предоставление разведывательной информации о неприятеле и т.д. В связи с бесспорно польской принадлежностью этих земель здесь не возникала проблема их государственной идентификации, которая была одной из главных причин конфликтов на землях за Бугом.

Уже в феврале 1944 г. прибывший на Любельщину группировке ковпаковцев под командованием Вершигоры оказал большую помощь отряд АК Тадеуша Кунцевича – "Подковы". Было осуществлено несколько совместных акций против немецкого транспорта. С группировкой Ивана Банова – "Черного" в повяте Луковском на Подлясе сотрудничал командир отряда АК Пшемак – "Остояй". Во время битвы в липских и яновс-

ких лесах с отрядами АЛ и советскими подразделениями сотрудничал отряд АК, вышедший из НОВ, которым командовал Болеслав Усов - "Конар". В Августовской Пуще с советскими партизанами, в частности с десантным отрядом майора Владимира Цвекиньского - "Орлова", взаимодействовали отряды Альбина Джевецкого - "Конвы", Юлиана Вербицкого - "Романа" (погиб), Францишека Гаворовского - "Лесного" (застрелен по приказу командования Белостоцкого округа АК)⁴².

Серьезные размеры приобрело сотрудничество АК с советскими партизанскими отрядами, прибывшими на Подхале осенью 1944 г. Там было осуществлено много совместных акций на железной дороге с рейдовыми и десантными отрядами, которыми командовали Иван Золотарь, Николай Казин - "Калиновский", Савелий Лесьниковский и др. В этом участвовали отряды АК под командованием Тадеуша Мазуркевича - "Боруты", Юлиана Запалы - "Лампарта", Юлиана Зубека - "Татара", Хенрика Запалы - "Харнась I" при существовании соглашения с командиром новотарского округа майором Адамом Стабровой - "Боровым"⁴³.

На землях, включенных в Рейх, куда - особенно во второй половине 1944 г. - было заброшено большое количество советских разведчиков-парашютистов и где имелись огромные трудности в передвижении по местности, им оказали помощь местные посты и лесные отряды АК. Чаще всего это было в Поморье, в регионе Великая Польша, в Северной Мазовше, Сувалшизне и т.д. В частности, совершенно неоценимой представляется такая помощь в сфере разведывательного сотрудничества⁴⁴. Во многих случаях к взаимодействию с советскими подразделениями, наряду с АЛ и АК, подключались также Батальоны хлопске, ВО ШС и другие военные организации, в большинстве своем входившие тогда в состав Армии Крайовой. Перечислить все эти факты здесь невозможно.

Анализ предыдущих исследований проблемы отношений между советскими партизанами и отрядами АК, а также ее деятельности в целом приводит к осознанию четкой методологической необходимости, требующей рассмотрения этой пробле-

матики таким образом, чтобы учитывалась значительная политическая и социальная дифференциация Армии Крайовой, оценивалась деятельность отдельных человеческих коллективов в ее рамках на основе точно установленных фактов, а не идеологических клише коммунистического или антисоветского толка.

В предыдущих публикациях приведено огромное количество фактов совместных действий польских и советских партизан, что является результатом многолетнего кропотливого сортирования материалов и изучения огромного количества источников, находящихся в польских, советских, а также немецких архивах. Опираясь на проведенные исследования, польские авторы, особенно М.Юхневич и Ю.Тобиаш, предприняли попытку определения количественных показателей рассматриваемых явлений, констатируя, что, например, в советских партизанских отрядах на территории СССР находилось более 11 тыс. поляков (не считая имевших до 1939 г. гражданство СССР), а на территории Польши сражалось около 20 тыс. партизан — советских граждан, в т.ч. — 7-8 тыс. в польских формированиях. К этому следует добавить огромное число поляков, в разных формах сотрудничавших с советскими партизанами, т.е. информировавших, укрывавших и оказывавших им всестороннюю помощь или просто сочувствовавших. Это приводит к выводу, подтвержденному и в работах советских историков, что а) участие советских граждан в освободительной борьбе польского народа было значительно большим, чем участие представителей других народов, а также, что б) участие поляков в советском партизанском движении преосходило участие в нем граждан других государств.

Это свидетельствует не только о количественных показателях польско-советского сотрудничества в антифашистской борьбе. Это свидетельствует также о том, что, несмотря на усилия оккупантов и разных националистических кругов, стремившихся к разжиганию взаимной неприязни поляков, русских, украинцев, белорусов, литовцев и других народов, несмотря на существование спора об исторических правах на

относившиеся когда-то к Польше земли, населенные преимущественно не поляками, несмотря на сталинские извращения и связанную с этим напряженность, - развивался прогрессивный процесс сближения народов, преодоления застарелых предрассудков, создания уз дружбы, доверия, братства по оружию, прокладывала себе путь объективная закономерность объединения людей разных национальностей во имя борьбы против общего врага "за Ваду и нашу свободу".

Примечания

1. Боевое содружество советского и польского народа. М., 1973; Под знаменем боевой дружбы. М., 1977; Polska-ZSRR. Internacjonalistyczna współpraca - historia i współprzesność. Warszawa, 1978; Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1987; очерки истории советско-польских отношений. М., 1977.

2. Wł.Góra, M.Juchniewicz. Walczyli razem. O współpracy polskich i radzieckich oddziałów partyzanckich w latach II wojny światowej. Lublin, 1972; M.Juchniewicz. Polacy w radzieckim ruchu podziemnym i partyzanckim 1941-1944. W-wa, 1973; M.Juchniewicz. Na wschód od Bugu. W-wa, 1985; J.Tobiasz. Na tyłach wroga. Obywatele radzieccy w ruchu oporu na ziemiach polskich 1941-1945. W-wa, 1972; I. Paczyńska. O latach wspólnej walki. W-wa, 1978; M.Gnatowski. Za wspólną sprawę. Lublin, 1970; R.Nazarewicz. Razem na tajnym froncie. Polsko-radzieckie współpracy wywiadowcze w latach II wojny światowej. W-wa, 1983 i inne.

3. Przez uroczyska Polesia i Wołynia. W-wa, 1963; Byli z nami. O działalności radzieckich i polskich partyzantów na ziemiach polskich. W-wa, 1966; W jednym szeregu. W-wa, 1969.

4. В.Клоков.Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей. Киев, 1961; М.Семиряга. Советские люди в европейском движении Сопротивления. М., 1970; Вл. Замлынский. По велению интернационального долга. Киев, 1980; В.Парсаданова. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982 и др.

5. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. W-wa, 1973. T.VII. S. 232, 242, 288.

6. T.Walichnowski/ red./ Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR 1939-1945//Przegląd piśmienictwa. W-wa, 1998; В.О.Парсаданова. Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989, № 2. С.26-44.

7. Dokuments on Polish-Soviet Relations 1939-45.V.I. London, 1961. Р. 352-353, 590-591, 604.

8. Rzeczpospolita Polska, 1941, 16.X; Biuletyn Informacyjny, 1941, 21.VIII, II 1 25. IX; 1942, 26.III, 7.V, 14.VI, 2 i 24.VII; WRN, 1942, 21.II, 27.IV, 8.VI.

9. Centralne Archiwum KC PZPR /dalej CA KC/, t.228/I-5 k.28.
10. R.Назаревич. Советские военнопленные в Польше в годы второй мировой войны//Вопросы истории. 1983. № 3. С.35-43.
11. "Barykada Wolności", 1941, 10.VI.
12. Gwardia Ludowa. Warszawa, 1967, s.31, 43, 68.
13. M.Wieczorek. Armia Ludowa - Powstanie i organizacja. Warszawa, 1979, s.267.
14. CA KC, zespół 190. Wymiana depesz pomiędzy KC a KW MK.
15. "Rada Narodowa", 1944, nr 3 z 5.II.
16. R.Nazarewicz. Drogi do wyzwolenia. Warszawa, 1979, s.224-226.
17. CA KC, t.190/I-6 k.26-28.
18. M.Wieczorek. Armia Ludowa - działalność bojowa. Warszawa, 1984, s.321 i nast.
19. Wł. Góra, M.Juchniewicz, op. cit., s.37, 97.
20. W.Tuszyński. Lasy Janowskie i Puszcza Solska. Warszawa, 1970.
21. B.Hillebrandt. Brygada Świętokrzyska NSZ.// "Wojenny Przegląd Historyczny", 1964, nr 1.
22. Documenta Occupationis, t.II. Poznań, 1946, s.12.
23. Правда, 1989. 13 октября.
24. Шире этот вопрос освещён в докладе на конф. в связи с 70-летием КПЗУ, организованной в апр. 1989 г. во Львове Инст. истории партии при ЦК КПУ и Инст.истории раб.движения АОН в Варшаве.
25. Bundesarchiv Koblenz, R-58/216 do 221. Ereignismeldungen UdSSR; Fall 9. Berlin 1963.
26. Bundesarchiv Koblenz, R-58/220, R-58/698.
27. Armia Krajowa w dokumentach, t.I. Londyn, 1970, s.160, 236, 298. Instrukcje KG ZWZ z 11.III, 5.V, 29.IX 1940.
28. W.Parsadanowa, op.cit., s.147-149; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich, t.III, s.410.
29. M.Juchniewicz, op.cit., s.287.
30. CA KC, t.228/26-3, k.52-54, 79.
31. CA KC, t.203/XII k.16-47, 133-134.
32. W.Babiński. Przyczynki historyczne do okresu 1939-1945. Londyn, 1967, s.241, 242, 639, 640; J.Erdman. Wyrok na brata. // "Zeszyty Historyczne", Paryż, 1980, nr 51, s.111.
33. J.Krzyczkowski. Konspiracja i powstanie w Kampinosie. Warszawa, 1961, s.162-168.
34. CA KC, t.203/XII k.1-45.
35. CA KC t.203/I-13 k.38; t.202/I-7 k.40.
36. M.Juchniewicz, op.cit., s.303; R.Korab-Żebryk. Operacja wileńska AK, Warszawa, 1985; rel. ustne.
37. M.Juchniewicz, op.cit., s.247.
38. Tamże, s.376.
39. Armia Krajowa w dokumentach, t.III. Londyn, 1976, s.549.

40. M.Turlejska. Spór o Polskę. Warszawa, 1972,
s.236-241. Dane oparte na sprawozdaniach komend okręgów
AK.
41. M.Juchniewicz, op. cit., s.313-314.
42. M.Gnatowski. Białostoczyzna w latach wojny i oku-
pacji hitlerowskiej. Białystok, 1979, s.663, 752.
43. I.Paczyńska, op. cit.
44. R.Nazarewicz. Razem na tajnym froncie, op. cit.,
s.208-266.

ВЛАДИСЛАВ ГУРА

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН
НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Обзор имеющихся научных и публицистических работ в сфере обозначенной в заглавии проблематики ясно показывает, что она уже обрела "гражданство" и привлекла к себе внимание многих исследователей. Еще выразительнее свидетельствует об этом тот факт, что эта проблематика включена в меньшей или большей мере во многие обобщающие работы, касающиеся периода второй мировой войны, что она затрагивается в исследованиях, посвященных истории движения сопротивления и в мемуарной литературе.

Здесь будет интересно отметить, что ряд важных научных работ в этой области появился именно в Польше. Следует назвать прежде всего книгу Ю.Тобиаша "В тылу врага", посвященную участию советских граждан в движении сопротивления на польских землях, которая была опубликована в 1972г., а также фундаментальную монографию М.Юхневича "Поляки в советском подпольном и партизанском движении 1941-1944 гг.", два издания которой появились в 1973 и 1975 гг., а дополнительное очередное издание в 1985 г. под названием "К востоку от Буга. Поляки в антигитлеровской борьбе на территории СССР 1941-1945 гг.". Более синтетический характер имеет книга В.Гуры и М.Юхневича² "Сражались вместе", касающаяся сотрудничества польских и советских партизан и изданная в 1972 г. Об участии советских граждан в партизанском движении келецкого и краковского регионов пишет И.Пачинская в обширной и фактологически богатой монографии "О годах совместной борьбы", опубликованной в 1978 г.

Если то, что достигнуто, сравнивать с состоянием разработанности этой проблематики, скажем, в 1958 г., когда кроме небольшой брошюры В.Гуры¹ на эту тему не было ничего издано, то прогресс без сомнения огромный. К монографическим исследованиям надо прибавить статьи и большое количест-

во мемуаров и сборников воспоминаний. Наряду с многочисленными польскими авторами, такими, как Юзеф Собесяк, Михаил Кунецкий, Эугениуш Иванчик-Висылиц, Мечислав Мочар, Марьян Яниц и многими другими, опубликовали свои воспоминания выдающиеся руководители партизанского движения в СССР. В их числе Антон Бринский, Алексей Федоров, Леонид Беренштейн, Иван Шубитидзе, Терентий Новак, Николай Прокопук и др.²

Анализ общих условий, сделавших возможным участие советских граждан в польском движении сопротивления, а поляков в советском — очень сложная задача, требующая рассмотрения ряда факторов, как международного, так и внутреннего характера. Общее число советских граждан — солдат Красной Армии, которые боролись в рядах польского движения сопротивления и прежде всего польского партизанского движения, оценивается в 12 тысяч. Их преобладающая часть — около 9 тыс. — оказалась в рядах Гвардии и Армии Людовой, остальные сражались главным образом в Батальонах Хлопских и в Армии Крайовой. Возникновение Польской рабочей партии (ППР) в январе 1942 г. создало для советских людей, которые разными путями, чаще всего при помощи польских патриотов, освобождались из немецкого плена, дополнительные возможности для дальнейшего участия в антигитлеровской борьбе, начатой ими летом 1941 г. Это было связано с интернационалистскими взглядами организатора и политического руководителя ГЛ и АЛ — возрожденной партии польских коммунистов. "Польский народ не обособлен в своей борьбе за свободу, — писала ППР в своем первом воззвании. — Обшим фронтом с нами борются за свое освобождение все славянские народы. Не хотят быть и не будут невольниками Гитлера ни чехи, ни словаки, ни карпатские украинцы, ни сербы, ни хорваты, словенцы, болгары и другие, также как и мы, поляки. Вместе с великим русским народом мы поднимаемся на священную борьбу за освобождение славян от тевтонского ярма. Рука об руку с польским народом сражаются французский, белгийский, голландский, норвежский и другие народы. Гит-

леровская Германия встретилась с мужественным сопротивлением английского народа"³.

Интернационалистская позиция ППР определила ее позитивное отношение к советским людям, которые оказались во время войны на польских землях. Рекрутировались они главным образом из убежавших из многочисленных лагерей военнопленных. Общее число беженцев из этих лагерей – около 67 тысяч.

ППР, организовывая сопротивление гитлеровским оккупантам, придавала огромное значение включению в него советских военнослужащих. Боевой опыт и военные знания, ненависть к гитлеровцам делали их надежным и верным союзником в борьбе с нацистскими захватчиками.

Советские граждане, находившиеся в ГЛ, а затем в АЛ, сражались или в отрядах со смешанным национальным составом (с преобладанием поляков), или в отдельных отрядах. Процесс выделения из отрядов ГЛ, а позднее АЛ самостоятельных партизанских отрядов, составленных исключительно из советских граждан, начался на рубеже 1943/1944 гг. Но несмотря на это, и в 1944 г. почти не было ни одного отряда АЛ, в котором не встречалось хотя бы несколько советских граждан, а очень часто даже целых отделений, взводов или рот. В отряде им. Стефана Чарнецкого – первом партизанском отряде Гвардии Людовой, который под командованием "Малого Франека" (Франтишека Зубжинского) отправился из Варшавы в петровские леса 15 мая 1942 г., из 14 человек было трое советских военнопленных: "Николай", "Михаил" и "Янек". Они принимали участие в боевых действиях отряда и погибли в боях.

На территории округа Варшава – Прага-Подмейска, охватывавшего находившиеся к востоку от столицы повяты (минско-мазовецкий, гарволинский, венгроновский, ликовский и седлецкий), с ноября 1942 г. по март 1943 г. действовал отряд Гвардии Людовой под руководством Петра Финансова ("Петр", "Петров"), капитана Советской армии. Финансов убежал из лагеря для военнопленных в Ячове (4 км от Минска Мазовецкого) 24 октября 1942 г. с помощью местной организации

ППР, находившейся на той же территории. Вместе с руководством организации ГЛ он продолжал деятельность, стремясь освободить из лагеря других советских военнопленных. В ноябре 1942 г. Петр возглавил отряд, в состав которого вошло 10 советских солдат, несколько членов ГЛ из ранее разгромленных организаций, а также группа еврейской молодежи, которой помогли покинуть гетто. Всего отряд насчитывал 26 человек. Он провел ряд операций, разгромив, в частности, полицейский пост в Деманицах в Седлецком повяте, а также уничтожив гминные управлений в Адамове и Воднях в Дуковском повяте. Он совершил диверсии на участке железной дороги Минск-Мазовецкий - Леопольдов - Неджведж, а под Демблином обстрелял группу немецких летчиков, из которых 7 погибло. 28 марта 1943 г. отряд, направлявшийся в район Вышкова, остановился на ночлег в местности Побротмы в Венгрковском повяте. Здесь он был застигнут врасплох превосходящими силами жандармерии и полиции и почти полностью уничтожен. Пало одиннадцать партизан, в том числе Петр Финансов. Только двум партизанам удалось пробиться через кольцо окружения и спастись.

Из более крупных отрядов, действовавших главным образом в том же округе и состоявших в основном из советских граждан, следует назвать отряд им. Яна Килиньского под командованием советского офицера Серафима Алексеева. Боевые действия этого отряда распространялись преимущественно на привислинские территории от Саны до Юзефова над Вислой. Отряд возник весной 1942 г., а летом того же года был подчинен Гвардии Людовой. Бойцы отряда поддерживали дружественные отношения с населением ближайших деревень, причем многие крестьяне сотрудничали с "Серафимом" и помогали ему различными способами. За выдающиеся заслуги Верховное командование Гвардии Людовой присвоило Алексееву 15 ноября 1943 г. звание капитана ГЛ.

Относительно небольшое количество советских граждан оказалось в рядах ГЛ и АЛ в районе Люблина.

В октябре 1941 г. из лагеря военнопленных в Бялой Подляской сбежала группа советских офицеров и солдат. Одним из них был чуваш лейтенант Яков Николаев, по профессии учитель, выпускник Леоного техникума и Педагогического института в Чебоксарах, столице Чувашской АССР. Приняв псевдоним "Чуваш", он стал командиром партизанского отряда, организованного так называемой Боевой Организацией Людовой (БОЛ), в состав которой вошли советские офицеры "Михаил" и "Давид", по происхождению осетины, еще несколько советских военнопленных, а также группа поляков, бывших членов КПП и Коммунистического Союза польской молодежи из деревень в районе Парчевы. Всего отряд "Чуваша" насчитывал около 30 чел. и уже в ноябре 1941 г. начал боевые действия. Его первая акция - нападение на два автомобиля с жандармами на шоссе Парчев - Владава. Жандармы были убиты, автомобили подожжены. В декабре отряд "Чуваша" пустил под откос военный поезд на линии Луков - Люблин, поджег мосты на дороге Острув - Любартув, а также выдержал тяжелый бой с жандармерией в деревне Бурадов в Парчевском повяте. В январе 1942 г. этот отряд установил контакт с партизанским отрядом Федора Ковалева - "Феди", в состав которого вошел в феврале этого же года.

Осенью 1941 г. в дом активистов БОЛ семьи Сидоров, в деревне Рудка Кияньска, находящейся в районе парчевских лесов, пришел убежавший из лагеря военнопленных в Демблине лейтенант Советской армии Миша Петросян. В это время семья Сидоров переживала глубокую трагедию, т.к. перед приходом Петросяна умер от тифа отец семьи, а некоторое время спустя один из братьев - Болеслав, соорганизатор и вожак БОЛ. Миша не испугался тифа и остался в доме Сидоров пелую зиму. Он был по происхождению армянином, а его уравновешенный характер и сердечность располагали к нему всех. Он проводил боевые занятия с десятками групп молодежи из БОЛ, а в конце января встал во главе партизанского отряда, в который входили местные крестьяне и советские военно-пленные. Отряд, базой которого и районом деятельности были

парчевские леса, провел ряд мелких саботажных акций, таких, как обрыв телефонных проводов, и т.п. Весной 1942 г. отряд вошел в состав группировки Федора Ковалева.

Группировка, сражавшаяся под командованием Федора Ковалева ("Теодор Альбрехт", "Федя"), была в то время наиболее сильной партизанской частью на Люблинщине. Федор Ковалев - выходец с Украины. Выпускник военной офицерской школы в Воронеже, он оказался на фронте в первые дни войны как командир автомобильного батальона в звании старшего лейтенанта. Раненый в бою, попал в немецкий плен в окрестностях Бреста. Вместе с несколькими товарищами совершил побег во время перевода в другой лагерь в ноябре 1941 г. Скрываясь в деревне Русилы около Ополя Владавского, Федор встретился с известным революционным деятелем, коммунистом Яном Холодом. Вместе они организовали в январе 1942 г. партизанский отряд, в котором Федор стал командиром, а Холод - его заместителем по политическим вопросам.

К концу мая 1942 г. отряд Федора насчитывал уже около 200 чел. Однако нехватка оружия создавала большие трудности в расширении боевой активности, и поэтому было принято решение переправить часть отряда за Буг. В июне в район Ратно - Камень Коширский двинулась группа, насчитывающая около 100 партизан, причем значительная их часть была не вооружена.

В июле 1942 г. в парчевские леса из Варшавы прибыл как делегат ППР и Верховного командования ГП Юзеф Вальнерак (псевдоним "Альманзор") - интербригадовец, переброшенный из Франции "Польской языковой группой" французской компартии. В результате проведенных переговоров отряд Федора вошел в состав Гвардии Людовой, приняв имя генерала Юзефа Бема. В апреле 1943 г. после сражения с немцами в парчевых лесах отряд, пережив частичное раздробление, оформился как отряд им. Адама Мицкевича. Первоначально большинство в отряде составляли советские граждане, позднее - поляки. В нем находились русские, украинцы, поляки, евреи, грузины, осетины и т.д. Командиром отряда был "Федя", его замести-

телями - Ян Холод и Юзеф Бальнерак.

Одна из наиболее известных акций на Люблинщине, в которой участвовал отряд "Феди", - схватка с гитлеровцами в парчевских лесах 22-24 апреля 1943 г. Отряд был там окружён сильными военными частями, вооруженными автоматическим оружием, пушками и самолетами. Всего из-за несколько стычек с наступающим врагом, отряд посредством дерзкой атаки вырвался из окружения. Немцы добились победы ценой потери нескольких десятков убитыми и повреждением трех самолетов. Партизаны потеряли более десяти человек, в том числе героического грузина "Давида", который, руководя партизанской группой из нескольких человек, мешал войти в лес в течение нескольких часов целому немецкому батальону.

В августе 1943 г. Федор был переведен в распоряжение командования Люблинского округа ГЛ для налаживания в нем организационной работы и обучения. 6 октября 1943 г. он отошел за Буг вместе с группой партизан, чтобы соединиться с известной советской партизанской группировкой генерала Алексея Федорова. За большие заслуги получил звание майора ГМ и награжден Крестом Грюнвальда.

В мае 1943 г. командование Люблинского округа ГЛ установило контакт с советским партизанским отрядом в Белоруссии и группировкой украинских партизан (командир генерал А.Федоров). В результате установления сотрудничества с этой группировкой значительно увеличилась помощь советских партизан отрядам ГЛ в Люблинском регионе, прежде всего в форме поставок взрывчатки и автоматического оружия. Соглашение, заключенное в 1944 г. с командованием АЛ Люблинского округа, предусматривало, что находящиеся в ее отрядах советские граждане должны были временно оставаться на польских землях, за исключением танкистов и летчиков, которых следовало переправлять за Буг.

В июле 1942 г. в Красьницком повяте начал свою деятельность партизанский отряд под командованием прибывшего из Варшавы Гжегожа Корчиньского. Участник гражданской войны в Испании, а затем французского движения сопротивления,

Корчиньский прибыл в Польшу из Франции в составе группы интербригадцев благодаря содействию ШПР. Первоначально отряд насчитывал пять человек, из которых трое - бывшие советские военнопленные. Однако численность отряда быстро увеличивалась, к нему присоединялись советские военнопленные, сбежавшие из гетто евреи, молодые крестьяне из окрестных деревень. В начале августа "Гжегож" присоединился к партизанскому отряду под командованием известного уже в южной Люблинщине Антони Паленя (псевдоним "Ястреб").

Объединенный отряд, командиром которого стал "Гжегож", принял имя Тадеуша Костюшко. Он установил контакты и подчинил себе скитавшиеся по лесам группы бывших советских военнопленных. В конце сентября он насчитывал около 100 хорошо вооруженных партизан и действовал на территории повятов: Былгорайского, Яновского, Томашовского, Хрубешовского и Замойского. Широко известным стал этот отряд после нападения на тюрьму в Красынике 9 октября 1942 г., из которой было освобождено 45 поляков. 7 ноября отряд овладел концентрационным лагерем в Янишове в Яновском повяте, из которого освободил свыше 500 приговоренных к смерти евреев. В феврале и марте 1943 г. отряд им. Т.Костюшко выступил в рейд на территории Замойского и Былгорайского повятов, где неистовствовал в это время гитлеровский террор. Зверства оккупантов вызвали отихийное и массовое сопротивлениепольского населения, рейд по этим территориям преследовал цель оказания ему помощи. Именно тогда к отряду им. Тадеуша Костюшко присоединилось несколько действовавших на этих территориях партизанских отрядов, в составе которых были советские военнопленные и крестьяне, сбежавшие в леса от выселения. Таким образом, в марте 1943 г. возникла оперативная группа им. Т.Костюшко, состоявшая из 7 отрядов и насчитывающая свыше 300 чел. Из них 3 отряда были сформированы из советских граждан. Командиром группы стал "Гжегож" Корчиньский, заместителем командира по политическим вопросам - Юзеф Спиро, бывший солдат бригады им. Я.Домбровского в Испании. Главной задачей оперативной группы было уничтожение

ние немецких линий коммуникаций, а также ликвидация постов генеральской милиции и небольших отрядов, прибывавших на Замостье в составе карательных экспедиций. Действия оперативной группы охватили большую часть территории Замостья, нанося врагу значительный ущерб.

Входивший в состав оперативной группы отряд Василия Володина состоял главным образом из советских граждан. Сам Володин родился в 1917 г. в семье машиниста-железнодорожника в Рязанской области. В 1933 г. семья переехала в Алтайский край, где в колхозе "Снайпер" Василий находился до 1938 г. Призванный в армию, он окончил пехотную офицерскую школу и в звании лейтенанта в 1941 г. был направлен на фронт. Весной 1942 г. оказался в лагере советских военно-пленных в Хелме Любельском, являвшемся по сути центром массового уничтожения.

Во время одного из так называемых "маршей смерти" летом 1942 г. Володину удалось бежать. Получив продовольствие и одежду от польских крестьян, он пробрался в ординационные леса на юго-восток от Замостья и там начал собирать вокруг себя таких же, как он. В октябре 1942 г. в отряде Володина было уже 30 чел. Крестьяне показали им, где можно откопать оружие, спрятанное в сентябре 1939 г. отступавшими отрядами польской армии. Нападая на немецкие автомобили, они добыли несколько автоматов и ручных пулеметов. Своему отряду дали имя легендарного героя гражданской войны, особенно отличившегося в боях с немцами, - Николая Шорса.

В период выселенческой акции на Замостье отряд Володина, насчитывавший тогда 37 чел., принял активное участие в борьбе против гитлеровцев. Володин сотрудничал с отрядом Евгения Хлопских под командованием подпоручика Ежи Маллера - "Виса", с группой налета АК Яна Туровского - "Норберта" и другими партизанскими отрядами.

25 февраля 1943 г. отряд Володина, состоявший тогда из 43 партизан, в том числе 38 советских граждан и 5 поляков, установил контакт с прибывшим на Замостье отрядом им.

Т.Костюшко и вошел в состав созданной под командованием "Гжегожа" оперативной группы ГЛ.

Входивший в состав этой оперативной группы отряд им. Г.Котовского был создан в середине 1942 г. Его организатором и командиром был генерал-майор Сергей Отурцов, бывший командир 10-й танковой дивизии, а затем корпуса Красной армии, сбежавший из гитлеровского лагеря для военнопленных в Замостье. В состав отряда первоначально вошли две небольшие группы советских военнопленных под командованием Умара Ахмадлы Адаманова ("Мишка татарин") и Василия Манджавадзе ("Васька грузин"). В октябре 1942 г. отряд насчитывал уже 70 человек, а его боевая деятельность снискала ему живую симпатию среди сельского населения Замостья. 28 октября 1942 г. в Томашовском повяте героической смертью погиб Отурцов. Во главе отряда стал "Мишка татарин", воин небывалой отваги, сбежавший из немецкого плена, один из наиболее известных партизан Люблинщины. "Мишка татарин" родился в 1915 г. в Ялтинском районе. По профессии он был водителем и работал на одной из курортных баз Ялты. Взятый в плен в августе 1941 г. в окрестностях Хумана, после долгих перепетий он оказался в лагере военнопленных в Ченстохове. Из этого лагеря бежал в начале 1942 г., найдя убежище в семье убитого гитлеровцами польского офицера, теща которого довезла его до Билгорая в одежде старой женщины. Так "Мишке татарину" оказался в Сольской пуще на Люблинщине. После смерти генерала Отурцова "Мишке татарин" возглавил отряд, который в феврале 1943 г. насчитывал 75 партизан. С ним взаимодействовала многочисленная группа польских крестьян из деревень: Лукова, Блоне, Александровка, Глуха, Майдан Непрыски и др. После прибытия на территорию Замостья отряда им. Т. Костюшко отряд "Мишке татарина" подчинился Гвардии Лидовой и вошел в состав упоминавшейся выше оперативной группы.

К одной из наиболее известных акций, осуществленных отрядом им. Г.Котовского вместе с добровольцами из отряда АК "Корсар" и из отряда БХ "Буря", принадлежит сражение с

гитлеровской карательной экспедицией в Юзефове Билгорайском. Гитлеровский план сожжения городка и истребления его населения не удался. Но в этой битве 1 июня 1943 г. погиб "Мишка татарин" -"самый мужественный из мужественных", как говорили все знающие его. После гибели "Мишке татарина" его отряд поделился на более мелкие отряды, во главе которых встали В. Манджавадзе и Андрей Бородовий. Оба отряда действовали на Люблинщине вплоть до февраля 1944 г., когда они вошли в состав I Украинской партизанской дивизии им. Сидора Ковпака, которая в то время под командованием подполковника Петра Вершигоры глубоким рейдом прошла по территории Жешовщины, Люблинского и Белостокского регионов.

Много советских граждан находилось в рядах ГЛ (АЛ) на территории Радомско-Келецкого округа. В апреле 1943 г. на территории района ППР Стараховице был создан отряд ГЛ им. Мариана Лангеевича под командованием Василия Войченко - "Сашки". "Сашка" - советский летчик в звании лейтенанта родился в 1921 г. в деревне Калиновка Чкаловской области. Сбитый гитлеровцами в 1941 г., он совершил побег из лагеря военнопленных в Бялой Подляской. Оказавшись в рядах ГЛ, "Сашка" быстро выделился как своим опытом, так и не-бывалой отвагой и хладнокровием. Как командир отряда им. М. Лангеевича, а позднее специально вооруженной группы, входившей в состав окружного штаба ГЛ, "Сашка" завоевал большое признание и уважение среди солдат ГЛ и местного населения. Он быстро выучил польский язык.

Отряд им. Лангеевича провел под руководством "Сашки" ряд удачных акций. К наиболее известным относится разгром железнодорожной станции в Кунове в ночь с 30 апреля на 1 мая 1943 г., проведенный совместно с отрядом ГЛ им. Б. Гловацикого. 9 июня отряды им. Лангеевича и Гловацикого, насчитывавшие вместе около 70 партизан, вели в окрестностях Еленёвской Гуры в Свентокшиских горах ожесточенные бои с немецкой карательной экспедицией в составе нескольких сотен солдат. Бои шли почти целый день и только после наступления темноты немцы прервали облаву.

В июне 1943 г. "Сашка" вместе с группой бойцов - своих соотечественников пытался перебраться за Буг, чтобы соединиться с советскими партизанами. Экспедиция однако не удалась, и "Сашка" опять вернулся в район Келец. Вновь установив контакт с ГЛ, его группа в сентябре 1943 г. создала специальный отряд обеспечения под названием отряд "Сокола". Этот отряд, поделенный на небольшие группы, занимался главным образом снабжением других отрядов оружием, добтым в основном за Вислой, где он нападал на немецкие склады, полицейские и жандармские посты. 15 декабря 1943 г. "Сашка" получил звание подпоручика Гвардии Людовой и вошел в состав Окружного командования как оперативный офицер. 31 марта 1944 г. он был произведен в капитаны АЛ, а также представлен командованием округа к награждению "Крестом Грюнвальда" III класса.

Одна из крупнейших акций, проведенная под командованием "Сашки", - занятие городка Ильзы 16 мая 1944 г. совместно с отрядами им. М.Лангеевича, им. Б.Гловашского, а также советским партизанским отрядом под командованием Алексея Ботьяна - "Алеши". Город находился в руках партизан в течение нескольких часов. Солдаты Армии Людовой уничтожили почту, сберегательную кассу, банк потребительского кооператива, аптеку и немецкую мельницу, осуществили конфискации в немецком кооперативе, ресторане и многих магазинах. После окончания операции отряды отступили из города. 14 июня 1944 г. "Сашка" с группой солдат АЛ двинулся за Вислу за оружием. Там его застало летнее наступление советских войск. Он вернулся в ряды своей армии, однако через короткое время вновь возвратился в район Келец во главе разведывательной группы, теперь уже непосредственно подчиненной штабу Советской Армии. "Сашка" участвовал в партизанской борьбе с гитлеровцами вплоть до 7 декабря 1944 г., когда погиб в столкновении с немцами в деревне Мазяже, защищаясь до последнего патрона. Похоронен "Сашка" в Островце.

В начале 1943 г. в Радомщанском повяте по инициативе Окружного комитета ППР возник отряд ГЛ им. Юзефа Бема, ко-

торый действовал на территории Радомщанского, Петровского, Опочинского и Конецкого повятов. Насчитывая поначалу до 10 человек и имея на своем вооружении пару пистолетов, отряд быстро вырос в крупную боевую часть, способную проводить серьезные операции. Весной 1943 г. он был подкреплен группой советских военнопленных, которым удалось при помощи ченстоховской организации ШПР совершить побег из лагеря военнопленных в Ченстохове. Один из этих беглецов – ставший позднее широко известным партизан ГЛ и АЛ Яков Сальников – "Яша".

"Яша" жил перед войной в Харькове, где окончил среднюю школу и позднее работал на фабрике. Когда началась война, он пошел добровольцем на фронт и, будучи тяжелораненым в боях у Днепра, попал в плен. Перевозимый из лагеря в лагерь, убежал по дороге к Ченстохову вместе с неоколькими товарищами по неволе. Они получили помощь у местных крестьян, благодаря которым удалось установить контакты с ченстоховской организацией ШПР. Последняя помогла им прорваться в леса между Ченстоховским и Радомским воеводствами, а затем войти в состав отряда ГЛ им. генерала Бема.

В состав советского взвода в этом отряде, который возглавил "Яша", входили русские, грузины, украинцы и армяне. Одной из наиболее известных акций, в которых принимал участие взвод "Яши", была битва под Дьяблой Гурой в Опочинском повяте 24–25 октября 1943 г. Менее 90 партизан ГЛ в течение двух дней героически отражали атаки гитлеровской карательной экспедиции, насчитывавшей свыше 2000 солдат. Отряды вырвались из окружения под покровом ночи с минимальными потерями. Справедливости ради следует здесь отметить, что это удалось прежде всего потому, что власовцы, принимавшие участие в облаве со стороны немцев, пропустили партизан без единого выстрела после обращения к ним "Яши" на русском языке. Погиб "Яша" 30 июля 1944 г. в боях с частями СС в деревне Выгода в гидельских лесах в 12 км от Радомска, находясь в это время в охранении конопиративского заседания Народной Рады Лодзинского воеводства. Вместе с ним погиб командир группы грузин Николай Акулановский,

храбрый и стойкий партизан.

В начале 1944 г. отряд им. генерала Бема был преобразован в батальон, а 8 сентября того же года в третью бригаду АЛ. Особое место в ее истории занимает сотрудничество с советскими партизанскими отрядами. В частности, разведка бригады тесно сотрудничала с отрядами Морозова, Анатолия Невоята, Андрея Анисимова и др., оказывала им всестороннюю помощь.

Кроме многих сотен советских граждан, которые находились непосредственно в польских партизанских отрядах, в Кельцах в 1944 г. начинают создаваться специальные боевые группы, составленные почти исключительно из советских граждан и подчиненные штабу округа. В начале мая 1944 г. группа советских солдат из 13 человек, находившаяся в лагере военнопленных в Петркове, установила контакт с местной организацией АЛ, обезоружила немецкую охрану и, забрав оружие, скрылась в томашовских лесах. Командиром группы стал офицер-политработник Иван Гончаров. Эта группа постоянно увеличивала свой личный состав благодаря присоединению к ней бежавших из немецкого плена. Она действовала в течение некоторого времени в рамках АК как самостоятельный русский партизанский отряд. В конце августа этот отряд, насчитывавший уже 146 человек, соединился с отрядами АЛ в сухедиёвских лесах и подчинился командованию III округа АЛ.

В июле 1944 г. к советскому десантному отряду под командованием Петра Логинова присоединилась группа бежавших из плена советских военнослужащих в составе 31 человека под командованием Анатолия Царева. Логинов, считал наиболее эффективными действия небольших отрядов, выслал эту группу для выполнения определенных диверсионных задачий. В ходе выполнения этих задачий связь между группами Логинова и Царева нарушилась, зато отряд Царева встретился с другой группой из 16 человек — тоже бежавших из плена — под командованием ст.лейтенанта Николая Донцова. Обе группы объединились в отряд, который, встретив в районе сухедиёвских лесов части АЛ, подчинился командованию III округа

Армии Людовой. 21 августа командованию АЛ подчинилась также группа Калмыкова в составе 50 человек из так называемого Остлегиона. Она перешла на сторону партизан с оружием в руках, уничтожив перед этим всех немецких офицеров и младших командиров, входивших в состав их части.

Так как количество советских граждан, подчинявшихся командованию Ш округа АЛ, постоянно возрастало, возникла необходимость организации в них специальных подразделений. Шефство над советскими группами взял Терентий Новак (псевдоним "Петр", "Петр Лесьницкий"), который вместе с капитаном Станиславом Долецким (псевдоним "Александр") был ночью с 26 на 27 июля 1944 г. заброшен в район Келец с заданием организовать из советских граждан отдельные партизанские группы.

На основе приказа № 57 командования Ш округа АЛ от 13 сентября 1944 г., который подписал командующий округом подполковник Мечислав Мочар, командиром организованных отрядов был назначен "полковник Петр", начальником штаба - лейтенант И. Гончаров, а замполитом - капитан С. Долецкий. Все эти отряды были сведены в две бригады. Около 85% личного состава этих бригад составили советские граждане, порядка 15% - поляки. В сентябре в обеих бригадах находилось свыше 700 партизан.

Обе бригады вели активную разведывательную, диверсионную и боевую деятельность. Они передавали данные о вражеских частях, их моральном состоянии, о системе оборонных линий, типах вооружения и т.д. Проводили также пропагандистскую деятельность, направленную на укрепление польско-советской дружбы.

В связи с переброской новых гитлеровских частей и строительством немцами оборонных линий, а также и по причине тяжелой продовольственной ситуации обе бригады были поделены 8 октября на ряд более мелких отрядов, а в конце октября и первой половине декабря перешли группами через линию фронта.

На польских землях, особенно на территории между Бутром и Вислой, оживленную деятельность развивали так назы-

ваемые советские рейдовыe отряды, опережавшие фронт на несколько месяцев. Большинство рейдовых отрядов вступило на польские земли ранней весной 1944 г. За Вислой рейдовыe отрядов в принципе не было, однако там действовали группы, которые направляли эти отряды и которые иногда разрастались, превращаясь в серьезную партизанскую силу, главным образом благодаря подчинению себе распыленных, небольших боевых единиц, а также принятию советских граждан из польских отрядов.

Рейдовыe отряды характеризовались хорошим знанием военной тактики и высоким боевым духом. Они были оснащены автоматическим оружием и пулеметами, бронебойными ружьями и минометами, некоторые даже артиллерией. Большинство рейдовых отрядов, которые вступили в 1944 г. на польскую землю, находились в подчинении у созданного в июле 1942 г.

Украинского штаба партизанского движения. Главной задачей этих отрядов было разрушение линий коммуникаций гитлеровских войск.

Условием развертывания советскими рейдовыми отрядами на землях Польши серьезной боевой, диверсионной и разведывательной деятельности являлось их тесное сотрудничество с польским движением сопротивления, а также благожелательное, дружеское отношение со стороны польского населения.

Лучше всего развивалось сотрудничество советских рейдовых отрядов с организациями ШПР и отрядами АЛ, взаимодействовали они также с отрядами АК и БХ. По отношению к польскому гражданскому населению советские рейдовыe отряды вели себя образцово, делились с ним продовольствием, конфискованным у гитлеровцев, защищали его от банд украинских националистов. Если они иногда и брали продовольствие у крестьян, то платили за него по рыночным ценам. А польское население в свою очередь поставляло советским отрядам информацию и проводников, укрывало у себя раненых партизан. Немало поляков охотно вступило в эти отряды, в частности под командованием Прокопюка, Карасева, Банова и др., в которых сражались до конца войны.

К концу мая 1944 г. в результате успешной боевой деятельности советских и польских партизанских отрядов территория Люблинщины стала "партизанской сферой", то есть значительная часть воеводства практически вышла из-под контроля немецкой администрации.

Наиболее тесное боевое сотрудничество АЛ с советскими рейдовыми отрядами имело место в боях с гитлеровцами в яновских лесах и Пуще Сольской 9-25 июня, а также в крупном партизанском сражении на Люблинщине 19-21 июля 1944 г. в парчевских лесах, о чём уже упоминалось ранее.

x

x

x

На польских землях действовали многочисленные советские десантные группы. Преимущественно небольшие, от нескольких человек до нескольких десятков, они не раз разрастались в солидные партизанские отряды благодаря приему в свои ряды советских граждан - участников польского движения сопротивления. Их число оценивается примерно в 90, и занимались они главным образом разведывательной и диверсионной деятельностью, принимали также участие в многочисленных боевых операциях совместно с польскими партизанскими отрядами.

Начало деятельности десантных групп относится к лету 1941 г., причем первые из них состояли исключительно или преимущественно из поляков⁴. Их число возросло в последующие годы, особенно в 1944 г., когда территория между Вислой и Одрой стала непосредственным тылом фронта, а подготовка к последней, решающей атаке на гитлеровскую Германию вызвала необходимость получать информацию с прифронтовых территорий, а также соответствующего "размягчения" неприятельских сил усиленной диверсионной деятельностью. Особенno оживленной эта деятельность стала в первой половине 1944 г. на Люблинщине, а затем в регионе Келец, который во второй половине 1944 г. превратился в место наиболее ожесточенных партизанских боев.

В целом десантные группы были хорошо вооружены и оснащены радиотелеграфным оборудованием, проявляли большую

маневренность, быстро перебрасывались с одного места на другое. Значительная их часть действовала в округах ІІІ (Келецкий регион), ІУ (Краковский регион), а в особенности - в Подгалье. Объединяя бывших военнопленных, к примеру советский десантный отряд майора Золотаря вырос в сильную партизанскую группировку численностью до 700 человек, в состав которой входили наряду со штабной группой отряды Ивана Меняшкина, Константина Пича, Николая Кремса, подполковника Афанасия Гладилина и Людмилы Гордиенко ("Капитан Таня"). Группировка действовала в окрестностях Нового Тарга, Лимановой, Нового Сонча, Быхни, Рабки, Закопан, а также на восточных территориях Силезии и в приграничных районах Чехословакии. Разведывательные силы этой группировки доходили до Кракова, Катовиц, Ясла и многих других городов. Она уничтожила в боях около 1200 немцев, 70 военных автомашин, взорвала 5 мостов, вывела из строя 3 лесопилки, взорвала военный склад с минами и взрывчатыми материалами. Группировка майора Золотаря сотрудничала с организациями КП "Рox" и отрядами БХ в Лимановском повяте, а также с некоторыми отрядами АК.

В ночь с 27 на 28 июля, а также с 5 на 6 августа 1944 г. с самолетов был сброшен на территорию ІU-й области советский диверсионный отряд "Борьба" ("Валька") под командованием подполковника Николая Казина ("Калиновского"), насчитывавший около 50 человек. После короткого отдыха этот отряд вместе с другим десантным отрядом под командованием капитана Ивана Караваева ("Иван Иванович") двинул-ся на Подгалье. Однако в дороге эти отряды столкнулись с большими силами противника, и после тяжелого боя пробраться в горы удалось только отряду "Калиновского". Он действовал на территории Подгалья и прилегающих районов вплоть до освобождения этих земель, причем успешно сотрудничал с отрядами АЛ, БХ и АК.

Наряду с группировкой майора Золотаря на Подгалье действовала другая, насчитывавшая около 500 бойцов партизанская бригада под командованием майора С.Лесьниковского ("Леонида"), возникшая на основе небольшой десантной групп-

пы в составе 14 человек. Здесь же находилась сильная партизанская группировка под командованием Владимира Мачнева (псевдоним "Потемкин"), которая, в частности, принимала участие в освобождении Закопан, а также прибывший из Словакии в конце ноября 1944 г. партизанский отряд в составе 100 человек под командованием майора Анатолия Коваленко ("Белова"). На этой территории сражался также партизанский отряд капитана Петра Тихонова, направленный в Новотарский район в середине июня 1944 г. В начале августа отряд Тихонова перешел на территорию Чехословакии, где действовал до мая 1945 г.

Все рейдовые и десантные отряды (разведывательно-диверсионные) насчитывали около 8 тыс. советских солдат. Всего же в польском антигитлеровском сопротивлении принимало участие порядка 20 тыс. советских граждан, из коих 12 тыс. непосредственно находилось в польском партизанском движении. Они составляли очень серьезную силу, которая значительно повысила эффективность боевого сопротивления на польских землях, нанося немецкой военной машине довольно ощутимые удары, особенно в период, который непосредственно предшествовал освобождению.

Советские граждане сыграли существенную роль в создании польского левого партизанского движения. В период его возникновения, когда отсутствовали подготовленные в военном отношении кадры, они составляли значительную часть бойцов левых сил. С другой стороны, помощь, оказавшаяся ППР и другими польскими организациями вырвавшимися из гитлеровского плена советским военнослужащим, спасла многие тысячи этих военнослужащих от смерти, их солдатскую честь, предоставив возможность принять активное участие в боях с гитлеровцами. Следует отметить, что советская помощь для польского партизанского движения значительно увеличилась после прибытия в Москву в мае 1944 г. делегации Крайовой Рады Народовой. С мая 1944 г. по январь 1945 г. Польский партизанский штаб (переименованный в сентябре 1944 г. в Базу материально-технического снабжения при Главном командовании ВП для отрядов в тылу вра-

га) перебросил в тыл немецкого фронта для Армии Людовой 327 человек и 567 контейнеров с оружием и снаряжением (в том числе 1417 винтовок, 4653 автомата, 246 ручных пулеметов, 49 противотанковых ружей и 49 минометов).

Получая помощь от СССР, а также действовавших за Бугом советских партизан, ГЛ, а затем АЛ вооружали в свою очередь советских людей, сражавшихся в ее рядах, а также оснащали оружием отряды, идущие за Буг. Взаимодействие и взаимопомощь были существенным элементом формированного в годы войны польско-советского братства по оружию.

В заключение несколько соображений по дальнейшему изучению этой темы. Требуют уточнения некоторые цифры, прежде всего количество бежавших из гитлеровских лагерей, существовавших на польской территории, советских граждан и тесно связанная с этой цифрой, но все же несколько другая – количество тех из них, кто участвовал в польском движении сопротивления. С этой точки зрения различия между оценками, даваемыми отдельными историками, еще значительны, а данные немецких источников тоже не всегда убеждают. Отдельная проблема, требующая дальнейших исследований, – отношение польского населения к советским военнопленным, размеры и формы помощи им, оказывавшейся различными слоями польского общества и военно-политическими организациями, в частности помощи оружием, а также снаряжением, продовольствием и др. Важно установить все отряды и партизанские группы, в которых участвовали советские граждане, их роль и место в польском движении сопротивления, наконец, хотя бы приблизительно, но все же близко к истине назвать число тех, кто погиб в борьбе на польской земле.

Дальнейшего анализа требует также проблема участия поляков в советском движении сопротивления. Наибольшие размеры это участие приобрело на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Те поляки, которые жили на этих землях, представляли собой население, частично осевшее здесь много поколений назад, а частично состоявшее из пришлих поселенческих и управлеченческих элементов. Эти последние группы, будучи исполнителями воли польских господ-

ствовавших классов на востоке, были обременены острыми проявлениями шовинизма и антисоветизма. То есть проводимая ими политика способствовала национальным конфликтам на территориях за Бугом, целенаправленно разжигаемым в период их оккупации гитлеровцами, особенно конфликтам между польским населением и выслуживавшимися перед оккупантами украинскими националистами. Эти конфликты часто перерождались в настоящую внутреннюю гражданскую войну, ибо с весны 1943 г. банды украинских националистов различных мастей перешли к массовому истреблению польского населения. Поляки скрывались в городах, создавали в сельских населенных пунктах организации самообороны, но находились в необычайно трудной ситуации. Помощь польскому населению оказалось тогда, в частности, советское партизанское движение. Следовательно, сама жизнь, практика сыграли решающую роль в изменении настроений значительной части польского населения на территориях за Бугом. Правда, сближению с советскими партизанами противостояла активная пропаганда действовавших там организаций, подчиненных польскому эмигрантскому руководству и его представительству в стране, но все возрастающая ненависть к оккупантам, потребность найти союзника в борьбе с украинскими националистами брали верх над колебаниями и способствовали вхождению поляков в рамки советского партизанского движения.

Проблема участия поляков в советском партизанском движении создает для исследователей, несомненно, меньше трудностей, чем проблема участия советских граждан в польском движении сопротивления. Это объясняется, в частности, значительно более обширной источниковедческой базой, так как советское партизанское движение практиковало систематическую и довольно подробную отчетность. Несомненно также и то, что в СССР накопилось огромное количество опубликованных мемуаров. Правда, анализ этого материала требует значительных усилий, в том числе "очищения" от приукрашений – особенно в отношении количества и результатов боевых действий, идентификации ряда излагаемых фактов и событий с действительным положением дел.

Иначе говоря, нерешенных задач у историков здесь несомненно больше, чем решенных. Дальнейшая же работа в этом направлении требует дискуссий и уточнений в кругу заинтересованных лиц. Результатом этих дискуссий должна быть новая программа, которая обеспечит действительно глубокое и всестороннее освещение данной проблематики, а тем самым и возможности для укрепления польско-советской дружбы.

Примечания

I .W.Góra. Z dziejów współdziałania polskich i radzieckich partyzantów w latach hitlerowskiej okupacji. W-wa, 1958.

2. Из воспоминаний польских участников антигитлеровской борьбы можно назвать следующие:

A.Bakalarczyk. Leśne boje. W-wa, 1969; L.Bielski. Spotkanie z ziemią. W-wa, 1965; Wł. Golębek. Bez rozkazu. W-wa, 1973. Wyd. 5; M.Janic. Idę partyzanci. W-wa, 1970. Wyd.6; J.Jarosz. Ze wspomnień dowódcy okręgu GL i AL. W-wa, 1962; P.Książarczyk. Droga w ogniu. W-wa, 1964; M.Kunicki. Pamiętnik "Muchy". W-wa, 1967. Wyd. 2; M.Moczar. Barwy walki. W-wa, 1979. Wyd. I2; J.Ptasinski. Z mazowieckich pól. W-wa 1959; J.Sobiesiak, R.Jegorow. Burzany. W-wa, 1962; J.Sobiesiak, R.Jegorow Ziemia płonie. W-wa, 1961; J.Sobiesiak. Przebraże. W-wa, 1964; J.Sobiesiak. Brygada Grunwald. W-wa, 1964; T.Sztumberk-Rychter. Artylerzysta piechurem. W-wa, 1967; Cz.Warchocki. Rzeczpospolita partyzancka. W-wa, 1972; E.Wiślicz-Iwańczyk. Echa puszczy jodłowej. W-wa, 1969 i wiele in. Из наиболее важных мемуаров бывших советских партизан следует указать таких авторов, как: Д.Бакрадзе. Кровью героев. Киев, 1968; А.Бриньский. По ту сторону фронта. М., 1961; В.Цветков. Своими глазами. Минск, 1972; И.Черный (Банов). Данные достоверны. М., 1968; Т.Новак. Лесная быль. М., 1962; И.Г.Щубитидзе. Полесские были. Минск, 1969 ; G.M.Linkow. Wojna na tyleach wroga. W-wa, 1950; P.Werszyna. Operacja San - Wisła. W-wa, 1964. Wyd.2; I.Zolotar. Przyjazd wojennych lat. W-wa, 1974; Ze zbiorów wspomnień zob. m.in.: Byli z nami. O działalności partyzantów radzieckich na ziemiach polskich. Zebrał i oprac. W.Góra i S.Wronski. W-a, 1966; w jednym szeregu. Wspomnienia uczestników walk partyzanckich na Białorusi 1941-1944. W-wa, 1969 oraz Przez uroczyska Polesia i Wołyńia. Wspomnienia polaków-uczeńników radzieckiego ruchu partyzanckiego. W-wa, 1962. Где ли тературе рассматривается также участие поляков в антигитлеровской борьбе на территории СССР.

3. Kształtowanie się podstaw programowych PFR w latach 1942-1945. W-wa, 1958. S.I2; por. także art. z "Trybuny wolności" p.t. "Front narodów przeciwko najazdźcy"// Tamże. S.I6-I9.

4. Это были главным образом разведывательные группы.
Из наиболее известных следует назвать группу в составе
5 человек под командованием Николая Арчишевского ("Михаил"),
сброшенную на польские земли уже 17 августа 1941 г. и дей-
ствовавшую до июля 1942 г.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЯМБРОВСКАЯ И.С. (СССР) "Белые пятна" в истории советско-польских отношений и современность	6
АДАМ ДОБРОНЬСКИЙ (ПР) Советские пленные на территориях оккупированной Польши (1941-1945)	24
ЯНУС ГИЛТРУК (ПР) Польское село и крестьянское (людоловское) движение в акции оказания помощи советским гражданам в годы гитлеровской оккупации	44
ПАРСАДАНОВА В.С. (СССР) Международные конвенции о военнопленных и интернированных и их применение в годы второй мировой войны	85
ЗУЕВ Ф.Г. (СССР) К вопросу об участии советских граждан в польском сопротивлении (1941-1944 гг.)	95
РICHARD NAsAReVICH (ПР) Политические аспекты отношений между польскими и советскими партизанами на оккупированных землях (1941-1945)	104
WLAJSLAW GURA (ПР) Сотрудничество польских и советских партизан на польских землях в годы второй мировой войны	140

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР
Подписано в печать .10.91. Формат 60 x 84/16
8,7 печ.л. 8,3 уч.-изд.л. Тираж 300 экз.
Заказ № 89 Цена I р. 30 к.

Участок оперативной полиграфии Института истории
СССР АН СССР II7036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

